Беспа Лаури

КАРЛА БРУНИ: ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга журналистки «L'Express» Бесмы Лаури наделала много шума и сразу же стала бестселлером во Франции. Разразился настоящий скандал: поговаривали, что люди из Елисейского дворца пытались выкупить весь тираж еще до его поступления в магазины. Эта книга — настоящее журналистское расследование, с показаниями «очевидцев» и допросами «потерпевших». Среди них оказались бывшие любовники Бруни, друзья, одноклассники, дизайнеры, пластический хирург и даже няня — всего около сотни человек…

Карла Бруни-Саркози — одна из самых известных моделей, успешная певица, глянцевая икона современности и супруга самого непопулярного президента Франции за последние полвека.

В этой книге — ее подлинная жизнь, тайная жизнь, не известная доселе никому.

- Бесма Лаури
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Эпилог
  - Благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87

- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131

- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175

- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208

Бесма Лаури
Карла Бруни: тайная жизнь

Для Ф. Г.

Жалок тот, кому уже нечего желать. Он, так сказать, теряет все, чем обладает. Люди гораздо меньше наслаждаются тем, чего они уже достигли, нежели надеждой достигнуть желанного, и счастливы они бывают только в преддверии счастья.

Ж. Ж. Руссо. Новая Элоиза[1]

Пролог

Написать портрет первой леди? На первый взгляд, пустая затея. Кажется, мы столько знаем про Карлу Бруни. Бывшей модели, а ныне третьей мадам Саркози в одной только Франции уже отдали больше первых полос, чем любой звезде мирового кино. Уверенная в своей притягательности и способности вызывать интерес, Карла Бруни однажды заявила на собственном сайте, что интервью, которое она дала газете «Либерасьон» в июне 2008 года, обеспечило изданию «лучшие продажи за год». Конечно, она несколько преувеличила… но была не так уж далека от истины. На протяжении двадцати лет пресса описывала все ее подвиги, победы и метаморфозы. Бруни позировала самым знаменитым фотографам, свободно разгуливала с новыми любовниками, изливала душу в интервью, причем не только в «желтой прессе». Модель и певица во многом сама способствовала этой шумихе. Шоу-бизнес и СМИ зачастую ведут одну и ту же игру, и Карла Бруни хорошо усвоила ее правила. Причем настолько, что многие журналисты говорят о ней как о своей приятельнице или даже лучшей подруге.

* * *

И все же, знаем ли мы, что скрывается за этой глянцевой иконой, в которую экс-артистка превратилась, выйдя замуж за президента Франции?

Настоящая загадка: почему первая леди, которая долгие годы резко отвергала моногамию, теперь через каждое слово вставляет «мой муж»? Подлинная тайна: как богатейшая итальянская наследница, с семи лет живущая во Франции и долгое время представлявшая определенную часть левой интеллигенции, стала супругой самого непопулярного президента за всю историю Пятой республики, чей переход от умеренно к ультраправой позиции вызвал толки даже среди его сторонников. Карла Бруни и Николя Саркози — взрывоопасная смесь. Она — в прошлом знамя парижских левых сил, свободная артистка, которую попрекают тем, что ее до сих пор тянет на сцену. Он — по словам некоторых, «человек инстинкта»; резкий, но цельный; околдован богатством и успехом. Союз противоположностей? Журналист Жак Сегела утверждает, что после того, как от Карлы ушел Рафаэль Энтховен, который моложе ее на десять лет, она, испугавшись надвигающегося сорокалетия, поддалась

президентскому обаянию. Ведь Саркози — лучший из ее трофеев. Благодаря этому браку она смогла не только насладиться упоительными чувствами, но — и это главное — вновь обрела популярность, которую ей принесли когда-то отношения с Миком Джаггером. Только на этот раз — никаких оскорбленных жен, которые могут испортить праздник. С другой стороны, Николя Саркози, покинутый супругой, уставшей от его жажды власти, был совершенно покорен и околдован Карлой. Благодаря ей он смог проникнуть в среду интеллектуалов, которые выказывали ему враждебность сразу же после избрания, а потом замкнулись в молчании.

Неужели бывшая светская львица стала терпеливой супругой внезапно остепенившегося президента? Да, уверяет нас пресс-служба Елисейского дворца, и ей вторят обложки некоторых журналов.

* * *

Но все не так просто… Ведь под маской «скромницы Карлы» таится женщина грозного нрава, которую одна из ее униженных юных соперниц прозвала «Терминатор». Политики, рок-звезды, актеры, фотографы моды, журналисты — почти никто не в силах противиться ее чарам и стремлению к власти. Ее подозревают в использовании положения, обсуждают застывшие черты ее прекрасного лица, перешептываются о том, что это будто бы не от природы — но никто так и не написал об этом… до сих пор.

На самом деле, провести «расследование» о Карле Бруни кажется миссией невыполнимой, особенно если вы не принадлежите к ее свите. Если вас не приняли при дворе — перед вами захлопываются все двери… но лишь на время. Разумеется, мы не раз ощущали влияние первой леди, не желающей, чтобы ее близкие встречались с нами. И тем не менее. Мы живем во Франции, стране недовольных, где всегда найдутся желающие рассказать — с нежностью или без — о той Карле, которую они знают или знавали раньше.

* * *

Кто же предстанет перед нами в итоге этого «расследования»? Карла — соблазнительная и соблазняющая, привлекательная и вызывающая, притягательная и пылкая, свободная и расчетливая, сдержанная, но умеющая пользоваться властью, верная в дружбе и

ветреная в любви, одержимая желанием стать хозяйкой своей судьбы — и выскочившая замуж за человека еще более непредсказуемого, чем она сама. Эта любовная история должна была принадлежать им и только им. Но она уже вышла из берегов и хлынула на публику — а значит, отныне принадлежит и нам.

Глава 1
У меня новый любовник

— Карин? Это Карла…

Париж, ноябрь 2007-го, 23 часа.

Актриса Карин Силла[2] полулежала на диване в своей квартире на авеню Монтень и смотрела телевизор. В самом звонке подруги детства не было ничего странного, но что-то в голосе Карлы встревожило Карин.

— Угадай, с кем я встречаюсь?

— С кем? Скажи…

— Николя… Саркози!

— Что? Нет! Только не он!

Сама не сознавая, Карин закричала в трубку. И это ее Карлуша, которую она знает как свои пять пальцев! Лет двадцать назад они вместе покоряли подиумы.

Впрочем, с тех пор слава одной затмила другую: Карин обрела известность благодаря тому, что родила дочь от Жерара Депардье, а вся личная жизнь Карлы проходила в лучах прожекторов. И все же подруги продолжали поддерживать связь, всякий раз обсуждая подробности своих любовных побед и неудач. Так что мужчин подруги Карин повидала немало. И слабость Карлы к звездам, ее увлечения, становившиеся достоянием светской хроники, были ей не в новинку. Даже муж Карин, актер Венсан Перес, успел побывать в объятиях Карлы. Но Николя Саркози… Карин была готова ко всему, но только не к такому. Среди их друзей, состоятельных людей левых взглядов, этот «трофей» имел все шансы стать пятном позора.

— Ты зашла слишком далеко, Карла…

* * *

Гордясь произведенным эффектом, Карла тихо ликовала. Значит, спустя годы ей все еще есть чем удивить друзей. В этот раз она посягнула на святое. Никогда раньше она даже не приближалась к главе государства. Встречаться с таким могущественным человеком, как Николя Саркози, — не это ли предел мечтаний? Во всяком случае, это цель, к которой Карла потихоньку шла почти тридцать лет. Каждый ее шаг веером грязных брызг оседал на страницах бульварной прессы. Эмелин,

[3] бывшая костюмерша, никогда не забудет пророческие слова, которые юная Бруни произнесла в 1987 году во время шоу, организованного стилистами Марите и Франсуа Жирбо для парижских клиентов. Карле было всего семнадцать, она только-только начинала карьеру модели. По воспоминаниям Эмелин, она была милой говорливой девушкой, всегда на «ты» с гримершами и костюмершами: «Садилась среди нас, часто прямо на пол, в центре небольшой группы, и ждала, пока ее позовут. Все поглядывала в карманное зеркальце и повторяла: „Поверьте, я стану знаменитой!“ Мы слушали ее с улыбкой». Звездой тогда была топ-модель Амира Казар, но Карлу это совершенно не смущало. «Четыре дня подряд, — рассказывает Эмелин, — она твердила как заведенная: „Вот увидите, кем я стану!“»

Карин Силла увидела. И поразилась не она одна.

* * *

Несколько дней спустя, 1 декабря, Карла устроила сюрприз еще одной подруге детства, на этот раз итальянке. Весь день они вдвоем ходили по магазинам, а когда вернулись в шикарный особняк певицы в 16-м округе Парижа,[4] Бруни, бросив вещи на проходе, повернулась к приятельнице и проворковала:

— Я в душ. Если мой новый любовник придет — впусти его, ладно?

Через четверть часа в дверь позвонили. Карла еще не вышла из ванной, и подруга побежала встречать гостя. Едва приоткрыв дверь, она застыла, стиснув ручку: на пороге стоял президент Франции, прямой как штык, с улыбкой до ушей: он явно был в восторге от изумления, которое читалось на лице женщины.

* * *

Все знакомые Карлы, среди которых новость разлетелась со скоростью щелчка фотоаппарата, восприняли ее с одинаковым недоверием.

Их Карлуша — с лидером правых? С тем, кто хотел ввести ДНК-тесты для потенциальных иммигрантов? Они же все — и Карла в том числе — были возмущены и даже подписали петицию протеста несколько недель назад.

Даже самым толерантным из обеспеченных друзей Бруни нелегко было смириться с подобной новостью. Лакомый кусочек от этого казался только слаще: Николя — роскошнейший улов, и

уж она постарается, чтобы о них узнали все. С ее природным даром постановщика, отточенным до совершенства, ей превосходно удается быть жрицей собственного культа.

* * *

Надо сказать, что «улов», сам того не зная, помог ей добиться цели. К тому времени французы уже в мельчайших деталях знали о семейной жизни президента, о его делах сердечных. Во время предвыборной гонки все восхищались его белокурыми ангелочками-сыновьями; в день его избрания, на площади Согласия, все всматривались в бледное лицо Сесилии; с замиранием сердца все следили за колебаниями первой леди Франции. Уйдет? Не уйдет? На долгие месяцы Елисейский дворец превратился в место действия мелодрамы, а люди пребывали в недоумении. Да, супруга покинула их президента, это всем известно. Но так внезапно променять ее на певицу со слабым голосом?..

Последняя резкая перемена в личной жизни главы государства мгновенно вызвала насмешки со стороны даже самых серьезных изданий. Карла и Николя? Потому что она — это она, а он — это он? Но почему бы и нет? Это любовь с первого взгляда, говорят нам. В конце концов, у сердца свои резоны, противиться которым не в силах даже неистовый разум Саркози. И мы уже почти что им поверили.

Глава 2
Знакомство поневоле

По-видимому, на эту «передачу супружеской эстафеты» ушло всего лишь несколько часов. Речь идет о знаменитом ужине, который Жак Сегела[5] столь красочно описал в своем автобиографическом романе.[6] По его словам, именно тот вечер положил начало идиллии… На самом деле эта версия не совсем точна. Ужин, состоявшийся 14 ноября 2007 года — настоящий балет, — конечно, был поставлен Жаком Сегела, но либретто от начала до конца написано рукой бывшей модели. Сюжет, надо признать, был уже на ладони.

С тех пор как Сесилия ушла, президент хандрил. 15 октября было объявлено о разводе, и в окружении Николя Саркози забеспокоились, как бы он не впал в депрессию. 18 октября он в строжайшей тайне был доставлен в больницу Валь-де-Грас. Если верить авторам книги, вышедшей в январе 2008 года,[7] причиной послужил всего лишь безобидный абсцесс горла. Но приближенные знали, что президент морально истощен. Вот почему, по их словам, была необходима госпитализация.

На следующий день Николя Саркози ожидали с официальным визитом в Марокко, и ему нужно было срочно вернуть бодрость духа. В Марракеше глава государства казался бледным, но перед камерами держался уверенно. И все же участники поездки вспоминают, как в перерывах президент с потерянным видом бродил по коридорам королевского дворца. Даже Мухаммед VI, узнав об уходе первой леди, проникся сочувствием. Чтобы поднять настроение французскому гостю и отвлечь его от грустных мыслей, король Марокко представил ему бегуна Хишама эль-Герружа, двукратного олимпийского чемпиона… и кумира Саркози. Во время пресс-конференции президент не преминул предъявить его журналистам, будто трофей. «Эль-Герруж — мой герой!» — воскликнул он, сияя, как ребенок, которому насыпали гору конфет.

* * *

Когда глава государства вернулся во Францию, в дело вновь вступила его личная гвардия. «Спасти рядового Николя!» — решили советники президента во главе с Пьером Шароном и Катрин Пегар. Теперь для него стали устраивать ужины в городе,

приглашать к нему за стол знаменитых артистов, как, например, Кароль Буке, которую видели в его обществе в «Тиу», одном из самых модных ресторанов Парижа. Когда Жак Сегела, бывший специалист по связям с общественностью при Франсуа Миттеране, а теперь советник Саркози, предложил ему тот самый ужин, президент с радостью согласился. В меню: Жюльен Клерк и Карла Бруни. Когда-то у них был роман… И тем не менее? «У таких людей», как сказал бы Жак Брель, не принято заострять внимание на подобных обстоятельствах. А Карла и вовсе относится к своим «бывшим» как к членам семьи. Впрочем, у Жюльена Клерка в тот вечер было выступление, так что приняла приглашение только Карла.

* * *

Есть и другая версия, согласно которой имя красавицы Жаку Сегела подсказали. Такую гипотезу подтверждают слова Жорж-Марка Бенаму,[8] в ту пору — советника президента по культуре и СМИ.[9] По его словам, Саркози и Бруни могли познакомиться еще за несколько дней до того, а точнее, 23 ноября, когда Дени Оливьен (на тот момент — глава крупной розничной сети «FNAC», а теперь главный редактор журнала «Нувель обсерватер») представил главе государства доклад «Адопи»[10] по проблеме пиратства в Интернете. Дени Оливьен тогда действительно пришел в сопровождении Карлы Бруни — их дружба возникла после вечера в честь тех, кто оказал поддержку журналу «Лез Анрокуптибль».[11] Незадолго до этого, к примеру, их видели на церемонии бракосочетания члена Европарламента Анри Вебера и продюсера Фабьен Серван-Шрайбер. Вот как охарактеризовал это пышное празднество на восемьсот персон в парижском Зимнем цирке психоаналитик Жерар Миллер: «Если вас туда не пригласили, значит, для общества вас просто нет». Жорж-Марк Бенаму, также присутствовавший при докладе «Адопи», утверждает: «Думаю, именно в тот день президент впервые приметил Карлу».

* * *

Как бы то ни было, но в ноябре, во время ужина, который организовал Жак Сегела, Николя Саркози и Карла Бруни уже не в первый раз обменялись взглядами. Президент, по словам Бенаму, перед встречей внимательно изучил личное дело певицы и

заказал ее диски. А уж от этого до предположения, что Николя Саркози сам подсказал имя красавицы своему другу — лишь одна струна… которую прекрасная итальянка задела изящным ноготком, без тени фальши.

В тот вечер она предусмотрительно надела балетки. Ведь будет излишним напоминать о разнице в росте между президентом и его гостьей? Придя раньше него, Бруни не скрывала своего нетерпения, чувствуя себя вполне уверенно, ведь она вступала на завоеванную территорию. Остальные гости — ее хорошие знакомые: философ Люк Ферри и его супруга, Мари-Каролин, а также дизайнер по интерьеру Гийом Кошен с супругой, телеведущей Пери. Люк Ферри никогда не скрывал, что был близок с Карлой Бруни.[12] Это, впрочем, не помешало его жене стать крестной матерью Орельена, сына Карлы от Рафаэля Энтховена. А чета Кошен всегда была известна своими светскими приемами. К тому же Гийом был автором дизайна интерьера в особняке Карлы. Итак, все элементы сошлись, позволив ей воссиять на небосклоне. Что же касается Николя Саркози, он, разумеется, уже сталкивался с этой милой компанией и раньше, но близкого знакомства так и не свел. Неважно! Он был готов пойти хоть на сделку с самим дьяволом, лишь бы сблизиться с планетой Бруни.

Дальнейшие события известны нам по книге Сегела: французский наскок («Вы принимаете меня за Ширака!»); итальянский выпад («Нет, я вижу разницу»); внезапный переход на «ты»; затейливый узор из показных колкостей («А в отношениях с прессой ты пока только любитель. Мой роман с Миком [Джаггером] восемь лет оставался в тайне…») и милых ответных реплик («Как же ты восемь лет встречалась с человеком, у которого такие смешные икры?»); электрические разряды в воздухе («Такое чувство, что я на свидании вслепую. Но ты не слишком заносись, твоя репутация тоже может отпугнуть»); решающие уколы («В песнях ты строишь из себя черствую, потому что ты нежная. (…) Я знаю все про тебя, потому что я — это почти что ты»); детские реплики в сторону («Прости, мне нужно кое-что сказать соседке»); слова вполголоса или даже шепотом на ушко («Карла, а слабо тебе прямо сейчас, у всех на глазах, поцеловать меня в губы?»); а потом президент и певица уходят вдвоем, держась за руки…

Так всего за пару часов рождается новая love story, ремейк истории Джона и Мэрилин.

* * *

Для Джона-Саркози роман с великолепной, богатой и знаменитой Мэрилин-Бруни стал возможностью восстановить уязвленную гордость, взять реванш над неверной супругой и заткнуть всех тех, кто видел в нем обманутого мужа, раздавленного и униженного президента.

Карла все знала о провале президента, но ей это было не важно. Два года назад ее саму бросил Рафаэль Энтховен. Отец ее единственного ребенка ушел от нее к молодой актрисе… Она тоже познала горечь расставания, и теперь ей, как и ему, хотелось вспыхнуть вновь и показать, на что она способна. Николя Саркози, отвергнутый муж, который, по общему мнению, все еще влюблен в бывшую жену, — вот непростая, интереснейшая задача. Ей предстояло не только завоевать его, но и затмить соперницу, стать лучше, чем она.

Глава 3
У нас с Карлой все серьезно

В парижском медиамире все уже были в курсе. По кулуарам редакций бродили слухи о влюбленности президента, но дальше этого дело не шло — не было доказательств. Растревоженным папарацци не повезло в одном — их звали не Паскаль Ростен.[13] Именно ему, опаснейшему фотографу Франции, Карлиссима была знакома очень хорошо. Его-то будущая первая леди и избрала для обнародования своей идиллии, этой искусно созданной постановки, частью которой станет теперь вся ее жизнь — как личная, так и общественная.

* * *

Паскаль Ростен познакомился с Карлой двадцать пять лет назад, когда она делала первые шаги в модельном бизнесе. В ту пору они с коллегой Брюно Муроном снимали одну студию на двоих на Монмартре. Бруни было всего шестнадцать, и она порхала по дискотекам вместе с неразлучными подружками Рафой, Жоаной, Марией и Алексией. Эта маленькая банда неизменно прибегала в клуб «Бюс Палладиум», где и веселилась ночи напролет.

С тех пор фотограф и модель никогда не теряли друг друга из виду, не упуская случая объединиться ради общих интересов. После нескольких неудачных попыток фоторепортажи о любовных похождениях красавицы наконец-то принесли ему прибыль. Снимки Карлы и Арно Кларсфельда в Венеции, в 1995 году? Его рук дело. Он же в начале 1990-х стал автором фотографий манекенщицы с членом Национальной ассамблеи. Они так и не были напечатаны, и любопытно, что Ростен даже не пытался их продать — несомненно, в знак их «старой дружбы»…

Положа одну руку на сердце и покачивая кубинской сигарой в другой, Ростен проникновенно уверял: «Ни разу в жизни я не „охотился“ за Карлой! Я никогда ее не предам!» Точно так же, по его словам, он никогда не снимал великого футболиста в нескромном обществе. А позже утверждал, что ему предложили немалую сумму за фото знаменитого спортсмена и актрисы…

* * *

Тем не менее утром 15 декабря 2007 года фотограф оказался возле парижского дома своей протеже. «Совершенно случайно, — заверил он. — Подобное случилось впервые!» А как же его Карлуша и президент Франции? «Я ничего не знал! Хотя до меня и доходили слухи об этом». Некоторые его коллеги оказались куда прямолинейнее: «Паскаль постоянно висел на телефоне, болтая с ней. И он был в восторге от того, что все об этом в курсе. В отличие от нас, Ростен мог часами не сидеть в засаде: Карлита всегда заранее докладывала ему о своих самых важных перемещениях».

Теперь ясно, почему в ту субботу в 11 утра Ростен был уже на посту. «Два полицейских мотоцикла, а за ними два черных автомобиля припарковались возле дома, — вспоминал он. — Карла, ее мать и сын Орельен вышли и сели в одну из машин. Я догадался, что это авто Саркози». И папарацци на скутере отправился за президентским кортежем. «Незаметно» (в чем сильно сомневаются его коллеги) он проехал Порт-де-Берси, и погоня продолжилась по скоростному шоссе A4. «Я потерял их из виду, — признался Ростен, — но понял, что они едут в Диснейленд». Конечно же, он оказался там раньше всех конкурентов и вдоволь наснимал Саркози и Бруни во время их неспешной семейной прогулки.

И, хотя он был далеко не единственным фотографом в парке, именно его снимок новоиспеченной пары вызвал сенсацию. «Там было полно народу, но я их все-таки засек. Щелк-щелк — и дело в шляпе», — рассказывал он, пытаясь нас уверить, что только благодаря счастливой случайности ему удалось провернуть это дельце…

«Тайная» парочка — Красавица и президент — осталась отдыхать в Диснейленде. А на следующий день Кристоф Барбьер, [14] главный редактор журнала «Экспресс», позвонил по мобильному своей подруге Карле: «У меня есть снимки, где вы с Николя в Диснейленде… Ты подтверждаешь?» Конечно, она подтвердила. Более того — с наслаждением. В понедельник в интернет-версии «Экспресс» появилась фотография авторства Паскаля Ростена. В среду вступил в игру журнал «Пуан де Вю», принадлежащий той же издательской группе. А через несколько дней фото президента Франции и его «новой избранницы» в пальто от Hermès (необычный наряд для поклонницы неформальных марок) разлетелось по всему свету.

Накануне сорокалетия Карла Бруни сорвала двойной куш: все объективы мира были прикованы к ее персоне, и ради этого ей даже не пришлось разбивать чужую семью.

* * *

Французы с изумлением обнаружили, что доверили управлять страной ветренику. Герой развода оказался… в объятиях сердцеедки, миллионерши и светской львицы со скандальной репутацией. Неужели любительница сенсаций займет место тетушки Ивонны[15] и станет первой леди Франции? Народ пребывал в сомнениях.

Чего нельзя сказать о Саркози. Семья будущей супруги тут же приняла как родного. Об этом мы узнали от советника президента Пьера Шарона,[16] присутствовавшего на памятном ужине в Елисейском дворце в канун Рождества. Будущий зять едва не прослезился, когда Мариза, мать Карлиты, сидевшая по другую сторону стола, торжественно произнесла: «Спасибо тебе, Николя! Ты вернул в эту семью радость, которая покинула нас с тех пор, как два года назад умер мой сын. Отныне ты — глава семьи». Окрыленный президент поклялся, что будет достоин этой чести. И, пожирая глазами без пяти минут невесту, шепнул Шарону: «Она красавица, умница, в ней есть все». «Не то что старушка Сесилия», — добавил потом Шарон в разговоре с нами, сидя в своем кабинете, стены которого украшены фотографиями новой хозяйки.

* * *

Спустя несколько дней после того ужина Карла и Николя улетели в Египет. Старший сын президента Жан отправился вместе с ними, хотя от предыдущей жены отца, которую за глаза прозвали «колдуньей», он никогда не был в восторге.

По возвращении на пальце певицы красовался внушительный розовый бриллиант в форме сердца. Знатоки тут же опознали кольцо «Купидон» ювелирного дома Dior.

Злые языки ликовали: в свое время Николя Саркози подарил Сесилии в честь воссоединения семьи кольцо из той же коллекции. Именно оно было у нее на руке в день инаугурации мужа. И ведь обе эти модели создала не кто иной, как Виктуар де Кастеллан, сестра Матильды Агостинелли, подруги… Сесилии. Не правда ли, забавно.

Самые коварные сплетники припомнили, что Диснейленд — одно из любимых мест отдыха бывшей первой леди. Можно подумать, что свежеиспеченный жених решил адресовать сильное послание экс-супруге.

Подобные намеки Карла встречала с невозмутимым лицом.

Кое-кому из близких она даже сказала, что сама предложила Николя выбрать именно это кольцо. И все же некоторые знакомые признают, что темпераментной итальянке нелегко было стерпеть обиду. Да и какая женщина в глубине души не будет в бешенстве от подобной бестактности?

* * *

Как бы то ни было, «побег» Бруни и Саркози на Восток — в Египет, а потом в Иорданию — обернулся их первым просчетом. На страницах журналов озадаченные французы увидели шестилетнего Орельена, сына Карлы, сидящего на плечах будущего отчима, которого он едва знает, а вокруг них — толпы фотографов. Мальчик в страхе закрывает ладонями глаза. Выбор места для визита тоже не случаен: именно здесь два года назад журналисты впервые засекли связь Сесилии с Ришаром Аттиасом. Несколько недель спустя информация подтвердилась благодаря фотографиям, опубликованным в журнале «Пари-матч» за подписью… Паскаля Ростена. Как тесен мир!

Таким образом, этот «иорданский этап» позволил Николя Саркози в некотором роде взять реванш за неудачу в браке.

Сразу после возвращения во Францию, во время пресс-конференции в январе 2008 года, он наконец-то смог твердо сказать, глядя прямо в глаза миллионам телезрителей: «У нас с Карлой все серьезно». Только французы еще не знают, что президент сделал предложение Карле через две недели после знакомства.

А что же Карла? Для нее все тоже очень серьезно, но по-своему. Во время путешествия она множество раз звонила маме, друзьям — всем, кому только можно, — чтобы убедиться, что они ничего не пропустили: «Вы слышали? Все говорят только о нас!»

Глава 4
Если ты вернешься, я все отменю?

«Свадьба назначена на 9 февраля 2008 года», — перешептываются журналисты, отчаянно выслеживая дату церемонии. В итоге бракосочетание состоялось 2 февраля и держалось в строжайшем секрете. Карла даже не успела предупредить Рафу, свою близкую подругу, которая была с ней рядом в день появления на свет сына. Ну что ж. Любовь не ждет. Дело в шляпе. Или почти.

* * *

Не успели отзвонить праздничные колокола, как Эри Рутье, [17] в ту пору главный редактор журнала «Нувель обсерватер», взорвал настоящую бомбу на сайте своего еженедельника. Речь идет о пресловутой эсэмэске: «Если ты вернешься, я все отменю». Эту просьбу Николя Саркози якобы отправил Сесилии, бывшей супруге, за неделю до свадьбы. Было ли это на самом деле? Загадка так и осталась неразгаданной, но публикация вызвала настоящую бурю. Вне себя от гнева, президент подал в суд на журнал за «клевету и использование ложных сведений». Впервые в истории Французской Республики. И тогда горстке журналистов довелось увидеть истинное лицо Карлы Бруни — сочетание соблазна и угрозы.

21 февраля Эри Рутье был вызван для дачи свидетельских показаний в комиссариат 8-го округа Парижа. «Это было какое-то безумие, — рассказывал он.[18] — Помимо „Нувель обсерватер“ был заслушан и Давид Мартинон, официальный представитель Елисейского дворца, который был моим источником. Мартинон отрицал, что звонил мне… но он ошибся. Телефонные выписки доказали, что его разговор с редакцией длился более пятнадцати минут». Пьер Шарон[19] признался, что «люди из Елисейского дворца устроили настоящий трибунал. Мартинона мариновали несколько часов, говорили, что это его идея, он должен сознаться». Безуспешно. Бывший протеже Сесилии, а ныне генеральный консул в Лос-Анджелесе Давид Мартинон все отрицал.

Эри Рутье продолжил рассказ: «На самом деле это сообщение было ответом президента на эсэмэску от Сесилии, где та писала: не женись, ты делаешь глупость. Но кто читал показания

Сесилии? Никто. А мои были опубликованы в прессе». Николя Саркози не интересовали подобные мелочи. В ярости он позвонил лично Клоду Пердрьелю, главе медиагруппы: «Я буду бороться с „Нувель обсерватер“!» Предупреждение восприняли всерьез: еще свежи были воспоминания о том, как в 2005 году президент пообещал подвесить Доминика де Вильпена «на крюк мясника» за распространение слухов, позоривших его супругу.

Затем гнев президентской четы обрушился на Жана Даниэля — не только основателя журнала, но и автора той самой статьи. Ничто не в силах было удержать Карлу: она пожаловалась также Алену Шуффану, специальному корреспонденту «Нувель обсерватер» и своему близкому другу. «Мне дурно от всей этой истории», — взволнованно шепнула она ему. Наконец Клод Пердрьель вывесил белый флаг. На страницах газеты «Монд» появилось довольно мудреное опровержение: «„Нувель обсерватер“ совершил ошибку, так как это было личное СМС-сообщение, которого, на мой взгляд, в действительности не существовало. По крайней мере, на тот момент». Журналисту Эри Рутьеру все же пришлось расщедриться на длинное послание к Карле с просьбой простить его «за причиненные страдания». Но на этом сюрпризы не кончились…

* * *

Дерзкий писака, который был вынужден принести извинения оскорбленной даме, был с семьей на отдыхе, как вдруг у него зазвонил мобильный. «Ее голос был мягким, но в нем слышалась угроза, — рассказывал Рутьер. — В самом начале она промурлыкала: „Не знаю, стоит ли мне говорить о том письме, которое вы мне прислал и…“ Можно подумать, я настолько глуп, что поверю, будто она сохранит его в тайне. На самом деле ей хотелось показать, что она заодно со мной, в духе „Это частный разговор, поэтому нет нужды, чтобы о нем кто-нибудь узнал“. Но я не такой простак! Затем она добавила: „Я знаю, что вы не желаете зла нам с Николя. И ваша статья не была направлена против нас. Вас одурманила эта Сиганер[20] и ее марроканец,[21] как его там. Довольно жалкие потуги с их стороны. Им это нужно, чтобы существовать в медиапространстве. Они привыкли греться в лучах славы Николя и хотят, чтобы так продолжалось и дальше“». «Эта Сиганер»? «Ее марроканец»? Эри Рутьер был поражен такой фамильярностью.

* * *

Другие журналисты «Нувель обсерватер» подтвердили, что первая леди звонила их коллегам, которых считала своими друзьями. Повсюду в прессе обсуждалась только эта история. На телеканале France Inter ведущий Дидье Порт в запале иронизировал над «будущей зам. первой леди Франции». Кроме того, перед Карлой вдруг возникло серьезное препятствие: она сама не знала, было ли отправлено то пресловутое сообщение. В итоге ей пришлось закрыть больную тему, так и не узнав ответа на мучивший вопрос. Именно Карла решила положить конец этой мутной истории, публично подтвердив, что извинения руководства «Нувель обсерватер» полностью ее удовлетворили. Страница перевернута: осмеянная женщина превратилась в хранительницу мира, что способна успокоить вспыльчивого и злопамятного мужа. Теперь она уже не выйдет из этой роли.

7 марта Сесилия экс-Саркози была допрошена полицией и заявила, что никогда не получала подобного СМС-сообщения. Дени Оливьен, друг Карлы Бруни, стал генеральным директором «Нувель обсерватер». Эри Рутьер ушел в «Шалленж», другой журнал той же медиагруппы. А Карла с тех пор больше не носит бриллиантовое сердце на безымянном пальце.

Глава 5
Лучшая замена

Карла Бруни стала мадам Саркози. Вот теперь все, дело в шляпе. Королева ушла — да здравствует королева. Отныне никакие эсэмэски не смогут сбить с пути карету итальянки. А «эта Сиганер»? Того гляди выйдет замуж за своего «Ришара». И скатертью дорога. Хотя… Конечно, Сесилия ушла, но ее тень продолжала витать над президентской четой. Для Карлы эта ситуация была в новинку — впервые в жизни она оказалась не мерзкой разлучницей, а чьей-то заменой. Но так даже хуже: покинутый мужчина — это мужчина, завоеванный лишь наполовину. Сесилия отвергла мужа на вершине его славы, а Карла «подобрала» сломленного мужчину, оставленного для нее другой. Поневоле вторая оказалась в тени первой, которую теперь все бросились расспрашивать о прошлом, пытаясь понять, почему распался ее брак.

Изабель Балкани[22] — блондинка с короткой стрижкой, в брючном костюме и рубашке в полоску — твердо пожала мне руку и подвела итог с ноткой горечи в голосе: «Сесилия? Французы узнали о ней, только когда она ушла от Николя. Не забывайте, каким успехом пользуются бульварные романы…» Иначе говоря: в спокойное время супруга политика никому не интересна. Другое дело, если их брак рухнет… Изабель знает об этом не понаслышке, ради любви Патрика Балкони она пожертвовала журналистской карьерой, расклеивала плакаты во время его избирательной кампании, пожимала тысячи рук, следуя за ним. Первый заместитель мэра Леваллуа (О-де-Сен) прекрасно осведомлена о незавидной роли «жены политика», которую она описала так: самоотречение и необходимость неизменно поддерживать мужа, как в успешные, так и в трудные моменты.

И гармоничная чета Саркози не была исключением из правил. Их видели вместе повсюду — и на митингах, и в правительстве. Сесилия даже стала главой кабинета мужа, когда он принял на себя руководство UMP.[23] А потом вдруг провал… Когда речь зашла о конфликте в семье Сесилии и Николя, друзей Изабель, ее взгляд на мгновение потонул в завитках сигаретного дыма. Ей не хотелось вспоминать о скандале вокруг ее собственного разрыва: тогда, в 1996 году, ее мужа обвинили в том, что он приказал любовнице ублажить его, приставив ей пистолет к виску. Балкани был оправдан. Все уже в прошлом: как настоящая «жена политика», Изабель смогла его простить. Жалобы и упреки

Сесилии лишь раздражали ее. «По крайней мере, Карла знала, на что шла», — пояснила Балкани. Конечно, Сесилия неоднократно возвращалась, сознавая, что, выйдя замуж за Николя Саркози, она возложила на себя миссию — помочь ему стать президентом, чего бы то ни стоило. «Только это имеет значение. Мне плевать на себя», — призналась она однажды Брюно Жеди,[24] политическому обозревателю газеты «Фигаро». Карла появилась в *президентском* окружении уже после битвы. В итоге Сесилия ушла внезапно, сразу же после выборов, но она выполнила свою работу, пройдя весь путь до самого конца. И все же Изабель Балкани[25] безжалостно вынесла ей приговор: «В книге она пишет, что была несчастна… К чему бы это? Можно подумать, она прожила бы двадцать лет со скупердяем, которому ничего не интересно. С Сесилией сложно, у нее нет ни малейшего чувства юмора. А Карла — веселая и умная».

* * *

Французы были не столь суровы к Сесилии. Благодаря семейным неурядицам президент даже начал вызывать определенную симпатию. «Этот кремень стал куда человечнее благодаря своей бывшей супруге», — утверждал Дени Тиллинак, [26] писатель из окружения Жака Ширака. Николя и Сесилия? «Униженный, обманутый и осмеянный муж растрогал французов, точно как герой фильма Марселя Паньоля „Жена булочника“: они узнали в нем себя».

Узнали и забеспокоились. Президент в разводе? Такого еще не было в истории Пятой республики. Если президент одинок и несчастен, значит, он еще и — прежде всего — ослаблен. Гражданское бессознательное подсказывает нам, что у главы государства не должно быть других забот, помимо наших. Но «Саркози подвержен чувствам, еще больше, чем Ширак, — полагал Дени Тиллинак. — Ему нужно быть любимым, нужно, чтобы женщина держала его за руку». В доказательство писатель вспоминает, как в 1995 году обедал с будущим президентом в мэрии Нёйи:[27]«Он был один, со своей собакой… Мы долго беседовали. Позже, в ответ на эту любезность, я также пригласил его на ужин. За час до встречи он позвонил и спросил, может ли он прийти вместе с Сесилией. Странно, правда?» Но самое любопытное последовало дальше: «Весь ужин он просидел, вцепившись в руку Сесилии. Он не мог оставить жену ни на секунду, даже во время еды! Сесилия же за весь вечер не проронила ни слова».

Французы чувствовали, что Николя Саркози без женщины — всего лишь тень самого себя. Будто человек, лишившийся руки. Если бы они только знали… Впрочем, приближенные были в курсе, что во время семейного кризиса он находил утешение в объятиях журналистки, политического обозревателя «Фигаро». Источник, пожелавший остаться неизвестным, рассказал, как все открылось: «Мы пришли посмотреть футбольный матч на стадионе „Бернабеу“ в Мадриде. Николя Саркози тоже обещал быть, и мы ждали, что с минуты на минуту он появится в сопровождении Сесилии. Как вдруг — вот новость! Саркози пришел под ручку с другой, и она села на место его законной супруги. Их роман продлился несколько месяцев». Фотограф Паскаль Ростен застал парочку врасплох, когда те отправились за покупками в магазин «Дарти»[28] на площади Мадлен в 8-м округе Парижа. По нашим данным, один крупный журнал купил эти снимки за 70 000 евро… а потом уничтожил под давлением бдительного Пьера Шарона. В результате информация так и не просочилась в прессу. Журналистка тем временем уже познакомила Саркози с матерью. Однако она недооценила, насколько президент был привязан к Сесилии. В итоге Николя возвратился к жене. Самое ужасное, что, как рассказал один из приближенных президента, его подруга даже не догадывалась об этом, когда они вдвоем отправились отдыхать на остров Морис, а Саркози преподнес ей прелестное украшение. Так сказать, прощальный подарок. Через два дня он ее бросил.

Некоторые задавались вопросом, почему Николя Саркози не вернулся к ней после развода. В конце концов, журналистка становится первой леди — так уже было… Но и на этот счет у Изабель Балкани[29] есть свои соображения: «Она много болтала и невольно принималась анализировать политическую ситуацию, ставя себя на его место. А ему было нужно совсем не это». Иными словами, Николя Саркози не хватало не советников, а супруги, которая будет сдувать с него пылинки, как это делала Сесилия. Та самая Сесилия, которой он звонил по двадцать раз на дню, чтобы сказать: «Я выезжаю из Елисейского дворца, еду на совещание, ухожу с совещания, а ты сейчас чем занята?» Однажды президент попросил журналистку «Фигаро» собрать ему чемодан для официального визита. «Сам собери!» — бросила она ему и услышала, как Саркози пробурчал в ответ: «А у Сесилии это отлично получалось…»

* * *

Собрать чемодан… Вот уж чем Карлу точно не смутить. Ее бывшие спутники жизни легко подтвердят: она как никто умеет окружить мужчину заботой. Дени Тиллинак[30] признался: «Когда Николя Саркози женился на Карле, я подумал, что это к лучшему. Он перестал быть таким подавленным — казалось, она его успокоила». *Благодаря ей жизнь президента из кошмара превратилась в сказку — в один миг, как по волшебству.* «Он нашел себе прекрасную королеву, что-то вроде елисейской версии Грейс Келли, — подвел итог Тиллинак. — Французы обожают принцев и принцесс. Все великие королевы были иностранных кровей». Но не так все просто… Те же французы когда-то решительно отправили на гильотину австрийку, которая, на их взгляд, была слишком далека от народа. И сейчас они с подозрением поглядывают в сторону богатств итальянки, оказавшейся в роли их первой леди. Тиллинак признает: «До сих пор Николя стремился стать ближе к народу. Сесилии необходимо было общественное признание, а Карла — настоящая аристократка, родившаяся буквально с золотой ложкой во рту».

* * *

Наконец-то добравшись до вершины олимпа, Карла между тем чувствует эту разницу. Она знает, что французы сомневаются и ей придется их убедить. Доказать, что она заслужила это место, стереть даже воспоминания о Сесилии Сиганер-Альбенис, правнучке композитора Исаака Альбениса, дочери скорняка, ставшей женой президента, образованной мещанки, увлеченной искусством и музыкой, — вот что станет ее наваждением. Со своими корнями Бруни ничего поделать не может. Нечего ей противопоставить и восемнадцати годам, которые Николя и Сесилия прожили вместе в горе и в радости. Оружие выбрано. Зато за ней место будущей схватки. Решено: ее царством станет мир образов.

Глава 6
Карла — Сесилия: безжалостное противостояние

Война объявлена. Конечно же, война в массмедиа, и потому журналисты первыми открыли огонь. Все заговорили о том, что Карла — клон Сесилии. В редакциях наперебой соизмеряли, сравнивали, сличали: высокий рост, холодная красота, стальной взгляд, выдающиеся скулы, спинка носа, тонкие губы и гордая поступь. На свет тут же были извлечены старые черно-белые фотографии двадцатилетней Сесилии. Она работала моделью для примерки и тоже умела принять правильную позу. И, несмотря на семь отличий, вердикт был единодушен: внешнее сходство просто поразительное. Обсуждение уже вышло за рамки прессы: друзья, знакомые и близкие, все в один голос утверждают: «Карла — это точно Сесилия, только в молодости». Так нам уверенно сказал Жан-Поль Готье, друг первой из них.

Действительно, соперниц разделяли десять лет. И все же одного этого далеко не достаточно, чтобы действующая первая леди смогла решительно отмежеваться от своей предшественницы.

Нужно было действовать быстро: в тот самый момент, когда Николя Саркози надевал Карле кольцо на палец, Сесилия Сиганер в Нью-Йорке объявила о своей свадьбе с Ришаром Аттиасом. Будущий супруг экс-первой леди, бывший президент крупной медиагруппы «Publicis Events», очень богат. Он дружит с самыми влиятельными людьми по всему миру, от Лондона до Нью-Йорка и Давоса. Бракосочетание обещало быть роскошным. Ришар Аттиас даже говорил, что оно рассчитано «до миллиметра». Но разве Карла могла смириться с тем, что Сесилия собиралась затмить ее?

10 марта 2008 года должен был состояться официальный визит президента Израиля Шимона Переса во Францию. Вечером в Елисейском дворце устраивали прием в его честь. Для Карлы это был первый ужин на государственном уровне, поэтому все должно было быть безупречно, начиная с нее самой: нужно дать понять всем гостям, что она здесь первая красавица.

Ее козырем будет Паскаль Ростен. Он как никто другой умел представить Карлу в выгодном свете, а потом продать удачные фото… Но проблема была в том, что президент не жаловал папарацци с тех пор, как в августе 2005 года он подловил

Сесилию и Ришара в объятиях друг друга под козырьком над дверью одного из домов в Нью-Йорке. Фотография, опубликованная в журнале «Пари-матч», разлетелась тогда по всему миру. Реакция униженного Николя Саркози, в ту пору министра внутренних дел, была соответствующей: он добился, чтобы его друг Арно Лагардер, владелец журнала, отстранил от должности директора еженедельника, Алена Женестара. Паскаль Ростен отделался тогда налоговой проверкой. Но вход в Елисейский дворец с тех пор ему был заказан.

Тем не менее 10 марта Ростен как ни в чем не бывало сидел в президентских апартаментах. Пренебрегая чувствами мужа, Карла попросила его быть официальным фотографом на приеме. Ставки в этот вечер были слишком высоки. Не говоря уж о прекрасной возможности утереть нос семейству Аттиас.

* * *

В «день Д» папарацци прибыл в Елисейский дворец заранее и присоединился к Карле, которая готовилась к приему. Ростен был уверен, что не встретится с президентом до начала вечера, поэтому он удобно устроился в гостиной, пока первая леди принимала ванну. О том, что произошло дальше, он рассказал нам, посмеиваясь.[31] «Я спокойно сидел, слегка развалившись на диване, и смотрел телевизор на огромной плазменной панели, куря при этом президентские сигары, как вдруг услышал голос: „И правда, Ростен, чувствуй себя как дома!“ Это был Николя Саркози. Я застыл…»

Фотограф тут же вскочил и обернулся… нет, президент не был в ярости — напротив, он с улыбкой протягивал ему руку, и в его взгляде Ростен не заметил ни тени иронии. «Я думал, что он заведет со мной разговор о том, что было, — продолжал фотограф. — Но он ни разу не произносил имя Сесилии. И больше не упоминал ее никогда».

* * *

Карла вышла из гардеробной в бесподобном фиалковом платье от Hermès, и Ростен тут же расчехлил объектив… На следующий день Шимон Перес рассказывал прессе о том, что ему был оказан «потрясающий» прием.

Два дня спустя фотографии первой леди, порхающей по своим апартаментам, появились в «Пари-матч». Карла с

безупречным изяществом изображала обаятельную хозяйку и вела себя так естественно, будто родилась в этом дворце — нет, это он был создан для нее!

Ничего даже отдаленно похожего на то страдание, что читалось на лице Сесилии в день инаугурации мужа, или статичные фото Бернадетт Ширак, скромно сидевшей скрестив ноги. «В этом вся разница между Карлой и Бернадетт, — отметила журналистка Жани Саме, которая ранее занималась разделом моды в „Фигаро“, а теперь углубилась в воспоминания о пятидесяти годах, отданных этой профессии. — Бернадетт выращивала цветы в саду, она была настоящей домохозяйкой. Карле наплевать на цветы. Уж тем более она не станет делать то, для чего существует дворецкий».

И тому есть причина: цветок — это она сама! Как бы то ни было, заявление сделано: хоть Карла и отказалась переехать в Елисейский дворец, все же она там хозяйка.

* * *

Затишье было недолгим. 23 марта, меньше чем через два месяца после свадьбы Карлы, ее соперница вышла замуж за Ришара Аттиаса в Нью-Йорке. И как будто нарочно в качестве свидетельницы она приглашает Софи Саркози, невестку Николя. В конце концов, это честная борьба: свидетельницей на свадьбе Николя и Карлы была Матильда Агостинелли, директор по связям с общественностью дома Prada и заодно — бывшая близкая подруга Сесилии.

Аттиас — тоже эксперт по части информации. Он довольно поспешно продал эксклюзивные фотографии со свадьбы американскому агентству «Getty», надеясь, что теперь они разойдутся по всему миру. Но во Франции их купил только журнал «Гала». Недовольный муж Сесилии решил напрямую поторговаться с Коломбой Прингль,[32] смелым генеральным редактором журнала «Пан де Вю» — того самого издания, который рассказал о поездке Карлы и Николя в Диснейленд. Битва за первые полосы только разгоралась.

* * *

С самого начала их романа Саркози и Бруни вели счет обложкам журналов, будто трофеям. Когда президент вернулся из Иордании, он ликовал при виде обложки «Пари-мачт», еще не

подозревая о том, какой шок вызвали фотографии, где сын Карлы Орельен сидит у него на плечах. После пресс-конференции он торжествующе потрясал журналом перед носом советников и нескольких репортеров: «Вы видели все эти обложки, на которых мы появились? Вот тут я здорово получился, правда? Представляете, этот журнал со мной и Карлой разошелся тиражом в 800 000 экземпляров!» Карла Бруни, которая при виде камеры всякий раз принималась ворковать «мой-муж, моймуж», тоже была польщена: она знала, что каждая такая глянцевая страница принесет ей дополнительные баллы в «дуэли образов» против «этой Сиганер».

* * *

27 марта первая леди сопровождала Николя Саркози во время официального визита в Англию. Ее манеры были безупречны. Надо сказать, что перед этим она часами училась делать правильный реверанс под руководством своей подруги Бетти Лагардьер, вдовы промышленника Жан-Люка Лагардьера. Зато английские таблоиды потом не жалели восхищенных эпитетов.

Во время пресс-конференции Николя Саркози и Гордона Брауна на стадионе «Эмирейтс» к северу от Лондона, журналист «Фигаро» Брюно Жёди даже задал вопрос: «Господин президент, британская пресса весьма восторженно отзывалась о вашей супруге — настолько, что ваше присутствие стало почти незаметным. Вы не находите, что это несколько too much?[33]» Глава Французской Республики ответил очень резко: «Господин Жёди, у вас довольно странное представление о семье. Не знаю, как вы, а я горжусь своей женой». Присутствующие были поражены. Журналиста тут же окружила толпа его английских коллег, выражающих недоумение по поводу резких высказываний Николя Саркози.

Но это было скоро забыто. Вечером в посольстве Франции, где проходила встреча с представителями французской общины в Лондоне, президент вновь радостно вышагивал под руку с супругой. Чуть позже он отвел Брюно Жёди и Филиппа Риде, журналиста «Монд», в отдельный зал. Только несколько избранных, таких как знаменитый футболист Макелеле, были допущены в эту VIP-зону. Президент, лучась от радости, не отставал от журналистов: «Идемте, я познакомлю вас с Карлой!» Первая леди с натянутой улыбкой вежливо поприветствовала их тем самым воркующим голоском «моймуж», которым она позже прославится в передаче «Guignols de l’info».[34] Саркози с улыбкой

предостерег Карлу: «Будь осторожна, это те еще остряки». В самом деле, насмешливость Саркози прекрасно показывала, как он гордится женой. А Карла Бруни делала вид, что ее забавляет произведенный ею эффект. Но где-то в глубине души она наверняка подсчитывала баллы…

* * *

Еще больше баллов она заработала одним махом, когда коварно промурлыкала: «Вот я бы проголосовала за своего мужа». Этим она намекнула на Сесилию, которая не стала отдавать свой голос на президентских выборах.

Спустя год после того, как итальянка и испанка вышли замуж, соперничество между ними продолжалось: одна боролась за признание в качестве первой леди, другая не желала смириться с ролью «старой версии» своей замены. Пресса подливала масла в огонь, и в матче объявляли дополнительный тайм: стоило одной из дам появиться на обложке журнала — другая тут же перехватывала инициативу и организовывала мероприятие, которое выставляло ее в выгодном свете.

Сесилия объявила о создании фонда по борьбе за права женщин? Карла делала свой выпад, объявляя о том, что работает над проектом фонда против социального неравенства. Карла встретилась с Нельсоном Манделой? Сесилия жертвует сумму героям борьбы против апартеида.

А в перерывах между военными действиями журналисты публикуют сравнительные досье.

* * *

Устав от этой бесконечной гонки, Карла в конце концов попросила Пьера Шарона, советника Саркози по вопросам информационной политики, заключить перемирие. Того самого Пьера Шарона, которого год назад Сесилия грубо выставила за дверь, а новая первая леди вернула обратно…

Их первой целью стал Фабрис Боэ, тогда генеральный директор издательской группы «Prisma Presse», выпускающей, в частности, журналы «Гала», «Вуаси» и «VSD». Его пригласили в Елисейский дворец в начале 2009 года. Пьер Шарон[35] принял его в личных покоях президентской четы. Советник рассказал нам об этой встрече, смакуя то, как ему удалось приструнить на время вторую по значимости издательскую группу во Франции: «Я сразу

перешел в наступление: „Три центральные статьи, посвященные Карле и Сесилии, — это слишком! Ты же знаешь, что Николя пробудет здесь еще несколько лет. Если ты хочешь, чтобы твои журналы оставались в хороших отношениях с нами, то прекрати это немедленно“». Угроза была ясна.

Карла присутствовала при разговоре, сидя на диване с невозмутимым видом.

Шарон продолжал напирать: «Сесилию и Карлу невозможно сравнивать. Фонд, который Карла пытается создать, преследует гуманитарные цели. К чему это соперничество?»

Карла хранила молчание. Пауза затянулась. Вдруг в комнату вошел Николя Саркози и сел, не говоря ни слова. «Атмосфера была гнетущая, — вспоминал Шарон. — Мы поиграли в плохого и хорошего полицейского: чтобы разрядить обстановку, Николя предложил сигару Фабрису Боэ и поинтересовался: „А вообще как у вас дела?“ Напряжение спало». Выходя из комнаты после беседы, Фабрис Боэ был мертвенно-бледным. «Все в порядке?» — спросил его Шарон. «Я просто не выношу сигар», — извинился Боэ.

Советник президента до сих пор веселится, вспоминая, как Саркози запугивал медиамагната ради прекрасных глаз супруги.

* * *

Выговор подействовал: «желтая пресса» притихла. По крайней мере, на какое-то время. Ведь Сесилия распалилась, заметив, что Карла Бруни делает первые шаги на дипломатической сцене, и вновь перешла в наступление, на этот раз на американской земле. [36]

В начале 2008 года на одном из телеканалов в Лос-Анджелесе она официально объявила о том, что ее фонд начинает работу. С тех пор как она покинула Францию и последовала за новым мужем в Дубай, а затем в Нью-Йорк, она поддерживала образ оскорбленной женщины, глубоко уязвленной тем, что ее совместная жизнь с президентом превратилась в фарс. Это нам подтвердила журналистка Джоанна Сафар,[37] которая в июне 2009 года брала у нее интервью для журнала «Франс-Америк». «В Сесилии есть сочетание естественности и скромности, — рассказывала Джоанна. — Опустив руки, глядя мне прямо в глаза, она выдала мне хорошую порцию смирения. При этом Сесилия твердила, что она не интеллектуалка и что в Нью-Йорке ей, по крайней мере, дают шанс, поэтому ей здесь нравится».

Во время этого интервью, для которого чета Аттиас пригласила журналистку в свои роскошные апартаменты на 42-й

улице, Сесилия показала, что тоже умеет выставить в выгодном свете своего мужа (она называла его «моя любовь» или «мой ангел»): «Знаете, этот фонд — своего рода мечта детства Ришара…»

Карла тоже не теряла времени даром. 22 сентября 2009 года она приземлилась в Америке, и среди ее багажа была свежеотпечатанная брошюра с основными задачами ее собственного фонда. Николя Саркози присутствовал на Генеральной Ассамблее ООН, и Карла даже произнесла там небольшую речь, но в коридорах организации уже раздавали новый номер «Франс-Америк» с интервью Сесилии на первой полосе. «Американцы потешались над нами. В то время как все обсуждали проблему Ирана, это соперничество между бывшей и нынешней супругами казалось сюрреалистичным», — признается один из членов[38] французской делегации в Нью-Йорке.

* * *

Увы! Этого было мало, чтобы заставить замолчать тех, кто продолжал сравнивать Карлу и экс-мадам Саркози. Опечатка на первой полосе «Монд», где в заголовке значилось «Сесилия Бруни-Саркози», тому подтверждение.

В декабре 2009 года теперь уже кутюрье Кристиану Лакруа достался гневный взгляд от его бывшей модели. На съемки телепрограммы «О Карле Бруни начистоту», которую вел неутомимый Лоран Бойе, были приглашены «лучшие друзья» Карлы: Джоанна Фат, Карин Силла, Лоран Вулзи, Жюльен Клерк, Жан-Поль Готье, Кристиан Лакруа… Цель передачи: посмеяться над первой леди Франции и рассказать о том, как все ее любят. Кристиан Лакруа признался нам: «Карла говорила о своей кукле в „Guignols“, о том, что она кажется ей похожей на куклу Сеголен Руайяль. Я сказал, что, по-моему, она больше напоминает куклу Сесилии. Карла прожгла меня взглядом и процедила: „Надеюсь, что нет“».

Этот короткий обмен репликами вырезали при монтаже: Карла Бруни была в ярости, но вновь доказала, что умеет контролировать себя. Что-что, а это новой мадам Саркози удается лучше многих.

Глава 7
От подиума до Елисейского дворца — всего один щелчок фотокамеры

Ложные эсэмэски, унизительные сравнения, опустошительные оговорки… Определенно, жизнь первой леди — это вам не плавное течение реки. Карла Бруни выше мужа по росту, но ровня ли она ему? Многие все еще в этом сомневались. Например, Шанталь Тома,[39] первый модельер, которая готовила ее к выходу на подиум, еще в 17 лет: «Я очень удивилась, когда она вышла замуж за президента. Она была такой свободной… А теперь пришел конец легкомыслию и джинсам на бедрах: супруга президента — это профессия». Дизайнер белья не узнавала свою бывшую модель. Профессионализма Карле было не занимать. Она бестрепетно сносит все удары: даже когда итальянская кровь готова вскипеть, ни одна ресница не дрогнет, ни тени недовольства не промелькнет на идеальном овале застывшего лица. Да, в этой профессии Карла и правда преуспела.

* * *

Эту профессию она освоила на подиуме: больше десяти лет она позировала перед фотографами, укрощала свое тело, жесты, походку — с упорством и целеустремленностью, которые в ней отмечают все, кому доводилось работать с Карлой. Даже когда она беззаботно отплясывала на дискотеке «Бюс Палладиум» в свои пятнадцать, ее хорошенькая головка уже прочно держалась на плечах. Ирен Сильвани, консультант модельера Йоджи Ямамото и бывший главный редактор журнала «Вог», чья дочь Алексия тогда дружила с Карлой, вспоминала, как девчонки целыми днями развлекались в ее квартире на улице Вашингтона в 8-м округе Парижа. «Я была единственной работающей матерью, поэтому они прибегали к нам домой, тут было безопаснее. И вовсю пили пиво, курили травку… Когда я возвращалась, в холодильнике было пусто!» Ирен Сильвани[40] в ту пору была главным редактором журнала «Эль»: «Карла приходила ко мне поговорить о моде. Она хотела знать все».

Мода, подиумы… этим обычно увлекаются все девочки. Но с Карлой все было иначе. Вещи дорогих марок, которые она вполне могла себе позволить, ее не слишком интересовали. «Она же

никогда не любила моду, — размышляла Шанталь Тома. — Карла не была одержима ею, как многие модели. В отличие от Кейт, Линды, Евы или Наоми, она всегда носила джинсы, хотя могла одеваться в наряды от ведущих модельеров». Нет, Карлу привлекал именно мир моды, и глянцевый, и беспощадный. Ее золотое детство было безоблачным, и теперь она видела возможность превзойти себя, доказав, что может преуспеть в незнакомом деле, правил которого пока не знает. В семействе Бруни все было пропитано музыкой и чувством прекрасного. Мариза, мать Карлы, пианистка — человек широких взглядов, поощряла творческое начало и личные начинания всех троих детей. Когда Карла решила стать моделью, мама разрешила ей пойти на фотосессию: в конце концов, почему бы и нет? Хорошо, когда у человека есть увлечения. Кстати, она же проводила дочь на первый кастинг у Шанталь Тома и ждала ее там, скромно стоя в коридоре.

* * *

Фотограф Тьерри Ле Гуэ[41] был еще молодым ассистентом, когда познакомился с Карлой Бруни. Ей было шестнадцать, ему двадцать. Он работал в парижской фотостудии «Пин ап», где по выходным мог бесплатно пользоваться оборудованием. «Я искал модель, чтобы попрактиковаться, а она хотела научиться держаться перед камерой. По будням она ходила в школу, а по выходным часами позировала мне и никогда не жаловалась. Ей все давалось так легко… Для меня это был отдых!»

Послушная, внимательная, Карла все записывала и запоминала, постоянно стремясь узнать больше. Уже среди начинающих моделей Карла явно выделялась. «Такие образованные, умные, даже „интеллигентные“ девушки, как правило, редко бегают по фотосессиям», — пояснила Шанталь Тома. В отличие от остальных, Карле не нужно было зарабатывать на жизнь. Риккардо Карамелла,[42] друг семьи, вспомнил, как однажды его маленькая дочь Паола нашла банковский чек: «Карла получила эти деньги за показ мод в Нью-Йорке и не помнила, куда их подевала. Паола обнаружила чек за комодом, куда он просто завалился!»

Что значат какие-то бумажки, когда есть упоение работой. «Другие делали свое дело, а она наслаждалась», — подытожила Шанталь Тома.[43] С ошеломляющей легкостью сменив жизнь в замке на жизнь в студии, Карла расцвела и раскрылась. Тьерри Ле Гуэ, уже известный фотограф, увиделся с ней вновь четыре года

спустя после их первой встречи. К тому времени Карла окончательно забросила сомнительную учебу архитектуре и работала моделью в парижском агентстве «Сити Модель». На шикарном острове Сен-Барт в Карибском бассейне как раз наступил сезон фотосессий: самые красивые девушки мира гуляли по белейшему песку в этом райском уголке. Фотограф должен был сделать серию снимков для раздела о красоте в журнале «Эль». «Съемки проходили утром, около шести часов, на Фламандском пляже рядом с отелем „Тайвана“. Я фотографировал ее, бегущей обнаженной по побережью. Мимо проходили двое американских туристов — они застыли и смотрели на нее, как зачарованные. А Карла ничуть даже не смутилась». Когда съемка закончилась, фотограф повел модель в гостиницу. По дороге они увидели машину, попавшую в аварию: запах дыма свидетельствовал о том, что это только что случилось. «Одним махом Карла вскочила на крышу автомобиля и сказала: „Сфотографируй меня!“ Через несколько недель модная марка Morgan предложила ей участвовать в своей рекламной кампании».

* * *

Карле было всего двадцать. Ее карьера наконец-то начала набирать обороты. Девушке без комплексов и внутренних запретов профессия сама шла в руки. «Карла прекрасна в движении», — заключила Одиль Саррон,[44] бывший директор по кастингу журнала «Эль Франс». Высокая блондинка с пронзительным взглядом долгое время делала погоду в мире моды. Благодаря ей во Франции открыли Клаудию Шиффер, Летицию Каста и Эстель Холлидей. Одиль вспоминала, как впервые увидела Карлу Бруни: «Я сразу подумала об Одри Хепбёрн: та же кошачья грация, нечто вне времени и моды». Модельер Соня Рикель,[45] в свою очередь, вспомнила девушку, которая «двигалась даже не как модель или танцовщица, а как женщина-загадка».

В то же время эта «особая» внешность и необычная походка вызывали беспокойство. «На подиуме она была безупречна, но с фотосессиями дело обстояло сложнее, — рассказывала Ирен Сильвани. — Для „Вог“ она, как правило, снималась обнаженной или в купальнике. Мне было сложно утвердить ее для участия в других съемках». Одиль Саррон вторила: «Карла не была „лицом с обложки“. Вот почему никто из именитых фотографов, кроме Петера Линдберга, не хотел с ней работать». То же мнение

выразили почти все знаменитые фотографы, которых мы опросили.

Так наша первая леди слишком нетипична? «Скажем так, ее красота не классическая», — рассуждал фотограф Патрик Демаршелье.[46] Надо сказать, что в своем деле он эксперт: среди его работ — самые престижные рекламные кампании Versace, Chanel и Calvin Klein, он фотографировал всех звезд, появлявшихся на обложке американского «Вог», от леди Ди до Мадонны, и считается одним из величайших фотографов в мире. Меньше чем за 60 000 евро он не станет делать фотосессию для журнала. Приложив к уху трубку огромного винтажного телефона, он отдавал распоряжения Виктору, своему помощнику, который тенью следует за ним по нью-йоркским апартаментам. И между делом Демаршелье вынес решительный вердикт: «Карла? Очень хорошая манекенщица. Не топ-модель, конечно, но звезда, если вам угодно». Виктор удалился. Фотограф повесил трубку на рычаг. На мгновение он задумался, и его взгляд затерялся за стеклами изысканных очков. Наконец он нашел нужные слова: «Она скорее личность, чем модель. К тому же она ни разу не оказывалась на обложке „Вог США“».

* * *

Пусть так. Действительно, Карла не появлялась на обложке американского «Вог», но это не помешало ей участвовать в показах величайших французских модельеров. «В отличие от Фрессанж,[47] Карла не нравилась всем и каждому. Ее или обожали, или безжалостно критиковали, — рассказывал нам Жан-Жак Пикар,[48] бывший компаньон Кристиана Лакруа. — Например, на нас с Кристианом не действовали ее чары — красота Карлы казалась нам неочевидной. По крайней мере, сначала».

В начале 90-х ассистент по студии предложил им пригласить Карлу. Лакруа и Пикар засомневались, но все же позвонили в агентство и назначили ей встречу.

«Речь шла об обычном просмотре. Это было довольно дерзко с нашей стороны, ведь, по большому счету, мы просили знаменитую модель прийти к нам с портфолио, как простую манекенщицу».

В тот день Карла Бруни пришла точно в назначенное время, и ей пришлось довольно долго ждать, пока модельер наконец пригласил ее к себе. «Ну наконец-то», — вполголоса сказала она, бросив лукавый взгляд. Жан-Жак Пикар был поражен: «Проявлять

нетерпение? Вот это самоуверенность!» Модель продолжала томным голосом: «Да, наконец-то вы меня пригласили, господин Лакруа. На каждом вашем показе я спрашивала своего агента: „А господин Лакруа еще мне не звонил?“ Всякий раз мне отвечали „нет“, и я так огорчалась… Поверьте, вы поступили правильно. На мне ваши платья станут еще прекраснее».

Пикар понял, что имеет дело с женщиной невероятной силы обольщения. Лакруа уже буквально растаял. «Она провернула с нами один из своих номеров! — смеялся Лакруа. — Настоящая кошка, абсолютно самовлюбленная, но исполненная шарма. Потом она долгие годы участвовала в наших показах».

* * *

Вот он, секрет прекрасной итальянки: коктейль из наглости и цепкости, и вдобавок еще что-то, «аура», по словам Пикара, которая сметает все барьеры. Ее лицо вызывало неоднозначную реакцию, поэтому она могла бы показывать только тело, как многие другие, но ей хотелось большего. Она желала достичь вершины. «Даже в работе я всегда забегала вперед. Никто никогда не останавливал меня на улице, предлагая сфотографироваться или запеть. Я не привлекаю Пигмалионов, я сама себе Пигмалион», — позже призналась Карла журналистам.

«Видите, какова ее сила? — говорил Пикар с восхищением. — Она никогда не выставляла себя жертвой. У Карлы всегда все было под контролем, она считала себя самой красивой, лучшей во всем, и сама выстраивала карьеру модели от начала до конца».

Завоевав Лакруа, модель забрасывает удочку Жан-Полю Готье. Позже именно он, уже в доме Hermès, создаст наряды для ее свадьбы и официальных приемов. Благодаря ему первая леди станет воплощением элегантности и роскоши.

* * *

К 1996 году Карла Бруни была уже моделью с именем, но еще ни разу не участвовала в показах Жан-Поля Готье.[49] «Карла часто уговаривала меня, но она была не в моем вкусе. Я предпочитал типичных моделей или метисок». Однажды, за два дня до показа новой женской коллекции прет-а-порте, он устроил жесткий кастинг, чтобы выбрать модель, которая станет ключевой фигурой всего шоу: «Я уточнил только, что она должна быть рыжей. Десятки девушек выстроились в очередь перед залом, и

тут я увидел Карлу с портфолио… и в рыжем парике!» Удивленному Готье вспомнилась молодежная передача «Дим Дам Дом», которую он смотрел в детстве на канале ORTF. «Buon giorno, sono Carla»,[50] — сладким голосом произнесла она. «Я смутился, но был польщен… и не смог ей отказать».

Да, Карла была чертовски соблазнительна и хитра, и не только со стилистами. «Для нас, журналистов, она была просто находкой, — утверждал Вивиан Блассель, специальный корреспондент рубрики моды на канале TF1. — Она мастерски умела подать свой наряд в самом выгодном свете и чувствовала, где находятся камеры. А главное — сразу же находила с нами общий язык». Впрочем, как и со всеми, включая фотографов и весь персонал, работающий за кадром. «Она была так очаровательна… стоило ей поболтать с человеком — и он уже у нее в кармане», — с улыбкой рассказывал нам фотограф Тьерри Ле Гуэ.[51]

* * *

Очаровательна? Не только. «Еще она была настоящей труженицей, — признал Ле Гуэ, вспомнив одну особенно трудную фотосессию для рекламы белья. — Съемки проходили в Туке.[52] Было 5 часов утра, температура 3 градуса ниже нуля… а от Карлы — ни единой жалобы!» Трудолюбивая, педантичная перфекционистка — вот три ключевых слова, которые характеризовали Карлу Бруни, королеву подиумов. Фред Фарруджиа,[53] брат знаменитого комика Доминика Фарруджиа, — один из самых известных гримеров в мире. Ему тоже было что рассказать о невероятном терпении модели, которое она проявляла при любых обстоятельствах. «Это было настоящее благословение! Она могла оживить самую вычурную прическу и безумный грим. Я сам видел, как во время фотосессии для журнала „Эль“ на кухне отеля „Ритц“ на нее выливали тонны воды, а она даже не шелохнулась».

И при этом — «утонченная». Фред Фарруджиа смог это оценить, когда ему довелось пережить «ужасный» перелет бизнес-классом: «Рядом со мной сидела одна из самых знаменитых моделей того времени. Всю дорогу она пила и так захмелела, что заснула у меня на плече, храпя мне в ухо. Карла никогда бы не позволила себе такого».

* * *

Хотя будущая супруга Николя Саркози никогда не распространялась о своей богатой родне, все чувствовали, что она не из бедной семьи. Фотографы смогли в этом убедиться, когда Карла пригласила их к себе. Так, Ньютон сделал серию снимков семьи Бруни в замке на Черном Мысе, а Марк Хиспард, ведущий фотограф журнала «Гламур», запечатлел их в парижских апартаментах: более 2000 квадратных метров, и в каждой комнате — полотна знаменитых мастеров. Постепенно профессиональное окружение звезды подиума начинает понимать, в какой привилегированной среде она выросла и как прочно положение ее семьи в обществе.

Хиспард[54] не сомневался: именно прекрасные манеры Карлы открыли для нее некоторые двери. «Однажды мне пришлось прервать фотосессию для английского „Эль“ в 19 часов. Перед этим на теле Карлы очень долго рисовали огромные буквы, и мне надо было сфотографировать их, пока краски не высохли. Мы еще не закончили, но мне срочно нужно было увидеться с женой, которой только что сделали операцию. Главный редактор запретила мне уходить. Но тут вмешалась возмущенная Карла: „Он же сказал, что ему нужно увидеться с женой. Я готова прождать здесь весь вечер, если нужно!“ Я вернулся в 23 часа. Карла не пошевелилась, она даже не могла одеться из-за этих букв по всему ее телу».

За кулисами показов Карла демонстрировала все тот же профессионализм и выдержку. Ни единого каприза или случайной прихоти. Такое поведение было редкостью, а потому высоко ценилось. Одиль Саррон вспомнила утомительную фотосессию Наоми Кэмпбелл. «Британская модель прибыла с опозданием на пять часов. Потом потребовала ортопедический воротник, потому что у нее болела шея. И в конце концов попросила, чтобы ее гримировали… в темноте!

У темнокожей красавицы болели глаза. Я сказала „хватит“». Юная Бруни не стала бы так строить из себя диву. Эта девушка из хорошей семьи, влюбленная в качественно сделанную работу, была к тому же очень проницательна: она понимала, что мир моды жесток и, даже если ты успешен, надо быть все время начеку. Кристоф Жирар,[55] заместитель мэра Парижа по вопросам культуры и бывший личный помощник Ива Сен-Лорана, проработавший с ним двадцать лет, как никто другой знает о трудностях профессии модели: «Пьер Берже и Ив обожали Летисию Касту. Карла тоже участвовала в наших показах, но Берже, не скупившийся на колкости, называл ее „стюардессой“».

* * *

Пусть так, зато ей были не страшны ветра на большой высоте. Приветливая, но довольно замкнутая, Карла умела оставаться незаметной, когда нужно. Дизайнер Соня Рикель[56] запомнила ее «красивой девушкой, которая часто бывала одна и даже пряталась под стол, чтобы спокойно почитать или съесть сандвич». Карла была вежлива и любезна со всеми. Бывшая телефонистка дома Givenchy вспоминала о ней с восхищением: «Я работала на первом этаже. Там был сломан кондиционер и стоял ужасный холод, поэтому я вечно простужалась. Однажды Карла пришла на примерку и увидела, что я чихаю. Она пожалела меня: „Бедняжка, вам бы подлечиться. Вот, держите, эта таблетка творит настоящие чудеса!“»

Гримерши и костюмерши обожали Карлу. «За три дня до показа они все как одна приходили ко мне и просили разрешения одевать мадам Бруни», — рассказывал Жан-Жак Пикар. В ателье она была всеобщей любимицей. Другие модели устраивали истерики, вскрикивали от каждого укола булавкой, выходили из себя, если не могли найти платье. Карла сохраняла спокойствие в любой ситуации. В примерочной она аккуратно складывала свою одежду на стул, тогда как остальные разбрасывали ее по полу. «Она была безупречна во всем: всегда опрятная, никаких лишних запахов, с аккуратным маникюром и педикюром… честно говоря, далеко не каждая модель могла этим похвастаться», — добавил Пикар.

* * *

Не обращая внимания на окружающий хаос, Карла прокладывала путь, уверенная в своем потенциале, и всем рассказывала, что станет самой красивой и ее фото будут лучшими в журналах. И правда, лицо Карлы появилось на обложках, чему в немалой степени способствовали ее беспорядочные раскрученные романы с Эриком Клэптоном, Миком Джаггером и другими знаменитостями. «Определенно, встречаться со звездами очень полезно», — подтверждает известный стилист.

Особенно ей удалось завершение карьеры. «Когда камера перестанет любить меня — скажите, ладно?» — вновь и вновь просила она дизайнеров. Но Кристиан Лакруа[57] так и не смог ей этого сказать. Однажды в начале сезона, когда в работу запустили новые коллекции, Карла предупредила всех: «Я не приду». Удерживать ее никто не стал. Она с головой окунулась в зимние виды спорта, и пока ее бывшие коллеги демонстрировали наряды

прет-а-порте, Карла неслась на лыжах по заснеженному склону, мечтая о совсем других вершинах. Ей было двадцать девять, и она даже не допускала мысли о том, чтобы стать моделью для примерок. Амбиции и гордость не могли позволить ей опуститься до такого.

Глава 8
Лицо, мое прекрасное лицо

Табличка при входе в представительное здание, расположенное в богатом округе Парижа, гласит: «М. Икс, пластический хирург». Имя этого специалиста неизвестно широкой публике, но сколько знаменитостей переступали порог его кабинета? Доктор был настоящей легендой своего дела в 1980-1990-е годы — благословенное время до пришествия ботокса. Именно этот врач «подправлял» те лица, которые потом появлялись на обложках журналов.

На прием к нему надо было записаться заранее, недели за две. Когда я позвонила, меня отправили к местному фотографу, чтобы сделать черно-белый портрет — «только никакого макияжа и улыбок, пожалуйста». Вот с этой фотографией я и вошла в сказочную пещеру, где тон задавали мраморный пол, античные статуэтки и персидские ковры. Нас попросили подождать в мягком кресле. На расстоянии вытянутой руки лежали тщательно подобранные женские журналы, открытые на страницах с хвалебными статьями о методиках хозяина клиники.

Наконец, я попала в роскошный кабинет и увидела мужчину лет шестидесяти, с гладкой кожей и сияющими глазами. Едва я вошла, он выдал: «Я — король „baby face“[58]!» Это значило, что он делает лица выглаженными, свежими, милыми и порой невероятно юными, как у некоторых звезд. Особенно он гордился своим фирменным носом. «Моя специальность — „baby nose“, то есть маленький вздернутый „нос младенца“ который мы в последнее время так часто видим на лицах певиц, актрис и моделей. Идеальный нос — это нос новорожденного, без горбинки, крошечный и закругленный, — с явным удовольствием пояснял доктор,[59] разрисовывая при этом мою фотографию. — Понимаете, спинка носа должна быть совершенно ровной». Уж поверьте его двадцатипятилетнему опыту.

Все еще сомневаетесь? Он принялся убеждать, упомянув певицу Лиан Фоли, получившую благодаря ему «идеальный профиль»,[60] и девушек из шоу «Крэйзи Хорз». «А нос Карлы?» — спросила я между прочим. На секунду задумавшись, он ничего не ответил, только улыбнулся и показал на экране мобильного личный номер первой леди. «Мы дружим уже больше двадцати лет».

Пришло время узнать стоимость услуг. Нос обойдется в 2000 евро. Плюс 200 евро за отдельную палату, когда вас будут

оперировать в Клинике парка Монсо, в 17-м округе Парижа. И если вам понадобится некоторое время, чтобы обдумать этот важный шаг, на вас не станут обижаться. Свидетельство тому — поздравительная открытка, которую я получила в январе 2010 года: «Платон сказал: „здоровье — первое из благ, второе — красота“. Желаю вам здоровья, а остальное, я надеюсь, вы доверите мне».

* * *

Значит, Карла Бруни совершенно точно прибегала к услугам пластических хирургов. Это серьезное открытие. Разумеется, достаточно зайти в Интернет, чтобы убедиться, что многие сделали похожий вывод, не дожидаясь подтверждений от врачей. Да только почему-то ни один журнал не осмелился об этом написать — по крайней мере, во Франции. На это отважился только еженедельник «Вуаси», в 1998 году перехватив почту Бруни. Зарубежная пресса, напротив, не стеснялась затрагивать эту тему: с того момента, как певица вышла замуж за президента, во многих изданиях вышли статьи о пластических операциях первой леди Франции. В 2008 году австрийские СМИ первыми заговорили о возможных изменениях во внешности бывшей модели. А в сентябре 2009 года журналисты немецкой газеты «Бильд», полагавшие, что «эти округлые щеки смотрятся неестественно», опросили несколько хирургов, которые подтвердили, что Карла Бруни скорее всего использовала ботокс, чтобы в сорок лет сохранить свежесть лица. Они также предположили, что она могла сделать подтяжку. А совсем недавно, 17 марта 2010 года, газета «Дейли мейл» произвела фурор в Англии, опубликовав необработанные фотографии Карлы Бруни. Согласно мнению экспертов, по просьбе издания сравнивших новые и старые фотографии первой леди, ее щеки, скулы, нос и верхняя губа подверглись хирургическому вмешательству. Как бы то ни было, эта статья обозначила переход на новый этап: никогда подобная информация не исходила из столь надежного источника. Даже бывшая жена Рафаэля Энтховена, писательница Жюстин Леви, изобразившая в книге безжалостный портрет первой леди, не рискнула высказать подозрения напрямую, вне рамок «романа». В своем провокационном и во многом автобиографическом произведении дочь Бернар-Анри Леви и супруга Рафаэля Энтховена, соблазненного Карлой Бруни, назвала соперницу «Терминатором» и описала ее так: «Когда мне было пятнадцать, я была очарована

ее безупречным лицом. Позже я узнала, что оно ненастоящее. Вместе с хирургом она создавала его на компьютере: вот так, сделаем высокие скулы, сюда немного силикона, нос сделаем чуть покороче и немного добавим к подбородку, чтобы профиль стал гармоничнее, а с глазами все отлично, менять ничего не будем, только слегка вот тут надрежем, на висках, поднимем линию бровей, и несколько инъекций ботокса для закрепления, как вы считаете?.. Обсудите тогда подробнее с моим коллегой».

Жюстин Леви ошиблась только в одном: чтобы создать лицо мечты, можно обойтись без компьютера. Достаточно бумаги и карандаша. Но в целом все специалисты единодушны: они считают, что даже сомнений быть не может. Тем не менее Карла упорно отрицает какое бы то ни было хирургическое вмешательство. Эта тема проходит для нее под грифом «секретно», хотя в самом факте в наше время нет ничего удивительного. Но женщина, которая так гордится своей красотой, искренностью и свободой, просто не может публично признаться в том, что к ее лицу прикасался скальпель хирурга. Первая леди позволяет репортерам говорить все, что им вздумается, о ее прошлых любовных связях и не возмущается, по крайней мере публично, когда ей приписывают новые интрижки, но упрямится, когда речь заходит о ее самых серьезных проколах. За несколько месяцев до свадьбы журналист «Пари-матч» открыто задал ей вопрос о пластике, и она ответила ему без обиняков: [61] «Я никогда не переделывала себя. Видно же, правда? Для меня это не табу, но я не нахожу в этом ничего привлекательного. Я не осуждаю женщин, которые прибегают к пластике, но, на мой взгляд, результат выходит не очень убедительным, они не становятся моложе… После подтяжки женщины выглядят лет на двадцать. Как бы мне ни хотелось сохранить молодость, я не рискну ступить на этот путь».

Кто же прав? Вернемся в 1983 год. Карле Бруни было всего шестнадцать. По выходным, когда нет занятий в школе, она бесплатно позировала фотографу Тьерри Ле Гуэ,[62] который в ту пору работал ассистентом в парижской студии «Пин Ап». «Когда я впервые увидел ее в воскресный день в марте, Карла была прекрасна. У нее был нос как у современной топ-модели Жизель Бундхен». Иначе говоря, большой. Ничего общего с изящными чертами лица первой леди. К слову, Жизель Бундхен признавалась, что в ранней юности ей часто предлагали сделать пластику, но она всегда отказывалась. А Карла Бруни, очевидно, пошла на это. Ирен Сильвани,[63] бывшая глава журнала «Вог», знавшая Карлу еще подростком, подтвердила, что та ненавидела свой нос: «Ее фигура была невообразима, тело — само

совершенство, настоящая бомба. Но Карле не нравилось собственное лицо и особенно нос. Она переделала его в ранней юности, и это никогда не было тайной». Подруга детства первой леди, не переставая петь ей дифирамбы, также вспомнила, что Карла терпеть не могла свой нос, считала его «слишком длинным». Этот выразительный нос, фамильная черта Бруни-Тедески, которую унаследовала и сестра Карлы Валерия, причинял младшенькой множество страданий.

Обращение к пластическим хирургам в таком нежном возрасте было тогда в духе времени. Макс Вадукул,[64] штатный фотограф авторитетного еженедельника «Нью-Йоркер», рассказывал: «Когда Карла была еще начинающей моделью, я снимал ее для немецкого журнала, который уже прекратил свое существование. Для той фотосессии она перевоплотилась в монашенку. Лицо Карлы тогда еще не было переделано. Позже, когда мы снова встретились, ее черты слегка изменились. Об этом часто забывают, но в 1980-е все отдавали дань скальпелю. Вспомните Майкла Джексона…» Жан-Жак Пикар[65] тоже признал, что Карла была в авангарде движения: «Когда в 1990-е она переделала грудь, об этом все говорили. Во Франции это было… ново».

* * *

Ведь Карла открыла проход, в который, годы спустя, ринулись тысячи молодых женщин. А тогда никто и не думал этого скрывать. Да и сама Бруни не всегда избегала разговоров о пластической хирургии. Более того, она легко шутила на эту тему, даже когда стала приобретать популярность. Когда она в лицах показывала друзьям свои диалоги с хирургами, все просто умирали со смеху. Вивиан Блассель,[66] бывшая журналистка TF1, бурно жестикулируя, рассказала нам, какой номер выдавала им тогда Карла: «Она со смехом описывала, как переворачивают глаз, чтобы переделать скулы». Но это было до того, как модель вырастила защитную раковину и закрылась в ней; до того, как первая леди переписала свою историю… Легко смеяться над собой, когда вам двадцать и вас все обожают. Легко быть без комплексов, пока вы не стали заложником тщательно выстроенного образа.

«Тяжело быть моделью, существовать только благодаря своей красоте, — говорит журналистка отдела моды Жани Саме.[67] — Карла, как и многие другие, гналась за молодостью. В двадцать четыре года становится уже тревожно». Карле было примерно

столько, когда одна модель, пожелавшая остаться неизвестной, застала ее перед зеркалом: все ее лицо было покрыто маленькими кусочками японской бумаги. «Она объяснила, что хотела научиться управлять лицом — говорить так, чтобы ни один кусочек не упал, двигая только губами». «Никаких морщин» — навязчивая идея Карлы. Уже тогда она с удивительным упорством боролась с признаками времени. С тех пор она даже старается избегать солнечных лучей.

* * *

Желание в совершенстве контролировать свое лицо привело к тому, что Карла, по мнению некоторых специалистов, утратила некую изюминку, заключила себя в железную маску, которую сама и выковала с годами. Любопытно, что при этом Карла Бруни всегда была уверена, что красота — это не только черты лица, но и манеры. Шестнадцать лет назад она призналась одному журналисту: «В тринадцать[68] я была похожа на креветку, но оказалось, что соблазнительность не имеет ничего общего с красотой. Я поняла, что соблазн — сам по себе». Прекрасных манер и соблазнительности у бывшей модели было предостаточно. Но, похоже, этого все равно не хватало.

Глава 9
Мик Джаггер — желанный трофеи

Идеальная женщина. Ему нужна была идеальная женщина. С головы до ног, до кончиков ногтей, с маникюром, как ему нравилось, и, если можно, в костюме от Армани. Она была готова на все, чтобы завоевать его. Он — Мик Джаггер. Подруга детства Карлы вспоминала, как в шестнадцать лет та была страстно увлечена вокалистом «Rolling Stones»: настоящая фанатка благоговейно вырезала каждую фотографию звезды и прикрепляла их к картинам великих мастеров, украшавшим стены семейных апартаментов. То было время рок-н-ролла в жизни Карлы — девочки-подростка в линялых джинсах и кольцах с бирюзой, любительницы модных нарядов, готовой перекраситься в блондинку по первой прихоти. Уже тогда Бруни жадно вгрызалась в жизнь. Как все фанатки ее возраста, она была влюблена в своего кумира. Разница только в том, что она так и не отказалась от этого лакомого кусочка.

* * *

«Когда-нибудь я буду встречаться с Миком Джаггером», — в восемнадцать лет заявила она своему парню Кристоферу Томпсону, сыну сценаристки Даниэль Томпсон. Юношеское бахвальство или пророчество девушки, решившей во что бы то ни стало не упустить свидание с судьбой? Ведь Мик Джаггер — не просто сексуальный мужчина, при виде которого девчонки падают без чувств, а еще и знаменитость. «Мик был воплощением власти», — напоминает фотограф Жан-Мари Перье,[69] один из немногих, кому довелось снимать певца в 1966 году. «Он — звезда мирового масштаба, и не было места на земле, где бы его не узнали. Я видел, как у него просили автограф люди из заброшенной деревни в техасской глубинке! Мик мог получить все, что хотел, стоило ему щелкнуть пальцами. По сравнению с ним Николя Саркози — ничто…»

Власть… уже тогда она завораживала Карлу, желавшую покорить мир, уверенную в себе, убежденную, что именно она должна «стать знаменитой». Поэтому она выбирает своей целью Джаггера с его мировой аурой. «Стоило ему щелкнуть пальцами», и она получила бы от него то, к чему стремилась всей душой: славу… Ни ее парень Кристофер, ни подруги Джоанна, Рафа и

Алексия не принимали ее намерения всерьез. «Когда она твердила, что будет встречаться с Миком Джаггером, все только смеялись», — призналась одна из них. Им и в голову не могло прийти, что их беззаботная Карлуша, начинающая манекенщица, которую пока никто не знает, однажды приберет к рукам этого рок-идола и закрутит с ним страстный роман.

* * *

Карла терпеливо ждала своего часа. Возможность проникнуть в наглухо закрытый круг общения британских рок-звезд представилась в 1988 году, на парижском концерте гитариста «Dire Straits», еще одной любимой группы Карлы. Как настоящая фанатка, она поработала локтями и прорвалась в первый ряд. Оказавшись возле сцены, она пустила в ход свои чары, тот самый взгляд, который, по словам ее близких, сводит с ума всех мужчин. И конечно, музыканты не могли не заметить красивую брюнетку, прожигавшую их голубыми глазами. «После концерта кто-то из технического персонала подошел к ней и сказал, что „Dire Straits“ приглашают ее за кулисы», — рассказывала нам Алексия Сильвани, подруга детства Карлы. В музыкальной среде это была распространенная практика: четырьмя годами раньше в клипе Брюса Спрингстина на популярную песню «Dancing in the dark» сам лидер группы заметил в толпе миловидную девушку и предложил ей подняться на сцену. Это была Кортни Кокс… красивая брюнетка с голубыми глазами.

Карле всего двадцать, и смелости ей не занимать. Сделав широкий жест, она привела друзей с собой за кулисы. Благодаря умению наводить мосты, она быстро очаровала музыкантов. Все сложилось удачно: гитарист группы Марк Нопфлер был близко знаком с Эриком Клэптоном, на разогреве у которого он выступал большую часть тура. Карла обожала Эрика Клэптона. Она завязала отношения с этим британским музыкантом, автором известной песни «Layla», который был старше Бруни на двадцать три года. Помимо звездного сердца он раскрыл для нее двери в мир рок-музыки. Клэптон дружил с Миком Джаггером и познакомил его с ней… Между юной итальянкой и монстром шоу-бизнеса тут же пробежала искра. Это было так заметно, что обеспокоенный Клэптон вынужден воззвать к великодушию Мика, во имя их дружбы: «Пожалуйста, оставь ее мне…» Поздно. Нахальство Карлы и ее томная красота сделали свое дело — Джаггер покорен. Но рокер женат на техасской модели Джерри Холл, и у них двое детей.

* * *

«Угадай, с кем я встречаюсь?» Рафа, Джоанна, Алексия и остальные по очереди узнавали новость, если не из уст самой Карлы, которая коварно старалась растянуть удовольствие, то от кого-то из их компании. «Как только мы узнали, то сразу позвонили остальным, чтобы поделиться». Все вскрикивают от радости, услышав три заветных слога: «Мик Джаггер? Да нуууууу!» Карла ликует. Она ведь их предупреждала.

Слухи об этом романе быстро распространились в профессиональном окружении Карлы, которая то и дело упоминала своего нового возлюбленного. «Она без умолку болтала про Мика, — вспоминала дизайнер Шанталь Томасс.[70] — За кулисами показов она была единственной, кто говорил по-французски, поэтому нам нравилось ее слушать. А Карла рассказывала о том, как они проводили вместе выходные». У Мика Джаггера был замок «Фуршетт», названный так в честь маленькой коммуны в Долине Луары, за 220 километров от Парижа, где он располагался. Туда он приглашал свою новую возлюбленную: «Он часто присылал за ней машину, которая ждала ее на выходе с показа, — продолжала Шанталь Томасс. — Карла говорила: „Пусть подождет, я еще не закончила“. Она не торопилась, заставляя его изнывать, и приговаривала: „Я молода и красива, так что он подождет“».

Знаменитый фотограф моды Макс Вадукул[71] точно вспомнил, как будущая первая леди впервые упомянула при нем о своем романе с Миком Джаггером. Дело было в 1994 году, в аэропорту. «Там проходила фотосессия Карлы для Max Mara, — рассказывал он. — Вдруг мы услышали шум самолета, заходящего на посадку. Карла спросила: „Знаешь, кто сидит в этом „Конкорде“?“ Я ответил: „Нет“. Тогда она сказала: „Мик Джаггер. Он прилетел только ради меня. Что-бы…“» Ничуть не смутившись, модель лукаво улыбнулась и оставила нескромную мысль незаконченной.

* * *

Определенно, Карле не надоедала реакция окружающих на «name dropping»,[72] и она добивалась ее ото всех, с кем ей доводилось общаться по работе. Теперь все знали о том, что модель околдовала рок-звезду. Мик Джаггер даже становится надоедливым. Тот, кто соблазнял всех женщин мира одним прикосновением к струне, кто думал, что может обвести вокруг

пальца любую поклонницу, теперь пал жертвой девушки с характером посильнее, чем у него самого. «Hello, it's Mick, may I speak to Carla?[73]» Сколько раз стилисты, костюмеры и ассистенты по залу слышали эту фразу по телефону. Тогда еще не было мобильных, поэтому все знали, кто спрашивал манекенщицу. «Однажды он позвонил раз восемь за один сеанс, — рассказывал Жан-Жак Пикар.[74] — Это было безумие! Я отвечал: „Она еще не закончила“, и через полчаса он звонил снова. Тогда я подошел к Карле и попросил позвонить ему, чтобы покончить с этим наконец-то. Но она сказала: „Нет, пока рано, мы еще не закончили работать“».

Так был захвачен тот, кто привык брать в плен. Мик Джаггер полагал, что в его сети попалась скромная сирена. Он думал, что сможет контролировать девушку, которая младше его на двадцать пять лет, безвестную манекенщицу, одну из многих, кто пытается завоевать место в жестоком мире моды. Он же — опытный соблазнитель, посвященный в рыцари самой королевой Англии, правда ведь? Ошибочка.

* * *

Джаггер не подозревал, что в любовной игре та, которую он, казалось, уже покорил, сможет его превзойти. Больше того, она станет экспертом по обращению с ним и будет точно знать, как поддержать в нем огонь. «Что ты хочешь, он постоянно волочится за мной, — услышала от нее однажды Одиль Саррон,[75] бывший директор по кастингу журнала „Эль“ и в то время одна из самых влиятельных женщин мира. — Все время трезвонит из Америки, чтобы сказать, что хочет меня видеть. И что мне делать?» Фотограф Жан-Мари Перье[76] пошел еще дальше: «Он был без ума от нее! И был готов развестись, чтобы жениться на ней. Это она не захотела». «А в это время, — вспоминает Одиль Саррон, — Джерри Холл повсюду искала мужа…»

Бедная Джерри Холл. Она тоже была моделью и вращалась в том же кругу, что и Карла. И тем не менее довольно долго она была единственной, кто не знал о похождениях ее мужа. Кстати, ни один папарацци не опубликовал ни единого совместного снимка Карлы и Мика. «В отношениях с прессой ты еще любитель, — скажет она Николя Саркози пятнадцать лет спустя. — Мой роман с Миком восемь лет оставался в тайне. Мы побывали с ним во всех столицах мира, и ни один фотограф нас так и не поймал». Незаметная Карла? Она умеет, когда надо, замести следы. Ведь она правда испытывает к рокеру сильные

чувства, и собственнические тоже — ей совсем не хочется делить его с законной супругой, с которой он между тем успел завести третьего ребенка. Постепенно смелея, Карла с подругой снимает дом на острове Мюстик, куда Мик Джаггер часто приезжает отдохнуть с семьей в своем поместье.

Когда Джерри Холл в конце концов узнала об измене мужа, она была раздавлена. У нее трое детей, она старше Карлы на несколько лет… Такая борьба казалась ей бесчестной. В ярости она позвонила сопернице, требуя объяснений. Подруга ранней юности Бруни рассказала, что Карла с достоинством все опровергла, затем осторожно отняла трубку от уха и… положила ее. Карла победила. Все это жалкое барахтанье уже не имело смысла. Бруни создала трещину, которая потом, уже после их разрыва с Джаггером, расширится и приведет к разводу. Благодаря ему известность Карлы стала мировой. Шел 1997 год.

Глава 10
Многочисленные «бывшие»

Двухэтажные апартаменты в 700 квадратных метров были прекрасны: раньше в этой квартире жил Ив Сен-Лоран. Роскошный дом располагался очень удачно: недалеко от магазина «Бон Марше» в богатом 7-м округе Парижа. Да и цена вполне разумная — не больше 9 миллионов евро. На первый взгляд все было отлично. Мадам Бруни-Саркози сразу же влюбилась в это место и уже собиралась его приобрести, чтобы переехать туда с мужем. Увы, шикарная квартира имела один небольшой недостаток, который для Николя Саркози стал решающим: президент не желал жить двумя этажами выше… Мика Джаггера. Правда, рок-музыкант бывал в этом доме наездами, и все же. Конечно, Саркози — человек широких взглядов, но не настолько.

История Карлы и ее бывших возлюбленных — это настоящая сага, бесконечный список имен, раскрученных в прессе. И их тени, без сомнения, продолжают витать над семейной жизнью Николя Саркози. А порой не только тени. С тех пор как президент женился на женщине, которую многие считают «пожирательницей мужчин», ему приходится постоянно сталкиваться с ее многочисленными мужчинами. Певцы, философы, адвокаты, известные журналисты и политики: область увлечений Карлы довольно обширна. Конечно, вращаясь в тесном парижском кругу, трудно избежать встречи с бывшими возлюбленными красавицы. Например, с Рафаэлем Энтховеном, отцом Орельена, Карла осталась в очень хороших отношениях — да что там, она даже помогла ему найти квартиру! «Карла очень семейственная, — доброжелательно пояснил советник президента Пьер Шарон.[77] — По воскресеньям Карла устраивает в Елисейском дворце большие обеды с родственниками Николя, его детьми, дядями, тетями… А иногда, тоже по воскресеньям, Рафаэль заходит проведать сына и пропустить с ней по стаканчику». Самого Рафаэля ничуть не беспокоило то, что Мик Джаггер заходил к ним в дом в квартале Сен-Жермен-де-Пре, где они с Карлой жили в начале 2000-х. «Карла жила как амазонка, — рассказывал фотограф Жан-Даниэль Лорьё,[78] их бывший сосед по дому и… бывший жених Сесилии. — Однажды я застал Джаггера в комнате одного из моих детей: он выводил свои инициалы на футболке с эмблемой „Rolling Stones“!»

Словом, ясно одно: любить Карлу — значит соглашаться иногда видеться с ее бывшими. Красавица итальянка обожает

теоретизировать и однажды выдала фразу, которая очень точно отражает ее неспособность решительно порвать с теми, кто когда-то вошел в ее жизнь: «Я никогда не расстаюсь окончательно, как и не бываю полностью с кем-то. Я не любитель строить отношения, но те, что уже построены, стараюсь сохранить».[79]

* * *

Однажды вечером 2004 года, после концерта Карлы в театре «Буф дю Нор», Венсан Перес, еще один ее «экс», пригласил друзей к себе домой. Так в роскошных апартаментах на улице Монтень, помимо самого хозяина квартиры и его жены Карин Силла, собрались Шарль Берлинг, Луи Бертиньяк и Рафаэль Энтховен. То есть из двадцати гостей как минимум четверо когда-то жили с Карлой. «Самое забавное, — делилась воспоминаниями одна из приглашенных, — что атмосфера вечера была весьма благостная, ну точно детский утренник. А я-то воображала, что начнется какое-то безумие. Нет, все было очень чинно, разве что несколько гостей выкурили немного травки, как на школьной вечеринке, да еще пара человек обещала принести „space cakes“[80]».

Тогда Николя Саркози еще не знал, что скоро присоединится к этой веселой компании. А французы тем более. Они познакомятся с новой «семьей» президента в 2009 году, когда он отправится отдохнуть на Черный Мыс. В роскошных владениях родственников его жены он встретился с Рафаэлем Энтховеном, Венсаном Пересом и Луи Бертиньяком. Их всех пригласила в гости Карла. Французы с удивлением смотрели на то, как их президент, едва оправившись от нервного срыва, колесит по пригородам на велосипеде вместе с Пересом и обедает с Бертиньяком, болтая с ним, как со старым другом, будто в этом нет ничего странного.

Но жители Лаванду и окрестностей уже ничему не удивляются. Больше двадцати лет перед их взором проходит этот парад звезд. «Знаете, мы здесь уже перевидали всех ее приятелей…» — ухмыляясь, признавались торговцы из деревеньки в департаменте Вар. Они даже вспомнили, как один очень известный певец целыми днями безвылазно сидел в четырехзвездочном отеле «Клуб де Кавальер» и выходил оттуда только по ночам в обнимку с Карлой. Вместе с тем местные жители признавали, что теперь все было иначе. Их беспокоила шумиха, которая поднималась, когда приезжал президент: повсюду спецслужбы, полицейские автомобили, перекрывающие центральную улицу Лаванду, огромные пробки… Но не считая

этих мелких неудобств, они совершенно не удивились при виде Николя Саркози на велосипеде. Разве что вот эти двое остановились, увидев его в местной пиццерии. «Ах да, — сказал один другому, — он же новый приятель Карлы…»

* * *

Нужно признать, что у первой леди есть дар собирать вокруг себя мужчин, которых она бросила. Даже тех несчастных, которые изнывали от страсти к этой неистовой итальянке и были просто раздавлены, когда она уходила от них. Адвокат Арно Кларсфелд? Подробности их бурных отношений со вкусом обсуждали в прессе: «Когда они ссорятся, тарелки летают по квартире!» Директор по кастингу Одиль Саррон вспомнила один из таких печальных эпизодов: «Однажды мы с ней обедали, а Кларсфелд в это время носился по всему Парижу в поисках Карлы». Когда адвокат узнал, что она выходит замуж за президента, то в сердцах признался Жаку Лангу:[81]«Знаешь, это настоящая тигрица…» И при этом Карлсфелд, ныне один из советников премьер-министра Франсуа Фийона, был в числе приглашенных на прием, устроенный Карлой в честь Шимона Переса. Журналист Ален Шуффан[82] рассказывал: «Однажды я встретился с Карлой Бруни-Саркози на банкете и сказал: „Завтра я ужинаю с Арно“. „Обними его за меня“, — попросила она». Кроме того, по словам Шуффана, «Николя Саркози очень умен. Он понял, что Карла — женщина свободная, и если он хочет ее удержать, то должен предоставить ей независимость». Актер Шарль Берлинг? После их разрыва он долго был безутешен. Один из его близких рассказал нам о деловом приеме в честь представителей фирмы «Сузуки», лицом которой Карла была в 1999 году. «Она пришла под руку с Шарлем Берлингом. На том банкете нас было всего шестеро. За весь вечер актер не проронил ни слова, только зачарованно смотрел на Карлу пламенным взглядом. Мы поняли, что он будет страдать». Но Берлинг не держал на нее зла, и потому девять лет спустя легко получил право целый день снимать в Елисейском дворце свой телефильм о Робере Бадинтере. «Карла пригласила меня на чай, — поделился он с журналистами „Фигаро Мадам“,[83] — но в это время они с мужем отправились в Марокко на уик-энд».

Издатель Жан-Поль Энтховен? Он был оскорблен, когда она ушла от него к его собственному сыну Рафаэлю. Этот плевок в душу по-своему описала в автобиографическом романе Жюстин Леви, бывшая жена того же Рафаэля. Близкие друзья писательницы рассказали нам, как Бруни соблазнила Рафаэля в

бассейне во владениях писателя Бернар-Анри Леви в Марракеше: «Они целый день провели в воде. Все на них смотрели. Напрасно Ариэль Домбасль кричала „к столу!“ — влюбленные так и не вылезли из бассейна». И при этом на вечеринке, организованной Итальянским культурным центром в Париже 27 сентября 2008 года, можно было увидеть Николя Саркози с супругой, чуть дальше — Жан-Поля Энтховена, его сына Рафаэля и Бернар-Анри Леви, отца Жюстин. А в следующем месяце те же присутствовали на свадьбе Кристофа Барбье, главного редактора еженедельника «Экспресс». Не было только Николя Саркози. Но Барбье пояснил: «Президент получил приглашение, но в этот момент был в официальной поездке. Он любезно поздравил меня по телефону».

* * *

«Карла — настоящий Дон Жуан в юбке, — подвела итог Одиль Саррон. — Я еще не встречала настолько соблазнительной женщины». Папарацци Паскаль Ростен отстаивал искренность чувств своей Карлуши: «Я видел Карлу с Арно, Рафаэлем и с Николя (Саркози) — она всегда была такой влюбленной, совершенно влюбленной. Поцелуи, воркование, все эти „обожаю тебя, любовь моя“. Карла окружала их нежностью. Она так романтична».

И все же многие удивлены тем, что все эти мужчины до сих пор находятся в сфере общения Бруни. Некоторые, как Шарль Берлинг, ее простили. Другие даже не скупятся на похвалы или, как Венсан Перес, делают песню Карлы саундтреком своего фильма или, как Люк Ферри,[84] дают советы Николя Саркози.

Карла и правда залечила их раны. В волшебном мире Бруни после неудачи улыбаются, надевают броню и остаются хорошими друзьями, что бы ни случилось. И показывают пример, расшаркиваясь с бывшей женой вашего мужа. Пьер Шарон вспомнил поразительную сцену, которой стал свидетелем на празднике в саду 14 июля 2009 года: «На моих глазах Карла подошла к Сесилии, пожала руку и поздравила с отличным интервью. Я был поражен ее уверенностью в себе. Потом Карла повернулась ко мне и шепнула: „Вот так и надо поступать, Пьер“». Несколько лет спустя Карла проявила то же хладнокровие с долей юмора, когда оказалась за одним столом с юной топ-моделью, новой звездой подиумов, которая пробовалась в кино, и с режиссером, у которого та хотела сниматься, — кстати, это был один из бывших возлюбленных первой леди. Девушка попросила Карлу замолвить за нее словечко перед ним. Когда через

несколько дней Карле попалось на глаза письмо, которое она забыла передать, первая леди произнесла: «Так вот как, мы обедаем с глупышками?» Она имела в виду себя и всех моделей в целом. Николя Саркози, взяв с нее пример, тоже предпринял некоторые шаги. Он без тени сомнений пригласил в Елисейский дворец Жиля Бенсимона,[85] фотографа, с которым у его жены был короткий роман в 1990-е.

«Президент был очень мил», — радостно вспоминал Бенсимон. «Карла показала мне твои работы, — сказал ему Николя Саркози. — Они впечатляют. Почему бы тебе не сфотографировать нас вдвоем?» Определенно, он не из ревнивых. Для Пьера Шарона все очевидно: «Это Карла придала ему уверенности. Не то что „старушка“ (Сесилия), которая могла пропадать целыми днями, не подавая признаков жизни. Карла внушает доверие».

* * *

Менее утешительными для президента стали постоянные сравнения с бывшими возлюбленными супруги. Особенно с Рафаэлем Энтховеном, молодым философом широких взглядов и своего рода темным ангелом. Его идеальное сложение часто сопоставляют с внешностью президента. Однажды Рафаэль пришел на вечер в ЮНИСЕФ, организованный в пользу Фонда Вирджинио Бруни-Тедески, покойного брата Карлы. «Какой же он красивый», — подумала тогда Тереза Белло,[86] бывшая няня первой леди. Она не видела свою маленькую Карлу целых тридцать лет, и первое, что ей пришло в голову, это: «Вот, совсем другое дело, чем президент Саркози…»

Рафаэль по-прежнему приезжает отдохнуть на Черном Мысе. Местная торговка,[87] которая продавала журналы всем возлюбленным Карлы, мечтательно вспоминает об этом обаятельном молодом человеке: «По-моему, он из них самый приятный. Как-то раз попытался убедить меня слушать радио France Culture, спросив: „Вам понравилась моя передача?“ Он всегда такой культурный, обходительный…»

Действительно, чтобы выдержать все насмешки и намеки, супругу красавицы нужно быть очень уверенным в себе. «Со мной тебе нечего бояться…» — шепнул мэр Парижа Бертран Деланоэ президенту. Не меньше уверенности нужно и для того, чтобы не реагировать на бесконечные слухи об очередных «экс-возлюбленных» первой леди. «Дени Оливьен лично сказал мне, что у него никогда не было отношений с Карлой Бруни, —

пытался оправдать его Жак Ланг. — А я даже не знал о подобных слухах». А вот Франсуа Байру в разговоре с несколькими журналистами 2 декабря 2000 года упомянул, что будущая первая леди флиртовала с ним на выходе из телестудии. Обычное желание приписать себе лишние заслуги и дать повод для сплетен?

Ясно одно: если вы женились на известной сердцеедке, вам стоит опасаться стать очередным номером в ее списке. Однажды на ужине у Жан-Люка и Бетти Лагардьер Жиль Бенсимон стал свидетелем такого разговора: «Мы с Жан-Люком смотрели футбол, как вдруг к нам подошла Бетти: „Звонил Жан-Поль (Энтховен). На следующей неделе он придет к нам, и угадайте — с кем? С Карлой Бруни!“ Жан-Люк ответил довольно резко: „А его не смущает, что он не первый и не последний, кто с ней встречается?“» Какая разница, что о ней подумают — Карла никогда не скрывала своей ветрености. «Нужно быть верной… самой себе», — выдала она как-то с озорной улыбкой. Когда издатель Сильви Делассю сказала Карле, что уже двадцать пять лет живет в браке с Лореном Жоффреном, главным редактором газеты «Либерасьон», Карла воскликнула: «Двадцать пять лет с одним мужчиной? Я не представляю, как можно прожить с одним человеком дольше трех лет!» Значит, часы главы государства сочтены? Возможно, что и нет. Как напомнил нам Лорен Жоффрен,[88] «каждый может со временем измениться».

Глава 11
Певица, или Кто-то мне… написал

«Очень сильно». Модельер Жан-Поль Готье[89] не нашел других слов, чтобы прокомментировать ошеломительный успех его бывшей модели на музыкальной сцене. Надо сказать, что с дебютным альбомом «Quelqu'un m'a dit»,[90] вышедшим в 2002 году, Карле удалось совершить невозможное — поразить три цели одним выстрелом. Во Франции и за границей диск разошелся тиражом в два миллиона экземпляров, а певица получила признание широкой публики и была принята в ряды французской интеллигенции. В тридцать пять бывшая модель, которая пятнадцать лет назад так же стремительно взлетела на вершину мирового подиума, добилась еще одной цели в жизни: блистательно сменила профессию. И ее успех выглядел еще более убедительно оттого, что поначалу мало кто в него верил.

«Она пришла к этому потихоньку, маленькими шажками», — объяснил нам журналист Жиль Медиони,[91] специальный корреспондент отдела культуры газеты «Экспресс». «Мир музыки во Франции суров и неприступен, — продолжал он. — Все модели, которые пытались в нем пробиться, не выдержали и сдались, как Карен Мюльдер. А Карла держалась скромно и пробиралась на цыпочках».

И отнеслась к новой профессии так же серьезно, как и к своей карьере в жестоком мире моды. Карла прилагала все усилия, понимая, что для того, чтобы стать настоящей артисткой, мало быть просто дочерью музыкантов и поигрывать на гитаре с девяти лет. Шестнадцать лет назад в телепередаче «Фрекенстар» она призналась ведущему Лорену Бойе, что певица она посредственная и поэтому не планирует заниматься этим серьезно. Теперь же Карла поступила как настоящий профессионал: завершив карьеру модели, она первым делом стала брать уроки вокала, дважды в неделю — и продолжает до сих пор. Остальное сделали ее смелость, упорство и чутье — прекрасно развитое умение сводить знакомство с нужными людьми.

* * *

Своим музыкальным успехом Карла Бруни во многом обязана мужчинам. Еще в восемнадцать лет, учась в лицее, она

познакомилась с Луи Бертиньяком, гитаристом группы «Téléphone». «Она как-то узнала, где я живу», — рассказал он нам. Но музыкант к тому времени уже съехал с той квартиры. «Тогда она подкупила консьержку, и та дала ей мой новый адрес… Я сразу же влюбился в Карлу, мне она показалась очень красивой, умной и, главное, скромной».[92]

Благодаря ему перед «скромной» школьницей открылись двери, через которые она проникла в закрытый мир рок-звезд. Именно Бертиньяк позже напишет аранжировки для первых двух альбомов Карлы. «Мы прожили вместе год, — продолжал музыкант. — А через несколько месяцев после нашего разрыва она уже встречалась с Эриком Клэптоном».

С тех пор их было немало, артистов, с которыми Карла жила или дружила. Эрик Клэптон, Мик Джаггер… все они стали хорошим подспорьем для будущей певицы.

* * *

Благодаря знакомству с Гольдманом Карла Бруни принимала участие в концертах «Лез Анфуаре»[93] с 1995 по 1997 год. «Тогда петь для „Ресто дю Кер“[94] было почетно. Это открывало вам двери в шоу-бизнес и доступ к знаменитым артистам», — пояснил журналист Кристоф Конт, автор многочисленных публикаций о французской популярной музыке.

Словом, если вас принимали в команду «Лез Анфуаре» — это давало определенные привилегии. «Некоторых талантливых певцов отвергали, — продолжал Кристоф Конт. — Например, Венсана Делерма. У него, по мнению Жан-Жака Гольдмана, был „слабый голос“. Этьен Дао сам отказался присоединиться к огромной семье „Ресто дю Кер“, и в итоге его карьера была разрушена. Карла все это отлично понимала».

* * *

В 1999 году, когда Карла наконец решилась сделать первый шаг, она обратилась к Жюльену Клерку, музыканту из команды «Лез Анфуаре». Когда они вместе обедали в Париже, она призналась, что уже много лет пишет песни в стол. Певец предложил ей встретиться со своим агентом, Бертраном де Лаббей. Через несколько недель Жюльен Клерк получил по факсу неподписанный текст песни «Si j’étais elle».[95] Стихи очаровали его. Он положил их на музыку и выпустил альбом с одноименным

названием. На этом диске помимо заглавной было еще пять песен, написанных Карлой. Так Бруни раскрыла себя в качестве поэта-песенника.

«Я всегда ищу поддержки, реальной или символической»,[96] — скажет она годы спустя. Поддержки… или близости? Очевидец тех лет говорил, что видел, как Жюльен и Карла держались за руки весь вечер в гостях у знаменитого квебекского продюсера.[97] Клерк был тогда в мировом турне. Через несколько месяцев именно он подтолкнул Карлу к написанию песен, но теперь уже для нее самой.

* * *

Источником ее вдохновения стал Рафаэль Энтховен, герой одноименной песни с дебютного альбома певицы. «Если бы не он, этот диск не появился бы на свет. Я знаю, что в этом и его заслуга», — призналась она в интервью «Пари-матч».[98] Ведь философ и ведущий передачи на радио France Culture очень помог ей с написанием песен. «Когда она записывала альбом, то часто звонила Рафаэлю, спрашивала его мнение обо всем», — рассказывал Кристоф Барбье,[99] главный редактор «Экспресс» и близкий друг Энтховена-младшего.

Возлюбленный также познакомил Карлу с большинством журналистов, с которыми она общается сейчас: с Кристофом Барбье, с Филиппом Валом, главой телеканала France Inter, или, скажем, с Лореном Жоффреном из «Либерасьон». Благодаря новым связям Карла Бруни, которую раньше не воспринимали всерьез в этой среде, победно вступила в тесный круг парижской интеллигенции, в один миг перейдя из фривольных манекенщиц в разряд авторов-композиторов и интеллектуалов с определенной гражданской позицией. «Именно тогда она стала говорить, что придерживается левых взглядов», — мимоходом заметил один бывший продюсер. В прошлом осталась миллионерша и светская львица, открыто признавшаяся в интервью газете «Паризьен», что «счастлива жить в Монако — безопасном городе, где столько полицейских». На смену ей пришла новая Карла Бруни, без декольте, но в кофтах с высоким горлом.

* * *

«Сила Карлы в том, что она сумела точно и быстро вычислить тех людей, которые имели вес в той среде, где она хотела

продвинуться, — анализирует музыкальный критик Пьер Сианковски, один из журналистов еженедельника „Лез Анрокуптибль“. — Она отлично видит, на какие рычаги нужно надавить, и молниеносно перенимает правила игры. Грубо говоря, она знает, кого соблазнять».

Кристоф Конт,[100] в те времена — глава раздела «World-Jazz-Chanson» в том же «Лез Анрокуптибль», вспомнил, как один из главных редакторов ворвался в кабинет, размахивая диском Карлы: «Это отличный альбом. И к тому же — независимый проект, который наверняка не пойдет, но было бы правда здорово, если бы мы отвели под него обложку». «А я, — поясняет Кристоф Конт, — отдал предпочтение нигерийскому артисту Фела Кути. Он же один из самых влиятельных людей на африканской сцене, и на его счету больше пятидесяти альбомов». Ставка была высока, ведь «Лез Анрокуптибль» — из тех журналов, что делают погоду в музыкальном мире. «Мы и правда создаем ажиотаж, — продолжал Пьер Сианковски.[101] — Для артиста статья в нашем журнале — как правило, гарантия того, что о нем напишут „Либерасьон“ и „Телерама“, и наоборот». В итоге певице пришлось удовольствоваться врезкой на обложке, посвященной мэтру нигерийского афробита.[102]

Но это был всего лишь вопрос времени. Шесть месяцев спустя Карла Бруни и ее сестра, режиссер Валерия Бруни-Тедески, появились на обложке «Лез Анрокуптибль».[103] Карла даже удостоилась подписи «талантливое юное дарование». Невероятная удача для начинающей певицы.

* * *

Выбрав для записи альбома маленькую независимую студию «Naïve», Карла опять не прогадала. «Они были просто счастливы, что заполучили знаменитую девушку, у которой есть связи по всему миру, — рассказывал нам один музыкант. — Карла была звездой „Naïve“, и они обращались с ней как с королевой. В большой звукозаписывающей компании она стала бы просто певицей, одной из многих».

Окрыленная невероятным успехом первого альбома, Карла Бруни решила сделать ставку на образ молодой певицы, простой и неброской. В то же время она продолжала расставлять свои сети. Ее новая жертва? Артист Жан-Луи Мюрат. Но его нельзя было встретить на светском рауте — большую часть года он жил отшельником в коммуне Рошфор-Монтань, в департаменте Пюи-де-Дом. Поэтому только когда она отправилась к нему за кулисы

после одного из концертов, ей удалось наконец подцепить его на крючок. Исключительно как артиста: мрачный брюнет с самого начала очертил границы их сотрудничества. «Дорогая Карла, — сказал он ей во время их первого разговора по телефону, — вы, конечно, хищница, но на мне ведь не написано „дикий кролик“». [104] Закрыв этот вопрос, Жан-Луи Мюрат не только написал для нее песню «Ce que tu desires»,[105] но и предложил ей спеть своим бархатным голоском три песни для его альбома «Mockba», который вышел в 2005 году.

* * *

Определенно, Карла Бруни никогда не была одинокой артисткой. Спустя два года после их разрыва с Рафаэлем злые языки стали шептаться о том, что именно из-за его ухода провалился второй альбом Бруни «No Promises», вышедший в 2007 году. Конечно, Бертиньяк по-прежнему помогал ей с записью, но самим песням, по ее собственному признанию, недоставало вдохновения. В результате она просто положила на музыку английские стихи.

Еще год спустя ее третий диск «Comme si de rien n'était»[106] разошелся чуть лучше, в основном благодаря широкому освещению в СМИ по всему миру. Это и понятно, ведь к тому времени она вышла замуж за президента Франции.

На этот раз она обошлась без помощи Бертиньяка. Судя по колкостям, которыми старые знакомые обменивались в прессе, между ними произошла ссора. Доказательство тому — саркастические замечания гитариста «Téléphone» по поводу ее брака, опубликованные в «Паризьен» через четыре дня после выхода нового альбома Карлы: «Она в восторге от этой ситуации, потому что ей так интересней. (…) Есть много доказательств тому, что она хотела бы стать самой известной женщиной в мире».[107] Позже Карла и Луи помирились.

Но он был не единственным артистом, отдалившимся от новой мадам Саркози. Так же поступил и Бенжамен Бьоле, сын рабочего, никогда не скрывавший своих левых взглядов. «Бьоле — самый радикальный из музыкантов, и он обожает политику, — рассказывает Кристоф Конт, журналист „Лез Анрокуптибль“. — Он был удивлен тем, что Карла вышла замуж за главу государства, явного правоцентриста. Раньше она часто бывала в гостях у Марианны Фэйтфул… Поэтому немного странно видеть ее теперь в обществе Балкани. По сути, только Бьоле решился высказать вслух то, что думают многие из окружения Карлы». В

интервью одному журналу, которое так и не было опубликовано, Бьоле даже признался без диктофона, что не решился сказать ей в лицо о том, что «ее муж — полное г…». В беседе с журналистом испанского издания «Мундо» он все же выразился точнее, назвав политику Николя Саркози «ужасной катастрофой» и «настоящим позором», а Карлу Бруни — «оппортунистом из песни Жака Дютронка».

* * *

Речи завистников? Отнюдь. Сейчас Карла снимается в кино. 20 июня 2009 года, когда Вуди Аллену в Елисейском дворце вручали орден Почетного легиона, первая леди воспользовалась случаем и выбила у режиссера обещание снять ее в своем новом фильме. Тот долго сомневался, но в конце концов нашел для нее малюсенькую роль.

И вот летом 2010 года Вуди Аллен приехал со съемочной группой в Париж. Увы, первый актерский опыт Карлы Бруни был крайне неубедителен: понадобилось тридцать пять дублей, чтобы снять одну-единственную сцену, в которой у первой леди даже не было слов. Казалось, она не могла отвести взгляд от камеры. Вызванная этим задержка в графике возмутила многих актеров. Так, Марийон Котийяр была вынуждена сдвинуть сроки своего отпуска. Карла Бруни даже направила ей письмо с извинениями. «Я очень сожалею, — говорилось в нем. — Актерское ремесло — это профессия, а я в ней только новичок». И если бы на этом все и кончилось… В полночь Николя Саркози со своими телохранителями прибыл на съемочную площадку и спровоцировал небольшой скандал, после чего решил пустить в ход кулаки против особо надоедливых папарацци. Сама Карла Бруни была вынуждена усмирять супруга. Вуди Аллен был крайне взволнован, для него это стало настоящей катастрофой.

«Карла дошла до состояния артистки, которая хочет попробовать сразу все — и у нее не выходит ничего, — заключает Кристоф Конт. — В этом плане Бенжамен Бьоле — ее полная противоположность, ведь он прекрасный актер, музыкант и певец». Бывшая модель, безусловно, доказала свою состоятельность в музыке, но ее обучение актерскому мастерству лишь начинается. Впрочем, она не унывает и планирует сняться в американском сериале «Эксперты».[108] И по крайней мере это название наверняка понравится ее мужу.

Глава 12
Карла и журналисты

Не секрет, что в отношениях со СМИ, особенно французскими, президент бывает эмоциональным, обаятельным и авторитарным. А вот связи его супруги с прессой вызывают вопросы. Все, кому довелось пообщаться с бывшей моделью, отмечали ее умение устроить спектакль. В их восхищенных воспоминаниях она была очаровательна и неуловима. Те же, кто брал интервью у первой леди, хвалили ее за «непринужденность[109]», «свободные высказывания[110]», «чистосердечные ответы[111]» и за то, что «для нее нет запретных тем[112]». Но по секрету все говорили о том, что она — искусная соблазнительница, выверяющая каждый взмах ресниц и демонстрирующая мнимое спокойствие, которому ее вспыльчивый муж мог бы у нее поучиться. «Карла соблазнительна как кошка, хитра как лиса и холодна как змея», — заключил Жан-Жак Пикар, очень точно описав то, как первая леди общается со СМИ.

* * *

Действительно, Карла — эксперт в области управления информацией. Она читает все, что о ней пишут, и способна впечатлить даже самых стойких журналистов. С самого начала их обезоруживает ее непосредственность. Один молодой репортер, которого первая леди пригласила к себе, не заподозрил никакого подвоха, когда Карла грациозно поднялась по ступенькам приставной лестницы, чтобы достать книгу из своей библиотеки, где в основном стояли тома классиков… как вдруг он заметил краешек ее белья.

Куда более опытный журналист из солидного журнала тоже был сражен во время первого интервью с певицей по поводу ее дебютного альбома: «Она назначила мне встречу у себя дома, в 16-м округе Парижа. В тот день там было людно, поэтому Карла пригласила меня в свою комнату, чтобы мы могли поговорить спокойно. И я брал у нее интервью, сидя на краю кровати, а она лежала рядом». И по сей день он мурлычет от удовольствия, вспоминая эту сцену.

Даже когда интервью проходит не у нее дома, Карла умеет создать интимную атмосферу. Когда специальный корреспондент

«Нувель обсерватер» встретился с первой леди в знаменитом кафе «Флор» в парижском Сен-Жермен-де-Пре, Бруни покорила его с первого взгляда: «Она посмотрела на меня своими голубыми глазами и заговорила нежным голосом. Вскоре она уже рассказывала мне что-то глубоко личное. Призналась, что ее биологический отец живет в Бразилии».

* * *

Такая искренность в сочетании с невероятным обаянием подкупает. «Карла умеет мгновенно создать ощущение близости, — рассказывал человек из ее окружения. — Эта богатая и знаменитая дама легко доверяется вам и даже дает свой номер мобильного. Она всегда относится к собеседнику очень внимательно». Внимательно, даже по-дружески — настолько, что может позвонить главному редактору журнала и попросить его нанять «прекрасного журналиста, у которого, к сожалению, до сих пор нет постоянной работы…». Но Карла не так наивна, как может показаться: она хорошо изучила правила мира СМИ. Как нам рассказал Фредерик Аллари,[113] бывший финансовый директор журнала «Лез Анрокуптибль», в 2005 году Карла Бруни выписала Ассоциации друзей «Лез Анрокуптибль» чек на сумму около 40 000 евро: «Тогда мы собирали 1 миллион евро для поддержания капитала журнала. Карла Бруни, стилист Аньес Б и Дени Оливьен, тогда владелец сети „FNAC“, сказали „ладно“. Все они были восторженными поклонниками журнала, и, конечно, предложили нам свою помощь. Но Карла пожелала, чтобы это оставалось в тайне. То, что она не хотела, чтобы все об этом знали, делает ей честь». Такие безвозмездные пожертвования в пользу журнала, который поддерживал певицу с самого начала ее карьеры, доказывают, что она прекрасно разбирается в СМИ, которые имеют вес.

И в журналистах тоже. Франсуа Фийон с нежностью вспоминал о том искреннем ощущении близости, которое Карла создает, общаясь с репортерами. Этот тезка премьер-министра — на самом деле молодой главный редактор газеты «Макадам», которую бездомные продают в метро. «Один из наших добровольных корреспондентов, который хорошо знаком с Карлой Саркози — он делает репортажи из Елисейского дворца для журнала „Ле Пуан“, — предложил посодействовать, чтобы я смог с ней встретиться, — рассказывал журналист. — Она согласилась довольно быстро, и мы отправились к ней домой. Один из ее работников открыл нам дверь и проводил в гостиную,

где нас ждала Карла Бруни-Саркози. Она хотела узнать все про „Макадам“. Когда во время разговора у нее зазвонил телефон, она не стала брать трубку, что было весьма любезно с ее стороны. Мадам Саркози рассказала нам об одном знакомом бездомном, и все интервью прошло в этом ключе».

Так в декабре 2009 года первая леди появилась на обложке «Макадам». Радуясь такому удачному издательскому ходу, Франсуа Фийон велел напечатать 20 000 экземпляров газеты. Увы, раскупили только 10 000 — обычный тираж.

* * *

Искренняя, непосредственная, заинтересованная: этот образ певица продолжала оттачивать и перебравшись в Елисейский дворец. На первых порах в этом ей помогал Пьер Шарон, советник Николя Саркози по вопросам информационной политики.

Зная о скандальной репутации и вольных высказываниях бывшей модели, Шарон постоянно контролировал ее, не давая допустить оплошность. Он отклонял запросы об интервью от тех изданий, в которых Карла Бруни обычно не появлялась, и сопровождал ее во время первых встреч с политическими журналистами.

Словом, первый этап создания образа первой леди — тихой, тактичной дамы из хорошей семьи — это полностью заслуга Шарона. Именно ему мы обязаны заголовком «Скромная» на первой полосе «Фигаро Мадам» от 28 марта 2008 года. «Эту идею мы разработали вместе с Алексисом Брезе, главным редактором журнала, — рассказывал Пьер Шарон.[114] — Карла предупредила меня: „Может быть, ты в курсе, но обо мне, о моем прошлом наверняка станут говорить всякое, найдут старые снимки“. Поэтому нужно было помочь ей изменить общественное мнение, создать для нее новый образ. Например, скромной молодой дамы…»

* * *

Искусство президентского общения давалось Карле не без труда. Порой она принимала некоторые публикации слишком близко к сердцу и, не сдержавшись, реагировала очень бурно. Фотограф Паскаль Ростен,[115] сопровождавший Карлу во время официальной поездки в Нью-Йорк в сентябре 2008 года, вспомнил, как она побледнела от ярости, читая статью в

«Либерасьон». В репортаже говорилось, что в перерыве между визитами в ООН первая леди бегала по магазинам (на самом деле она только купила сыну игрушку). «Карла позвонила журналисту и обвинила в том, что в этой возмутительной статье он выставил ее на посмешище». И никто бы ничего об этом не узнал, если бы чуть позже, на пресс-конференции, Николя Саркози не прожигал взглядом этого репортера.

С тех пор первая леди научилась держать себя в руках. Правда, она по-прежнему может бросить трубку, выражая недовольство нескромными вопросами журналиста — например из газеты «Паризьен», — но теперь она ведет себя более дипломатично. Коломба Прингль,[116] главный редактор еженедельника «Пуан де Вю», со смехом вспоминает об ее уловках. Эта элегантная брюнетка с задорной улыбкой, бывший спецкор «Экспресс» и главный редактор «Вог», знает Бруни еще с тех пор, когда та покоряла подиумы. Выйдя замуж за президента, Карла стала часто позванивать ей: «Поначалу мы просто болтали, но однажды она стала укорять меня за то, как ее освещали в нашем журнале, продолжая при этом щебетать тем же очаровательным голоском: „Дорогая Коломба, мне очень нравится раздел „Культура“, по-моему, он самый интересный в вашем журнале“». Намек был недвусмысленным. «Карла любит прибегать к аллюзиям, — пояснила Коломба Прингль. — Таким образом она давала понять, что мы должны были довольствоваться рассуждениями о дворцах и королевах. Ей не нравились мои редакционные статьи — она считала их чересчур критическими — и еще некоторые публикации, например та, где ее сравнивали с Марией Антуанеттой».

* * *

Железная воля Карлы Бруни скрывается под нежным бархатом ее голоса. Первая леди предпочитает избегать жестких разговоров. А если такая необходимость все же возникает, она поручает это приближенным. Например, советнику Грегуару Вердо, одному из руководителей фонда Карлы Бруни-Саркози. Именно от него Коломба Прингль узнала о том, что первая леди пришла в ярость, когда «Пуан де Вю» рассказал о новой жизни бывшего министра юстиции Рашиды Дати и ее благотворительном фонде «C’est à vous».[117] «Да как ваша газетенка посмела сравнить фонды Дати и Бруни-Саркози! — возмущался Вердо. — Это непозволительно! У них нет ничего общего». Оскорбленная первая леди так и не смогла стерпеть

обиду.

Ей стало еще труднее с тех пор, как в 2009 году ее покинул деятельный Пьер Шарон, который уже продумал второй этап создания нового образа Карлы. По его замыслу теперь она должна была стать супругой президента, которая сознавала, что ей повезло в жизни, и потому решила помочь многим другим людям, обделенным судьбой. Увы! Мадам Бруни-Саркози разуверилась в прозорливом Шароне. Теперь за ее имиджем следит Вероника Рампаццо — руководитель отдела в парижском модельном агентстве «Marilyn» и бывший «букер»[118] Карлы, которая знакома с первой леди уже двадцать пять лет. Когда супруга президента решила избавиться от советников из Елисейского дворца и лично занялась отбором персонала, она сразу предложила своей давней подруге должность советника. Так Вероника Рампаццо стала кем-то вроде управляющей: она занимается связями с прессой и с общественностью, составляет расписание президента и просматривает запросы от журналистов. Невозможно подступиться к первой леди без ее разрешения.

С ее помощью Карла надеется все удержать под контролем. И, возможно, избежать таких эпизодов, как тот случай в Африке, о котором в феврале 2009 года американская журналистка Элани Скьолино рассказала в газете «Нью-Йорк таймс». Первая леди лично предложила корреспондентке сопровождать ее во время официального визита в Буркина-Фасо по делам фонда. А Скьолино, не привыкшая к самоцензуре, принятой в некоторых французских СМИ, во всех подробностях рассказала об этой поездке и процитировала пару самых безобидных реплик первой леди. «Ой! Я же в джинсах! — воскликнула Бруни, едва ее самолет приземлился в стране, страдающей от нищеты. — Хорошо хоть это не бросается в глаза […]» Или еще: «Актер Дэниел Крейг — красавец, но Шон Коннери всегда будет самым сексуальным Джеймсом Бондом». Подобные реплики, несколько неуместные в промежутках между посещениями деревенских больниц, не позволяли воспринимать их автора всерьез. Конечно, эта статья мало упоминалась во французской прессе, но она окончательно убедила Карлу в том, что нужно любой ценой обезопасить себя от подобных неожиданностей.

* * *

С тех пор супруга президента дает интервью только тем журналистам, которые работают в «дружественных» изданиях или хорошо ей знакомы.

К ним принадлежит и Кристоф Барбье,[119] главный редактор «Экспресс». Он, один из немногих, не скрывает своей «дружбы» с первой леди. «Мы познакомились, когда она встречалась с Рафаэлем Энтховеном», — рассказывал нам журналист, который не расстается со своим красным шарфом — кстати, подарком от Карлы. В ту пору Барбье и Энтховен играли в одном театре. «Когда он впервые представил мне свою возлюбленную, я восхитился: красивая, знаменитая, очень милая — все было при ней. Но после того как они расстались, я больше ее не видел». Когда Карла Бруни вышла замуж за президента, журналист вновь вышел с ней на связь. «С тех пор она часто звонит мне, и я высказываю свое мнение по тем вопросам, в которых она не разбирается». И добавил: «Она пришла на мою свадьбу и прочитала отрывок из книги Уэльбека, которую очень любит моя жена».

Другие журналисты не признаются, что близко знакомы с бывшей моделью. Например, Людовик Перрен из газеты «Либерасьон», в которой он, кроме прочего, публикует серию портретных зарисовок об артистах. Он тоже один из «друзей» Карлы. В самом начале нашего телефонного разговора[120] журналист почему-то уточнил: «А какого рода портрет вы собираетесь написать?» Через пару минут он прервал беседу: «Что ж, я все уточню и сообщу свое решение на следующей неделе». Несколько дней спустя он ответил отказом: «Мне кажется, еще не время писать книгу о Карле». Самая строгая пресс-служба не справилась бы лучше. А ведь Людовик Перрен проработал в газете долгие годы, и в 2008 году именно он был в числе тех пяти журналистов, с которыми долго беседовала первая леди, наговорив на пять страниц. Он же принимал участие в редактировании автобиографии Франка Демюля, личного секретаря Карлы Бруни. В книге под названием «Небольшое путешествие в ад»[121] этот человек со сложной судьбой делится воспоминаниями о жизненных испытаниях, о наркотиках, тюрьме… и о надежде, которую ему подарила встреча с сестрами Бруни-Тедески, взявшими его под свое крылышко лет десять тому назад. Сейчас Франк Демюль помогает благодетельнице вести личный дневник в Интернете. А Людовик Перрен берет интервью у друзей Карлы для сайта ее фонда…

* * *

Как настоящий профессионал, Бруни сумела быстро прибрать к рукам прессу. Лорен Жоффрен,[122] главный редактор

«Либерасьон», рассказал нам об интервью, которое Карла дала газете 21 июня 2008 года в связи с выходом ее третьего альбома.

«Эта идея возникла за ужином. В тот вечер я встретился с Патриком Зелником (владельцем студии „Naïve“, выпускающей диски мадам Саркози), и мы обсудили предстоящее интервью. Я предложил выдать ей карт-бланш, чтобы она стала главным редактором, как уже было с певицей Diam's и группой „NTM“. Но потом мы отказались от этой мысли и решили просто напечатать большое интервью на первой полосе».

Карле Бруни это было только на руку. «Зелник радовался тому, что певица не будет ассоциироваться только с Николя Саркози и его партией UMP», — пояснил Жоффрен. Продажи «Либерасьон» выросли на 30 %, а на сайт издания пришло не меньше 1200 сообщений — настоящий рекорд. Хотя 80 % читателей были в шоке от того, что эта газета, трибуна левых сил, дала слово жене президента.

Интервью прошло в теплой обстановке. Только при входе в редакцию несколько сотрудников напугали первую леди криками «Бруни — на биржу труда!». «Она сказала, что пришла к нам сразу после того, как уложила сына спать», — продолжал Лорен Жоффрен. «На все вопросы она отвечала сама, без подсказок, и полностью контролировала ситуацию», — добавил он с восхищением.

Отточенные фразы, удивительная искренность и оживленный разговор — да, у мастера светских бесед есть все, что нужно, чтобы стать любимицей СМИ.

Карла Бруни, женщина умная и современная, трижды получала предложение стать ведущей или главным редактором выпуска.

Впервые это произошло в сентябре 2008 года. Тогда ее пригласили занять место Мишеля Денисо в передаче «Гран Журналь» на телеканале Canal+.

31 января 2010 года ей предложили провести выпуск программы «Журналь инаттандю» Гарри Розельмака на радио RTL. И говорить о чем угодно? Не совсем. Ей пришлось прокомментировать последствия дела «Clear-stream»[123] и, в частности, совещание, которое президент провел в Елисейском дворце вскоре после вынесения приговора. В эфире Карла была совершенно спокойна. Она сказала, что «удивлена тем, насколько Доминик де Вильпен и журналисты не уверены в независимости французского правосудия». Но во время рекламной паузы первая леди все же пригрозила покинуть студию, если ей и дальше будут задавать подобные вопросы…

О третьем предложении — стать редактором «Фигаро Мадам»

— мы уже упоминали.

* * *

И все же ни одна первая леди до Карлы Бруни не соглашалась стать во главе журнала или передачи, пусть даже на один выпуск. Как бы то ни было, брак бывшей модели и президента вызвал бурную реакцию. Причем не только восторженную. Ведь есть и те, кто пишет исключительно о президенте. Или, говоря иначе, — ни слова о его знаменитой супруге. Политические журналисты сделали свой выбор. И правда, возможно, не стоит искушать судьбу.

Глава 13
Дорогой фонд

27 апреля 2010 года фонд Карлы Бруни-Саркози не отвечал на звонки. Ни одной живой души, нельзя ни с кем связаться. Офис по адресу 20 бис, улица Ля Боэси, 7-й округ Парижа, казалось, весь вымер. Тогда мы обратились в агентство «Ogilvy PR», которое отвечает за связи интернет-сайта первой леди с прессой. «Там никого нет, потому что в 14 часов все улетели в Китай», — пояснил нам глава агентства Эрик Майяр.[124] Президентская чета на три дня отправилась в Срединную империю с официальным визитом — значит, некоторые члены фонда последовали за ними. Но с какой целью? Какова их программа? Загадка… Несколько дней спустя на сайте www.carlabrunisarkozy.org появился подробный отчет о поездке. В нем можно было прочитать краткую историю Китая, с его неизбежной терракотовой армией, захороненной в городе Сиань, и мавзолеем Ханьянлин неподалеку. Именно они стали первым этапом путешествия четы Саркози. В общем, много туристической информации и ни слова об основной цели организации — борьбе с неграмотностью.

Определенно, фонд Карлы Бруни-Саркози выглядит малоубедительно. Спустя год после создания эта элегантная витрина по-прежнему кажется пустой скорлупкой, особенно если вспомнить о заявленных ею планах. А ведь первая леди наверняка на что-то рассчитывала, основывая фонд и объявляя его оплотом щедрости.

* * *

В начале 2008 года бывшая модель предупредила, что ей понадобится время. «Я пока только новичок», — скромно оправдывалась она в интервью «Пари-матч» на другой день после свадьбы.

Ее первой гуманитарной миссией стала борьба со СПИДом. «Этот выбор не случаен. Сейчас я продолжаю делать то, что уже начала вместе с семьей», — объявила во время пресс-конференции 1 декабря 2008 года новая посланница Глобального фонда для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией. Именно в тот день она публично призналась, что ее брат Вирджинио, скончавшийся два года назад, был болен СПИДом. Еще в 2007

году мать Карлы, Мариза, создала фонд Вирджинио Бруни-Тедески для борьбы с этой болезнью. Известный концертный директор Фредерик Фарруджиа[125] рассказал нам о том, как несколько лет назад Карла Бруни и ее подруга, модель Карен Мюлдер, ухаживали за гримером Марком Шеффером, который заразился в 1990-е годы. «Они были с ним до конца, приносили ему больничные обеды, — вспоминал Фарруджиа. — Тогда этот недуг считался постыдным, и люди отворачивались от зараженных ВИЧ. Но только не Карла. Она даже взяла на себя часть затрат на похороны». Поэтому было совершенно естественно, что новая первая леди решила вступить в борьбу с этой болезнью, и в частности — обеспечить защиту женщинам и детям.

В феврале 2009 года именно с этой целью она отправилась на самолете президента в Буркина-Фасо, в сопровождении нескольких избранных журналистов. В этой западноафриканской стране более 130 000 человек, среди которых половина — женщины и дети, заражены ВИЧ. «Я собираюсь отнестись к обязанностям посланницы фонда не поверхностно, а со всей серьезностью, и буду лично общаться с людьми»,[126] — постоянно повторяла она во время поездки. К сожалению, многие участники этого путешествия испытали беспокойство и неловкость при виде того, как мало участия проявляла супруга президента. «Не стоит упоминать о ее навязчивой боязни микробов, о дезинфицирующих салфетках, с которыми она не расставалась, о ее жалобах „меня сожрали комары“ наутро после ночи, проведенной в посольстве Франции в Уагадугу», — рассказывал один из журналистов. Но больше всего удивляло ее отношение к больным. «Карла — это антиледи Ди, — считает другая свидетельница событий, которая уже не раз участвовала в официальных визитах. Ее очень удивило, что бывшая модель держалась „на расстоянии“ во время посещения деревенской больницы, где первая леди должна была встретиться с женщинами и детьми, зараженными ВИЧ. — Она разговаривала с пациентами, но почти не брала детей на руки». Это несколько чересчур для супруги президента, которая признавалась, что вдохновляется примером принцессы уэльской: «Она [леди Ди] обнимала больных СПИДом и показывала, что не стоит опасаться заражения, — говорила Бруни в интервью журналу „VSD“. — Она была замечательной женщиной». Конечно, Карла Бруни все же проявляла некоторую расположенность к благотворительности. Так она демонстрировала бесконечное терпение, с сумочкой от Prada в руках выдерживая все запланированные визиты. «Посещение медицинского центра Писси на расстоянии

нескольких десятков километров от столицы отняло у нее полдня, хотя она могла сократить его до часа», — делится воспоминаниями еще один участник поездки. Но речь, которую она произнесла перед представителями Глобального фонда и членами Международной организации по борьбе против СПИДа, наглядно показала, что очаровательная посланница плохо готова к исполнению своих новых обязанностей: «Минут пять она ходила вокруг да около, повторялась, — рассказывает участник. — Мы все обеспокоенно переглядывались. Честно говоря, она явно не подготовилась». Зато на приеме у буркинийского президента Блэза Компаоре Карла Бруни вновь вернулась в свой привычный мир: «За весь день она позировала перед камерами всего однажды, когда фотографировалась с персоналом диспансера. А в обществе Компаоре она сразу оказалась в своей стихии и была безупречна».

Журналисты, которые в конце визита в Буркина-Фасо поинтересовались, когда планируется следующая поездка, услышали от свиты первой леди: «Что вы! Карла так утомилась, это путешествие ее совершенно вымотало…»

* * *

Два месяца спустя, 23 апреля 2009 года, первая леди основала фонд Карлы Бруни-Саркози, решив при этом сосредоточиться на внутренних проблемах Франции. «Я посоветовал ей заняться деятельностью, результаты которой будут видны уже через два года, с первым выпуском учеников», — признается Кристоф Барбье,[127] главный редактор «Экспресс» и близкий друг Карлы. И Сесилия Сиганер, фонд которой занимается вопросами плохого обращения с женщинами, и Мишель Обама, чья организация борется с ожирением, первыми пошли по этому пути, посвятив себя важным внутренним проблемам своих стран. Для Карлы Бруни-Саркози такой целью стала борьба с безграмотностью.

Поиск места, достойного стать офисом фонда, занял некоторое время. Сначала внимание первой леди привлекла школа в 16-м округе Парижа, неподалеку от ее дома. Затем, по совету приближенных, супруга президента решила перенести резиденцию севернее, в Сен-Сен-Дени. Этот проект не удался, и тогда Карла наконец остановила свой выбор на улице Ля Боэси, в 8-м округе Парижа… в паре метров от штаб-квартиры UMP, партии Саркози. Так как у первой леди нет официального статуса, закрепленного в Конституции, ее фонд, находящийся под эгидой

фонда Франции, — полностью частная организация без четкой юридической структуры и даже финансовой отчетности, подлежащей опубликованию.

Например, формально в штате фонда числятся всего двое служащих: «менеджер» Клеа Мартине, которая раньше работала у министра иностранных дел Мишеля Барнье, и секретарша. «У меня нет своей команды, со мной работает замечательная команда мужа», — сообщила Карла Бруни во время пресс-конференции 1 декабря 2008 года, когда стала посланницей Глобального фонда для борьбы со СПИДом. Так, Николя Саркози поручил Грегуару Вердо, своему советнику по гуманитарной деятельности и международному здравоохранению, помогать Карле. В команде первой леди также оказался Жюльен Сиванж, один из ее близких друзей. Он, в частности, разработал дизайн интернет-сайта организации и создал проморолики для компании «Born HIV Free» — европейской компании по привлечению внимания к проблеме передачи ВИЧ от матери к ребенку — в виде мультфильмов, которые часто крутят по телевизору. Интервью на сайте публикует Людовик Перрен. Кто же оплачивает все эти услуги? Неизвестно. Сами члены фонда уходят от ответа. «Зарплату получаем только мы двое, — неохотно призналась Клеа Мартине, — а больше я не могу вам ничего сказать. Обращайтесь к Вероник Рампаццо[128]». Грегуар Вердо тоже был не слишком разговорчив. В Фонде Франции нам смущенно ответили: «Это очень деликатная тема. Мы не имеем права разглашать подобную информацию, хотя счета организации проходят через нас, и мы их заверяем». Что от этого получает Фонд Франции? Не слишком много. Между тем в апреле прошлого года Николя Саркози наградил Ива Сабуре, президента фонда, орденом Почетного легиона.

* * *

Одно известно точно: счета организации Карлы Бруни не пустуют. Помимо личных средств первой леди, туда также поступили 50 000 евро, выделенных администрацией президента на создание части интернет-сайта, и 150 000 евро от Шейлы Джонсон, богатой американки, сделавшей состояние на телевидении.

Кроме того, марка Lancôme, принадлежащая компании «L'Oréal», обещала в течение трех лет передать в фонд 1,5 миллиона евро, как выяснилось в ходе расследования по «делу Бетанкур[129]». Словом, у фонда Карлы Бруни много щедрых

друзей. Пусть даже некоторых из них раскидало по свету. Доказательство этому — однодневный визит первой леди, к которой чуть позднее присоединился ее супруг, в богатый эмират Катар в ноябре 2009 года. Официальная цель поездки — продвижение «французской системы образования». И действительно, Карла Бруни произнесла длинную речь о наших вузах, которые хотели открыть свои филиалы в этой стране: о престижной школе коммерции HEC, об институте Пастера, об IRCAD (Исследовательском институте по борьбе с раком органов пищеварения) и других. Затем первая леди, как обычно, произвела фурор во время торжественного приема, устроенного в ее честь. Она была в элегантном зеленом платье и бриллиантовом колье. Но никто не знает, что частью программы визита президентской четы был сбор средств для фонда Бруни-Саркози. Позже Карла призналась другу: «Эмир любезно пожелал презентовать нам роскошный автомобиль — „феррари“, кажется. Я сказала, что не могу забрать такой ценный подарок с собой и что предпочла бы вместо этого получить взнос в свой фонд на ту же сумму. Ну что ж, я до сих пор жду…»

К счастью, были и более надежные дарители. Например, 17 марта 2010 года Брюно Фризони, креативный директор дома моды Roger Vivier, и его представительница Инес де ля Фрессанж, подруга Дени Оливьена, владельца журнала «Нувель обсерватер», с размахом отмечали запуск новой совместной коллекции сумочек «Miss Viv». И в присутствии множества звездных гостей они объявили, что часть средств от продаж будет переведена на счет фонда Карлы Бруни-Саркози. «Скромные суммы», — пояснили нам в пресс-службе Брюно Фризони.[130]

Тогда же, в марте, первая леди сопровождала мужа в официальной поездке в Нью-Йорк и познакомилась там с еще одним щедрым филантропом Джоном Полсоном,[131] «королем кредита», который за несколько месяцев до того приобрел 2 % общего капитала «Renault». Размер взноса от американца составил 500 000 евро в течение… трех лет. Наметился конфликт интересов, но это не важно, ведь все ради благого дела…

* * *

В самом деле, можно предположить, что необходимы немалые средства, чтобы приблизиться к цели фонда, а именно «облегчить доступ к образованию, знаниям и культуре, чтобы таким образом препятствовать возникновению социального неравенства». Но, хотя первая леди не жалеет сил на поиски

меценатов, она, похоже, не спешит воплощать в жизнь свои амбициозные планы. Некоторые члены ее команды утверждают, что она редко появляется на улице Ля Боэси, предпочитая проводить собрания в Елисейском дворце.

Кроме того, Карла доверяет своим помощникам принимать членов фонда. Мари-Тереза Жеффрой, очень активный директор Национального агентства по борьбе с безграмотностью, рассказала нам, как за несколько месяцев до создания вышеупомянутого фонда с ней связался Грегуар Вердо, советник по гуманитарной деятельности. «Он сказал, что Карла хотела бы, чтобы мы с ней поработали вместе». В феврале 2010 года, то есть год спустя, первая леди и директор агентства отправились на поезде в отдаленную коммуну Мэн-ан-Луар, где им предстояло пообщаться с рабочими на деревообрабатывающей фабрике «Francepal». «В дороге она задавала мне множество вопросов, — продолжала Мари-Тереза Жеффрой. — Прибыв на место, мы встретились с рабочими, которые благодаря нашей программе учились читать и писать. Мадам Саркози поговорила с каждым и даже сфотографировалась со всеми желающими. Перед уходом она выписала чек на… 7000 евро». С тех пор, в общем-то, больше ничего. «Но у нас запланированы новые мероприятия, — убежденно говорит директор Агентства по борьбе с безграмотностью. — Я тесно сотрудничаю с ее командой». Ну, разумеется. Да только вот поездки в провинцию бывают раз в год по обещанию.

Стоит только взглянуть на интернет-сайт организации, как сразу становится понятно, что деятельность первой леди весьма скудна. В перерыве между съемками в передачах для каналов TV5 и BBC World и открытием выставки «Святая Русь» она выкроила время для того, чтобы посетить студию «Éducation» в рамках «Révélations Lancôme». Это единственная настоящая программа, организованная фондом Бруни-Саркози. Ее целью является поддержка неблагополучных учеников в их стремлении стать художниками и артистами, для чего к ним в класс приглашают разных выступающих, как это уже давно принято в других учреждениях во Франции. «Да, график очень плотный», — иронизирует депутат UMP.

В самом деле, Карла Бруни пока не может найти себя в благотворительности, которой традиционно занимаются первые леди. Даже миссия посланницы Глобального фонда для борьбы против СПИДа — дорогой ее сердцу цели — все же, похоже, мало ее вдохновляет. После Буркина-Фаса в феврале 2009 года прошел почти год, пока, наконец, 26 января 2010 года она снова поехала в Африку, на этот раз в Бенин, вместе с Мелиндой Гейтс,

супругой основателя «Microsoft».

Поездкам в страны третьего мира первая леди предпочитает престижные акции. Так, Карла с радостью приняла участие в открытии «Born HIV free», состоявшемся 19 мая 2010 года в Театре Пьера Кардена, в двух шагах от Елисейского дворца. Супруга президента надела красивые очки и футболку с аббревиатурой компании и прокомментировала короткие мультфильмы авторства ее друга Жюльена Сиванжа. Фотографировать первую леди доверили еще одному ее другу, Венсану Пересу. И наконец, Аньес Кромбак, глава ювелирной фирмы «Tiffany France» и близкая знакомая президента, создала прекрасную брошь с логотипом компании. Фуршет после пресс-конференции, на которой нельзя было задавать Карле Бруни вопросы, был устроен владельцем «Traiteur du Marais».[132] Как написано на сайте фирмы, именно ей в 2007 году банк Barclays поручил организацию приема «в честь 150 самых важных клиентов, которым предложили аперитив в пассаже Жуффрой, а затем ужин в Салоне Зеркал». Разве не Карла Бруни публично заявила в день создания своего фонда: «Никакой пустой болтовни о филантропии»?

Глава 14
Женщина левых убеждений

Она сказала: «Вот увидишь, мой муж очень умный, он обязательно что-нибудь придумает».

Когда в декабре 2009 года Кристиан Лакруа[133] поднял трубку и услышал от Карлы Бруни эту странную фразу, поначалу он испытал облегчение. Лакруа давно ждал весточки от бывшей манекенщицы, которая участвовала в его показах много лет. Один из самых талантливых модельеров своего времени оказался на грани разорения и очень надеялся на помощь первой леди — ему нужно было спасать свою компанию, сто двадцать пять человек персонала, дело всей жизни. Долгие месяцы он жил в ожидании поддержки. Когда стало известно, что Лакруа грозит банкротство, его подручные сами взялись за перо и отправили письмо Карле Бруни в Елисейский дворец. Но ответа не последовало. Розин Делаплас,[134] бывшая главная швея Лакруа, не скрывала своего разочарования: «Когда я узнала, что наш Дом моды собираются закрыть, я подумала, что нам поможет Карла Бруни, которую я часто видела здесь, когда она работала моделью. Мне бы хотелось, чтобы она сделала для нас что-нибудь, замолвила хоть словечко… Но первая леди даже ни разу не появилась в платье от Лакруа на публике. И не пришла на последнее дефиле. Мы для нее остались в прошлом».

Вот почему этот звонок супруги президента показался модельеру настоящим чудом. Карла намекнула, что министр культуры Фредерик Миттеран возьмет это дело под свой контроль. «Мы увидимся с Фредериком в эти выходные, когда муж вернется из Копенгагена. Нет-нет, я с ним не поехала, для меня там слишком холодно», — добавила она сладким голосом. Конечно, после такого Лакруа воспрял духом. Наконец-то все уладится после долгого бесплодного противостояния двух министров: с одной стороны — Фредерика Миттерана, пригласившего Лакруа к себе еще несколько месяцев назад, вскоре после введения внешнего управления имуществом Дома моды, как несостоятельной компании. С другой — Кристиана Эстрози, министра промышленности, который тоже включился в борьбу и даже созвал прессу, чтобы рассказать о своих предложениях по выкупу компании. Увы! Едва Фредерик Миттеран узнал, какую шумиху вокруг этого дела поднял его коллега, он позвонил Кристиану Лакруа и возмутился. «Министр был в ярости, — вспоминал модельер. — Сказал, что больше не

собирается заниматься этим делом и предоставляет другому почетное право спасти меня от разорения».

В такой ситуации вмешательство Карлы оказалось чисто символическим — она была не слишком заинтересована в спасении персонала, и ее слова ничего не изменили. Фредерик Миттеран даже избегал встречи с Кристианом Лакруа во время банкета, организованного несколько месяцев спустя. А в мае 2010 года министр культуры удовольствовался тем, что, по его собственному выражению, «спас мебель»: когда имущество Дома моды уходило с молотка, он приобрел несколько предметов интерьера, чтобы затем разместить их в Музее декоративного искусства в Париже.

* * *

Да, небогатый улов достался единственному министру в кабинете Фийона, получившему свой пост во многом благодаря супруге президента. Именно она еще в июне 2008 года предложила сделать племянника Франсуа Миттерана директором Французской академии в Риме — знаменитой Виллы Медичи. А год спустя все та же первая леди подала Николя Саркози идею назначить Фредерика министром культуры и коммуникаций. 24 февраля 2009 года президент прибыл в Рим с официальным визитом и по случаю решил посетить Виллу Медичи в сопровождении действующего министра культуры, Кристин Альбанель. По словам ошеломленного очевидца, тогда и решилась ее судьба: «Николя Саркози даже не взглянул на сады. А когда ему показали фолиант, созданный в XVI веке, иными словами — на заре книгопечатания, президент лишь равнодушно бросил: „Да, красиво“. Кристин Альбанель была очень серьезна, возможно, даже слишком. Зато Фредерик Миттеран быстро понял, что все это не слишком интересно президенту, и принялся играть с телефоном. Саркози рассмеялся, и они с Миттераном быстро перешли на „ты“».

Похвалы Карлы довершили начатое, и бывший ведущий телепередачи «Permission de minuit»[135] стал министром. Один из советников описывает его так: «Он хороший рассказчик, увлеченный историей Второй мировой войны, человек старой закалки, который может быть чрезвычайно любезным с вами, пока вы ему нужны, и создавать впечатление привязанности к людям. Поразительно, что он обещал Оливье Пуавр д’Арвору, брату журналиста Патрика Пуавр д’Арвора, кресло директора Виллы Медичи, в то время как уже выбрал себе преемника — Эрика де

Шассе… Миттеран умен и хитер, поэтому ему удалось очаровать президентскую чету».

И все же, почему именно он? «Карла Бруни пытается сделать из Николя Саркози эстета, — предположил высокопоставленный чиновник из министерства культуры. — Ей совершенно не нравится прежний образ президента, слушавшего только популярную музыку».

Вместе с тем тот факт, что Фредерик Миттеран обосновался в стенах кабинета, видавшего Андре Мальро и Жака Ланга, вызвал ропот среди его служащих. Они посмеивались над звонком, установленным возле ножки стула в столовой, и сожалели о том, что господин министр, погрузившись в раздумья, далеко не всегда изволит поздороваться со своими работниками. Еще они недоумевали, почему их начальник не захотел сообщить им напрямую о своих желаниях, и службе по связям пришлось настоять на том, чтобы он хотя бы записал обращение на камеру. Впрочем, дорогостоящие прихоти министра во времена суровой экономии также настроили немало работников против него. Злые языки поговаривали, что сразу после назначения Миттеран потребовал создать блог в Интернете, которым потом не пользовался, а счет за него выставили на 20 000 евро. Кроме того, министр учредил музыкальную награду «Барбара»: один глянцевый диплом лауреата этой премии обходился в 1000 евро. Фредерик Миттеран также окружил себя референтами с очень расплывчатым кругом обязанностей. «Он знает, что получил свою должность благодаря Карле Бруни, и поэтому чувствует себя неуязвимым», — с горечью в голосе пояснил один из чиновников министерства культуры.

Возможно, в этом Миттеран заблуждается… ведь Николя Саркози совершенно не оценил затеянную им полемику. После той шумихи, которая поднялась вокруг автобиографического романа министра и его высказываний в поддержку режиссера Полански, президент даже собирался отстранить чиновника от должности. Но добрая фея Карла «использовала все свое влияние, чтобы этому помешать», как нам рассказал источник в министерстве культуры.

* * *

Именно благодаря содействию первой леди Франсуа Бодо, крестный отец ее сына Орельена, в конце декабря 2009 года был назначен генеральным инспектором по делам культуры (IGAC), с окладом 5000 евро в месяц. Хотя 15 декабря 2009 года

специальная комиссия вынесла отрицательное решение по его кандидатуре…

Вступив в должность, друг Карлы оказался в кабинете на четвертом этаже министерства, но не получил настоящих полномочий. Увы, этот своенравный человек, часто надевавший светлый плащ, так и не привык к новой должности. Чувствуя себя одиноким и несчастным, в мае 2010 года он отправил последнее письмо супруге президента и свел счеты с жизнью.

Его смерть вызвала шок в министерстве культуры. Ассистентка, разослав сотрудникам сообщение о кончине Бодо, получила выговор от начальства из-за того, что информация не должна была выйти за пределы кабинета Миттерана. Организацией скромных похорон на улице Гужон, в 8-м округе Парижа, занималась лично первая леди.

* * *

Вероятно, также не без участия Карлы Бруни в мае прошлого года Фредерик Миттеран принял решение доверить актеру Шарлю Берлингу и его брату Филиппу руководство новым театром в Тулоне. Пикантная деталь: у первого из них когда-то был очень страстный роман с Карлой Бруни, и он до сих пор очень неприязненно относится к Саркози. Словом, первая леди не скрывает своего вмешательства в дела культуры и искусства. Она всегда готова подсобить другу, пусть даже совсем скромному. Например, одному преподавателю, за которого попросила ее мать Мариза, супруга президента помогла на год отсрочить выход на пенсию. А повару из резиденции Бруни в Лаванду советник Пьер Шарон, по настоянию первой леди, обеспечил на пару дней место помощника знаменитого шеф-повара.

Впрочем, к чести мадам Саркози, надо сказать, что она помогает и тем, с кем лично не знакома. Так, юная французская шляпница Беттина Тома,[136] которая в Риме поделилась с нами воспоминаниями о невероятном событии: «Когда я была проездом в Париже, то пришла в Елисейский дворец и попросила передать первой леди одну из моих шляп. Вернувшись в Рим, я обнаружила в почтовом ящике письмо: Карла поблагодарила меня за прекрасный подарок». Несколько дней спустя Беттина получила еще одно послание, на этот раз от Маризы, матери Карлы: «Ей так понравился мой подарок, полученный от дочери, что она даже была в нем на приеме в саду Елисейского дворца в честь Дня Французской Республики. Мариза Бруни поблагодарила меня и выслала фотографию, на которой она в моей шляпке».

Ну и разумеется, первая леди не забывает помогать своим именитым друзьям. Одному из них она позвонила сразу, едва прибыв в Елисейский дворец, и сказала напрямик: «Лео, если тебе что-нибудь будет нужно — обращайся ко мне, не стесняйся». С Лео Караксом, пресловутым автором фильма «Любовники с Нового моста», у Карлы был роман в 1990-х. Режиссер, который с тех пор не снял ни одной картины, отверг ее предложение, но другие отказываться не стали.

В 2010 году социалист Жорж Фреш, президент регионального совета Лангедок-Руссильон, утвердил кандидатуру вездесущего постановщика Жан-Поля Скарпитта, завсегдатая светских хроник и хорошего приятеля Карлы Бруни, на должность главного режиссера оперного театра в Монпелье (он займет этот пост в 2012 году). Узнав об этом, первая леди сразу же отправила чиновнику записку со словами благодарности и своим новым диском, в то время как Жоржа Фреша высмеивали в прессе за его оскорбительные замечания («похоже, с ним что-то нечисто») в адрес Лорана Фабиуса, еще одного друга Карлы.

На что только первая леди не пойдет ради своих приятелей-артистов! Она совершенно открыто демонстрирует свои отношения с людьми искусства, порой даже на грани дозволенного. Так, в августе 2009 года на веранде «Каза Бини», шикарного ресторана по улице Грегуар-де-Тур в 6-м округе Парижа, Карла ужинала с журналистом и музыкантом Филиппом Валем, всего через два месяца после того, как он был назначен директором радиостанции France Inter. В тот раз Николя Саркози, возмущенный бестактностью супруги, не сдержал недовольства и лично попросил ее по телефону больше не допускать таких публичных выходок.

* * *

При этом президент, кажется, был абсолютно спокоен, когда принимал на работу в дипломатический отдел администрации стажерку Консуэло Реммер, сводную сестру Карлы. С тех пор двадцатипятилетняя девушка занимает пост советника «по проблеме мирового голода» при дипломатическом советнике Жан-Давиде Левитт!

Семейственность Карлы распространилась и на родственников мужа. Николя Саркози как-то раз признался своему другу: «Это она раскрыла мне глаза на политические амбиции Жана». «Знаешь, — сказала первая леди супругу после долгих бесед с его сыновьями, — Жан не решается тебе об этом

сказать, но он действительно хочет попробовать себя в политике. Он очень увлечен этим и надеется сделать такую же блестящую карьеру, как и ты». Результат нам известен: головокружительный дебют старшего сына президента — и столь же молниеносное падение из-за дела EPAD,[137] печально сказавшегося на результатах региональных выборов. Ну и что! Николя Саркози продолжает свято верить в политический гений супруги. «Он не слабовольный, — считает депутат от партии Новый центр Жан-Кристоф Лагард,[138] — но он может передумать».

Вместе с тем президенту отлично удается использовать Карлу, когда ему это нужно. Хотя, например, Мартин Хирш — бывший президент благотворительной ассоциации «Emmaüs France», также в течение трех лет возглавлявший Высший комиссариат по делам солидарности и против бедности, не попался на удочку первой леди в сентябре 2008 года. Тогда Карла Бруни-Саркози (в ту пору главный редактор телепередачи «Гран Журналь» на Canal+) предложила ему принять участие в программе вместе со своими друзьями, моделями и музыкантами. «Я действительно был удивлен, — признался Хирш, которого прозвали „любимчиком“ Карлы. — Мы почти не были знакомы: только однажды встретились на приеме в Объединенном социальном еврейском фонде. Очень любезно с ее стороны, что она вспомнила обо мне. Но не стоит забывать, что в тот момент мы с ее супругом вместе боролись за то, чтобы законопроект о новом социальном пособии RSA выставили на голосование в Национальной ассамблее». После той передачи бывший госсекретарь «больше не получал от нее вестей — только однажды она поинтересовалась, что я думаю о гуманитарной ассоциации „Coup de pouce“[139]».

* * *

Так что же, Карла Бруни действительно придерживается левых взглядов? «Да, но ее убеждения поверхностны», — уточнил Лорен Жоффрен,[140] директор «Либерасьон». Мартин Хирш, в свою очередь, признал, что миллионерша никогда не была в числе спонсоров «Эммауса».[141] «Она много отдавала на борьбу со СПИДом», — добавил он.

Проблема СПИДа была близка первой леди, ведь ее брат умер от этой болезни. Свое влияние Карла использует только в тех целях, которые интересуют ее лично. Так, она решила помочь фотографу Жан-Мари Перье, звезде журнала «Эль» и автору книги «Проваливай»[142] — сборника историй юных гомосексуалистов,

которых выгнали из дома родители. «Несколько месяцев назад мадам Саркози прочла мою книгу, — рассказывал Перье.[143] — Она позвонила мне и предложила зайти к ней вместе с двумя представителями центра „Refuge“[144] — приюта для юных гомосексуалистов в Монпелье. Мы пришли, она выслушала нас, и, могу заверить, меры были приняты…» Действительно, сначала представителей центра официально принял Клод Геан, генеральный секретарь Елисейского дворца, а затем — Надин Морано, госсекретарь по делам семьи и солидарности, которая даже навестила обитателей приюта 17 мая 2010 года, по случаю Всемирного дня борьбы против гомофобии. Впрочем, оказать им поддержку она не спешила: месяцем ранее Морано выступила против трансляции на канале CM2 мультфильма «Поцелуй Луны» — истории любви двух однополых рыбок.

* * *

Борьба с гомофобией — цель благородная. Но она отходит на второй план, если задуматься о том, какими важными насущными проблемами могла бы заняться Карла Бруни: все помнят, как Бернадетт Ширак организовала движение «Желтые монетки», чтобы создать комфортные условия для детей в больницах. Увы, нынешняя первая леди плохо сознает возможности и обязанности, присущие ее новому статусу, и совершенно не разбирается в государственных задачах. Поэтому она действует как дилетант, используя свое влияние зачастую необдуманно и только чтобы помочь — угодить? — своим близким и друзьям, а уж никак не изменить направление политики президента.

Глава 15
Черный мыс

Стать частью жизни Карлы значит — невольно — войти в особняк Бруни на Черном мысе, который хранит семейные предания и тайны. Вот почему летом 2008 года, сразу после свадьбы, президентская чета отправилась в Лаванду — на три недели, по настоянию новобрачной. Где же еще отдохнешь так здорово, как в роскошных владениях семейства Бруни-Тедески на берегу реки Вар, в нескольких километрах от Тулона? Особняк, который местные жители прозвали «Замок Фараги», стоит на высоком скалистом обрыве, в пределах «Черного мыса» — закрытой общины, куда входят все местные землевладельцы. Эта тихая гавань для миллионеров расположена в прекрасном сосновом бору, откуда можно полюбоваться панорамой Средиземного моря, вода из которого плещется в бассейнах имения. Ничего общего с той виллой площадью 1200 квадратных метров на берегу озера Уиннипесоки в штате Нью-Гемпшир, где глава государства отдыхал прошлым летом с Сесилией. Аренду особняка тогда оплатили друзья президента, Кромбэк и Агостинелли.

* * *

На этот раз теща Саркози, Мариза, позаботилась обо всем, включая утилизацию сточных вод.

Впрочем, она сразу взяла Николя в оборот, попросив его пойти с ней на соседский сход по поводу системы канализации. Сорок четыре члена общины собрались в сторожке, чтобы обсудить эту важную тему. Патрисия Мулен-Лемуан, наследница Галереи Лафайет и глава «комитета», как называют его участники, была предупреждена о визите президента, поэтому предусмотрительно заняла для него стул, ведь в тот день свободных мест в домике сторожа не было.

Выставленный на обсуждение вопрос уже несколько недель волновал умы землевладельцев, которые разделились на два лагеря: сторонников и противников выгребных ям. Первые, заручившись поддержкой мэра Лаванду и префекта департамента Вар, хотели убрать выгребные ямы и присоединиться к муниципальной системе канализации. Вторые же не видели в этом необходимости.

Мариза убедила зятя примкнуть к первой «партии», повторяя ему снова и снова: «Николя, теперь вы — глава семьи». Поэтому, как только собрание было объявлено открытым, президент сразу ринулся в бой, ощущая груз ответственности за семью. Итальянский адвокат Паоло Калоиро[145] и его супруга-датчанка, владельцы прекрасного поместья на Черном мысе, приводят слова Саркози: «На календаре сейчас 2008 год. Поймите, модернизация необходима. Да, те суммы, которые стоят на кону, — это серьезный аргумент против. Но я могу вам помочь. Государство может вам помочь. Я знаю, о чем говорю, — я создал Средиземноморский союз! Так давайте найдем решение вместе».

Эту «предвыборную речь» президента участники собрания встретили одобрительными возгласами и аплодисментами. Польщенный овацией, Саркози облегченно вздохнул. Мариза Бруни не сводила с него восхищенного взгляда.

* * *

Но затишье было недолгим. Непримиримые борцы за Черный мыс решили испортить праздник и отказались от любезно предложенной помощи. В числе ретроградов были восьмидесятилетние пенсионеры Магдалена и Жак Хюц, в прошлом — участники Сопротивления, а позже сотрудники Национального центра научных исследований. Они любили природу, поэтому купили участок в этих краях — тогда, в 1957 году, земля продавалась по 8,6 франка за квадратный метр. «Мы там были самыми скромными хозяевами, дети даже называли нас „бедняками с Черного мыса“, — с улыбкой вспоминала Мадлен.[146] Итак, Паоло, Ида, Жак и Магдалена выступали против канализации. Их аргументы в основном касались экологии. „Земля в этом регионе очень сухая, — объясняет Ида, — и сточные воды смягчают, удобряют ее. Без выгребных ям здесь не будет такой потрясающей растительности. Не говоря уже о том, что наши сточные воды не загрязняют море, а очищаются, проходя сквозь почву“.

По словам советника президента Пьера Шарона,[147] проблема куда банальнее: „Некоторые жители „Черного мыса“ не желают расставаться со своими деньгами“. Шарон в курсе дела: он, как и Ксавье Даркос, один из немногих приближенных Саркози, приглашенных в имение Бруни-Тедески — обычно здесь бывают только люди из окружения Карлы. Даже такие близкие друзья главы государства, как Балкани, не удостоились этой чести». «Я все равно не выдержала бы там и трех дней, —

проворчала Изабель Балкани,[148] пожимая плечами. — К тому же я не слишком люблю ходить в гости».

А вот Пьер Шарон съездил в имение. «Знаете, — вздохнул он, — особняк очень красивый, но уже далеко не новый: трубы шумят, напор в кране и в душе слабый». Уж не из-за этого ли напора президент решил вмешаться в жизнь «Черного мыса»? «Николя Саркози нравится убеждать своих оппонентов, — рассуждает Жан-Кристоф Лагард,[149] депутат от департамента Сен-Сен-Дени. — Он ринулся разбираться с этим делом, не осознавая серьезности своего вмешательства. Президент действовал как зять, а не как глава государства».

Противники канализации, которых обвинили в том, что для них все упирается в деньги, в ответ заявили, что поражены: неужели президент действительно хочет заплатить за них… или скорее за нее, Маризу Бруни-Тедески. Ведь из всех землевладельцев в общине только она страдает от неприятных запахов в своем имении: ее особняк стоит там с 1937 года, поэтому в нем нет современной выгребной ямы, в отличие от других домов, построенных в 1950-1970-е годы. Так что, по словам противников Маризы, «если у мадам Бруни такой чувствительный нос — ей никто не мешает провести работы за свой счет». Магдалена Хюц даже уточнила: «Семейство Бруни построило дом на самом берегу, чтобы он выходил на их частный пляж. Но так как их санитарное оборудование разболталось, то сточные воды сливаются прямо в море».

Карлу Бруни ситуация с выгребными ямами во всей общине беспокоит по причинам… более приземленным. «И речи быть не может о том, чтобы мой сын купался в д…», — возмутилась первая леди. Не она ли однажды отчитала владельца одного из роскошных отелей сети «Барьер» в Довиле за то, что в их бассейне слишком много хлора, вредного для кожи ее ребенка? Только здесь, в Лаванду, ее личные проблемы мало кого волнуют. Магдалена наносит решающий удар: «Если санитарные нормы здесь и нарушены, то это все из-за Маризы». Да уж, нелегко призвать к ответу хозяйку дома, в котором гостит президент, его телохранители и личный врач.

* * *

Жиль Бернадини, мэр Лаванду, желая примирить противников, предложил профинансировать часть работ по присоединению общины к городской системе канализации, если землевладельцы откроют местным жителям вход в «Черный мыс».

«Ни в коем случае! — по словам очевидцев, взвилась Карла. — Если вход станет свободным, я велю построить крепостные стены и сторожевые вышки».

Сторожевые вышки? Было бы забавно. И полезно, учитывая идеальную систему безопасности в поместье Бруни-Тедески, которое из-за визитов президента превратилось в настоящий Форт-Нокс.[150] Четверо полицейских дежурят там круглый год. Когда мы были еще в десяти метрах от ворот, то уже увидели форменную фуражку. На обрывистом побережье, по которому когда-то гуляли местные жители, теперь тоже кругом охрана и камеры слежения.

А уж когда Карла и Николя приезжают сюда, к этому впечатляющему арсеналу прибавляется еще несколько полицейских, военных и даже водолазов, которые постоянно прочесывают дно залива. Кто же живет по соседству? «Управляющий торговой сети „Carrefour“, банкир Ротшильда и бывший генерального директора компании „Alcatel“ Серж Чурук… да уж, очень опасные элементы», — усмехается один из жителей «Черного мыса». Даже небо здесь под контролем: министерским постановлением полеты над Черным мысом с 27 июля по 31 августа запрещены «по соображениям безопасности высокопоставленных лиц». На самом деле этот запрет действует обычно с 7 июля до 15 сентября, чтобы подстроиться под расписание визитов президента с семьей.

* * *

Закончились те времена, когда клан Бруни жил в гармонии с соседями. «Вирджинио, брат Карлы, был членом „комитета“ землевладельцев. Он обожал гулять в тени сосен, — вспоминал Паоло Калоиро. — Вирджинио был очень скромным, как и его сестра Валерия».

В Лаванду все знали семейство Бруни. Там до сих пор вспоминают, как Карла с грохотом въезжала в деревню на своем «проклятом пьяджо»[151] и совершала набег на местную аптеку, чтобы запастись косметикой. Именно в парусном клубе Лаванду ее сын Орельен учился плавать. А продавщица в киоске до сих пор откладывает для Маризы журналы со статьями о ее дочери, которые мать аккуратно вырезает.

Но сейчас, по мнению местных жителей, вокруг семьи президента раздувают слишком много шума. Только мэр Лаванду продолжает расшаркиваться перед супругами Саркози. По словам некоторых соседей, первая леди и чиновник высоко ценят друг

друга. Жиль Бернадини не упускал возможности сделать комплимент супруге президента: «Ах, Карла, вы восхитительны!», «Дорогая Карла, я принес вам лангуста!»… И конечно, благодаря этому добился благосклонности первой леди. Напрасный труд. 16 августа 2010 года Жереми Ассу,[152] адвокат нескольких землевладельцев, выступающих против канализации, сумел найти управу на мэра Лаванду, а значит, косвенно и на семью Бруни: «Думая, что поступает правильно, и желая угодить президенту, мэр дал нам возможность подать иск в суд Тулона. В постановлении, которое господин Бернадини принял в спешке, обнаружилась юридическая ошибка. Теперь, как я уже уведомил совладельцев „Черного мыса“ на общем собрании 14 августа прошлого года, мы сможем еще лет пять-шесть затягивать это дело, подавая одну апелляцию за другой». Мариза Бруни не пришла на это собрание. Нескольким непримиримым гражданам удалось — на время — взять верх над ее зятем. Но префекту Тулона Жаку Лазине повезло куда меньше: он был жестко отстранен от должности в июне 2009 года, после того как на протяжении года затягивал дело. «Он был на нашей стороне», — объяснил нам один из противников канализации.

Пока наше такси ехало по дороге через Лаваду, водитель с горечью в голосе рассказывал: «Мне очень нравился наш президент, когда он говорил, что собирается зачистить пригороды пылесосом. Но заставлять нас, налогоплательщиков, оплачивать систему очистки воды только потому, что у него в доме из крана идет холодная вода, а жена боится, что ее сын заболеет, купаясь в нашем море три недели в году…»

Три недели: это и много, и мало. В этом году по соображениям безопасности выход к морю с Черного мыса был закрыт с июня, официально — из-за «возможности обвалов». Поэтому, чтобы искупаться, туристам и местным жителям пришлось тесниться на крошечном общественном пляже.

Глава 16
Карла Бруни — помеха для правых?

В пятницу, 26 февраля 2010 года, на Черном мысе царило оживление, странное для этого времени года. Местные жители завороженно наблюдали за вереницей автомобилей сопровождения: это означало, что к ним внезапно приехал президент. Но разве он не должен быть завтра в Париже, на открытии Международной сельскохозяйственной выставки? Похоже, глава государства в последний момент подвел представителей сельского хозяйства, большинство которых придерживаются правых взглядов. А заодно и упустил возможность загладить ужасную оплошность, которую допустил там же два года назад: Саркози до сих пор припоминают то, как у него вырвалось «исчезни, придурок», когда один из участников выставки не захотел пожать ему руку. А теперь и сторонники президента были оскорблены тем, что их лидер, и без того стремительно теряющий голоса, за две недели до региональных выборов предпочел поехать в Лаванду, а не в центр Порт-де-Версай…

Чтобы Николя Саркози решился на подобный риск, нужна была серьезная причина. И имя ей — Карла. В то время как Париж полнился слухами о трудном периоде в семейной жизни президентской четы, Карла и Николя должны были непременно встретиться, побыть вместе. И ну их к черту, всех этих коров и поросят. Только 6 марта, накануне закрытия ярмарки, глава государства наконец приехал, чтобы пожать несколько рук и похвалить прекрасных лошадей.

Конечно, тогда же он объявил об увеличении суммы льготного кредита до 800 миллионов евро. Но оправдываться было поздно: Николя Саркози вновь принес разочарование. Причем на этот раз не только фермерам: среди правых тоже стали поговаривать о том, что президент явно зашел слишком далеко.

А ведь всего два года назад он вселял в них самые радужные надежды. Министры, депутаты, местные чиновники — все как один приветствовали свадьбу президента, не жалея комплиментов для новой первой леди. Карла? Она же просто клад! Эта поспешная женитьба на обаятельной певице наверняка усмирит импульсивного Николя. Благодаря ей лидер правых наконец-то избавится от привычки к показной роскоши, а либералы найдут общий язык с интеллектуалами и артистами и даже, возможно, переманят к себе часть левого электората.

А теперь те же сторонники президента обеспокоены, они отказываются от публичных заявлений. Но порой молчание многозначительнее слов. «Без комментариев», — ледяным тоном ответил Жан-Франсуа Копе на вопрос репортера BFM по поводу специального выпуска журнала «Фигаро Мадам» под редакцией Карлы Бруни. Сорок страниц об изысканной моде, дорогих аксессуарах и всякой чепухе. Франсуаз де Панафье, кандидат на пост мэра Парижа от партии UMP, все же призналась нескольким журналистам, что была шокирована этим выпуском журнала, опубликованным 27 марта 2010 года, то есть всего через неделю после ужасного поражения правых сил на региональных выборах. Фадела Амара, госсекретарь по делам жилищного строительства, просила передать, что слишком занята, чтобы ответить на наши вопросы. А ведь всего год назад она так восхищалась первой леди. То же мы услышали и от Жерара Лонге, сенатора из ближайшего окружения Николя Саркози.

Можно подумать, что для правых Карла стала помехой и запретной темой.

* * *

Но некоторые сторонники президента все же были на страже и сразу забили тревогу. «Я ведь его предупреждала», — раздраженно говорит Кристин Бутен,[153] бывший лидер маленькой Партии христианских демократов и министр по делам жилья и города. Сидя в своем маленьком кабинете на втором этаже штаб-квартиры UMP, эта брюнетка со свежей завивкой, в коричневом костюме и пестрой блузке, с длинными клипсами в ушах и ярко-красными ногтями, не прекращает строить из себя пророчицу.

Когда в декабре 2007 года Николя Саркози вернулся из поездки с Карлой Бруни в Египет и Иорданию, Кристин Бутен не только первой порадовалась за новобрачных, но и была одной из тех немногих, кто предостерег президента о возможных последствиях «египетского эксгибиционизма». «Я не образец добродетели, — поясняет бывший министр. — Я только отстаиваю всеобщие ценности, единые для левых и правых. Николя Саркози развернул политический курс влево и решил, что сможет преступить моральные запреты. Но он ошибается, если думает, что правый электорат последует за ним». «Кроме того, — добавила Бутен, — им нелегко принять первую леди, которая играет на гитаре в полупустом нью-йоркском зале на дне рождения Манделы…»

Карла Бруни очень быстро поняла, с каким подозрением к ней относятся бывший министр по делам жилья и значительная часть правых политиков, особенно католиков. Но при этом первая леди даже не попыталась их очаровать. Наоборот — отнеслась к ним с некоторым презрением. Так, Кристин Бутен, единственная из всех министров, не получила новый альбом Бруни: «В тот день, когда их раздавали, я отсутствовала, и никто не счел нужным отложить для меня диск». Безусловно, для Карлы Бруни Бутен недостаточно шикарна, а ее убеждения чересчур правого толка. «Представляете, — восклицает Пьер Шарон[154] с нотками высокомерия в голосе, — она хотела, чтобы Карла поехала вместе с ней на место строительства социального жилья!» Бутен перенесла оскорбление от первой леди, затем в июне 2009 года была уволена из правительства и теперь занимается вопросами социальных последствий глобализации, продолжая твердо стоять на своем: «Карла Бруни — настоящая головная боль для правых. Она просто смеется над нашим электоратом. Единственные члены правительства, удостоенные чести быть упомянутыми на сайте ее фонда, — это Фадела Амара и Мартин Хирш». Подводя итог: «Когда Карла Бруни говорит о своем интересе к молодежи из неблагополучных кварталов, она всего лишь хочет показать французам и остальному миру, что первая леди не равнодушна к иностранцам и иммигрантам».

* * *

Иными словами, в то время как президент якобы «зачищал» пригороды, его супруга играла прекрасную роль, исполненную гуманизма. Писатель Дени Тиллинак, близкий друг Жака Ширака, считает, что такая позиция опасна с точки зрения популярности в обществе: «Избирателям Николя Саркози нравится больше, чем аристократы вроде Вильпена. Президент смог создать ощущение близости с народом. И тут вдруг эти каникулы на Черном мысе, в окружении бывших любовников его жены. Обывателям это кажется странным. Они думают: „Он теперь не с нами, а с ними…“» Полемист Жан-Франсуа Кан,[155] основатель еженедельника «Марианн» и бывший первый номер в списках партии «Демократическое движение», пошел еще дальше: «Эта пара вызывает беспокойство». По его словам, все слухи об изменах свидетельствуют об одном: «Подсознательно французы не верят в этот брак. Им кажется, что Саркози купил себе звезду. Конечно, президент — гений, но он такой нарцисс! Ему нравятся левые богачки, этакие занозы в заднице. Вот от чего он в

восторге». Что же касается Карлы Бруни, то Кан считает, что она «скорее мадам Помпадур, чем Мария Антуанетта». «Впервые первая леди присутствует еще и на политической сцене. Очень мило, что она отстаивает левых перед своим мужем — лидером правых. Но то, что он идет у нее на поводу, — просто неслыханно».

* * *

Некоторых чиновников беспокоит плохое впечатление, которое Карла произвела на окружение президента. Хуже того: все чаще депутаты позволяют себе завуалированную критику в адрес первой леди.

Так, один из семи государственных самолетов, Falcon 7X, который пилоты военно-воздушных сил в шутку прозвали «Карла Номер Один», в первую очередь предназначен для нее. «Это незаконно, — утверждает депутат от Социалистической партии Рене Досьер,[156] специалист по расходам Елисейского дворца. — Она не была избрана народом и не имеет никакого права пользоваться этим самолетом в личных целях». Вот почему Ален Жоянде, бывший госсекретарь по вопросам сотрудничества, был вынужден заплатить частной компании 116 500 евро, чтобы слетать 22 марта в Фор-де-Франс и обратно. Похоже, у него не было другого выбора: все государственные самолеты оказались заняты. И кто в этом виноват? Возможно, Карла Бруни, которая особенно привязана к 7X. Впрочем, это наверняка просто болтают злые языки.

* * *

Ирония этой истории в том, что среди левых многие тоже начинают сомневаться в Карле. «Действительно, мы думали, что она скорректирует курс Николя Саркози и его показушного правого окружения», — признает Лорен Жоффрен,[157] директор «Либерасьон». Два года назад во время интервью журналист этой газеты спросил первую леди: «В том, что имидж Николя Саркози стал не таким кричаще-правым, есть и ваша заслуга?» Но теперь мнение Лорена Жоффрена изменилось: «Саркози все же ближе к правым, чем к левым. Есть в нем что-то от Берлускони… но он элегантнее». В свою очередь, Франсуа Олланд вне интервью однажды признался журналистам, что, по его мнению, Карла лишает своего мужа уверенности. «Пусть уж лучше ее взгляды

будут влюбленными, а не левыми», — шепнул как-то раз Бертран Деланоэ своему коллеге.

* * *

Так что сомнения вызывает не только прочность семейных уз президента. Лорен Жоффрен,[158] который в своем блестящем памфлете «А король-то голый» обвинил Николя Саркози в создании избирательной монархии, упрекает Карлу Бруни прежде всего в том, что она не исполняет свою роль королевы: «Она скорее супруга монарха. Конечно, она представила ему свое окружение, в основном состоящее из левой интеллигенции, но я не думаю, что ее влияние на мужа хоть сколько-нибудь значительно. Во всяком случае, не в том, что касается общественной деятельности. Вот у Бернадетт Ширак было отличное чутье».

А в рядах UMP многие, наоборот, считают, что рука первой леди чувствуется теперь повсюду. Например, в том, что Эрик Бессон сохранил пост министра по делам иммиграции, интегрирования и соразвития, ведь Карла с пеной у рта защищала его, когда он был на грани увольнения. Ей же приписывают и несколько назначений и появление новых друзей президента, которые сильно раздражают правых. «Сначала на наших глазах в Елисейском дворце появились приятели Карлы, эти парни с серьгами в ушах, — иронизирует Дени Тиллинак. — А потом пошли какие-то безумные назначения: зачем было увольнять Альбанель и сажать на ее место Миттерана? А Марен Кармиц?..[159] Это же возвращение банды Жака Ланга! Саркози был избран на волне моды на развод. Говоришь о разводе, и…»

Точно, Жак Ланг. А вот и он. Слегка опоздал, минут на десять, не больше. Жадно ловит взглядом улыбки прохожих. Вечный министр культуры отмечает сегодня семидесятилетие, а выглядит лет на десять лет моложе. Может быть, благодаря отлично скроенному серому костюму? Или розовой рубашке, которая так выгодно оттеняет его постоянный загар? А может быть, это из-за гладкого лица, над которым не властны годы? В любом случае, ясно, насколько тесно его мир связан с миром Карлы Бруни. Ни один член партии UMP не говорил о первой леди с такой страстью. «Долгие годы я мечтал ее встретить, — рассказывал Жак Ланг.[160] — Она в каком-то смысле заворожила меня, еще когда была моделью. Загадочная, высокая, прекрасная, с кошачьими глазами — точно сфинкс. Вы видели ее глаза? Они почти раскосые. И цвета незабудки, с фиалковым отливом. Мне

кажется, ее красота уникальна. Я не раз встречал Карлу в Италии, но так и не решался с ней заговорить. Мы познакомились, когда она жила с Рафаэлем Энтховеном. Какой блестящий молодой человек, вы не находите? Несколько лет назад он основал комитет в мою поддержку».

* * *

А вот разговор с Кристианом Ваннестом, депутатом от Севера, сочувствующим UMP, проходил совсем в другом тоне: «Если главная цель отбора — успех в прессе, то такой подход не совсем верен».[161]

Его мишень — назначение Фредерика Миттерана на пост министра культуры. Конечно, борьба Ваннеста против усыновления детей гомосексуалистами и его резкие выпады по поводу гомосексуализма в целом, который он считает «половым апартеидом», привели депутата к исключению из UMP. И тем не менее позиция этого политика, которого постоянно переизбирают с 1993 года, характерна для определенной части правого крыла парламента. «Я никогда не критиковал Фредерика Миттерана за его сексуальную ориентацию, — оправдывается Ваннест. — О его книге я узнал так же, как и все — со слов Марин Ле Пен в телепередаче. На следующий день я пошел в библиотеку Национальной ассамблеи, но там уже не осталось ни одного экземпляра — видимо, многие депутаты поступили так же, как я. Проблема с назначением Миттерана в том, что президент всячески подчеркивал стремление бороться с проституцией и эксплуатацией несовершеннолетних. А чем занимался Миттеран в Таиланде?»

Еще один депутат UMP, пожелавший остаться неизвестным, рассказал нам о попытке Карлы Бруни повлиять на дело Полански: «Выступить на стороне режиссера, как это сделал министр культуры, — какая ошибка! В результате все очки достались Марин Ле Пен».

Зато, по словам того же источника, в деле Баттисти, итальянского террориста, высланного во Францию, а затем в Бразилию, супруга президента сыграла не последнюю роль, хотя сама она все отрицала: «Как же можно защищать человека, который убил полицейских?»

В конце декабря 2008 года, во время официального визита в Бразилию, Карлу Бруни действительно заподозрили в том, что она обратилась к местным властям с просьбой не экстрадировать Баттисти в Италию. Эта информация вызвала в Италии бурю

протеста со стороны как правых, так и левых. Пытаясь разрядить обстановку, несколько месяцев спустя бывшая модель приняла в Елисейском дворце, в присутствии советника, Бруно Берарди, президента «DOMUS CIVITAS», итальянской ассоциации по защите жертв терроризма. Отца Берарди, комиссара полиции, убили Красные бригады. «Она сама мне позвонила: „Здравствуйте, это Карла Бруни-Саркози. Я очень хотела бы встретиться с вами“, — рассказывает президент ассоциации,[162] который тогда отправился из Рима в Париж. — При встрече она убеждала меня, что никогда не вмешивалась в это дело. Сладким голосом она заверила, что обязательно поможет моему фонду. И с тех пор ничего! Никаких новостей. Карла Бруни — настоящая актриса». Еще один талант, вдобавок к музыкальному?

Глава 17
«Моя подруга Мишель Обама»

Ужасное впечатление. Вот что оставил Николя Саркози в памяти Барака Обамы, главы самого мощного государства в мире, затмить которого наш президент мечтал, с момента их первой встречи 12 сентября 2006 года. В тот день Саркози — тогда еще министр внутренних дел и лидер партии UMP — приехал в Вашингтон повидаться со своим хорошим другом, Джорджем Бушем. Прежде чем отправиться в Белый дом, он зашел в Конгресс, чтобы познакомиться с молодым сенатором Бараком Обамой: советники очень хвалили его. Подробности той встречи тогда не просочились в прессу. Позже Николя Саркози вспоминал о ней так: «В кабинете нас было двое. Один потом стал президентом… ну, и второй тоже». В свою очередь «второй» признался, что его поразила «энергичность» француза: «Он постоянно в движении! (…) Чем он питается?»[163]

Один из очевидцев той встречи рассказал нам о ней подробнее: «Николя Саркози вошел в кабинет сенатора вслед за своими советниками. Вдруг он задержался и сделал знак Сесилии, державшейся позади, чтобы та подошла к нему. Но она не пошевелилась. В их семье уже наметился разлом, поэтому Сесилия не хотела, чтобы ее представили как „супругу…“, предпочитая оставаться позади, среди обычных членов делегации. Несколько секунд, которые всем показались вечностью, Николя и Сесилия обменивались гневными взглядами на глазах у изумленного Обамы. Наконец, мадам Саркози сдалась и подошла к мужу, чтобы тот представил ее сенатору. После чего вновь повисла напряженная пауза, во время которой Сесилия и Николя продолжали сверлить друг друга взглядом. Через минуту Обама прервал неловкое молчание, обратившись к министру внутренних дел Франции. Затем он повернулся к Сесилии и мягко произнес: „Знаете, политика — дело трудное. Мишель тоже сейчас нелегко. Но все пройдет, вот увидите“. Когда разговор подошел к концу, французская делегация покинула Конгресс США, опустив голову…»

* * *

Знала ли Карла Бруни о том, как прошла та встреча? Наверняка нет. Значит, мечтая сравниться с элегантной Мишель

Обама, она при этом не догадывалась, что вступает на опасную территорию: Сесилия уже задала здесь тон, выставив супружескую пару Саркози в крайне невыгодном свете. И все же речи быть не могло о том, чтобы опустить руки и отказаться от завоевания Запада. Официальных визитов в США, предусмотренных протоколом, было немного, поэтому Карла не упускала случая перелететь через Атлантику. «Это их романтическая Венеция», — улыбается Шарль Жегю,[164] политический обозреватель «Фигаро», рассказывая о том, что президентская чета побывала в Нью-Йорке не меньше пяти раз. «Разве что интерес Карлы к этому городу связан с песней ее бывшего возлюбленного, Луи Бертиньяка, „New York avec toi“», [165] — шутит другой журналист.

Дело в том, что Америка — страна, которую модель Карла Бруни так и не смогла покорить до конца. К тому же именно там живет ее бывшая соперница Сесилия и царит Мишель Обама — единственная, кто, по мнению Карлы, может оспорить ее титул самой знаменитой, элегантной и сексуальной первой леди в мире. «Карла хочет выделяться, — объясняет один из ее приближенных. — Она не желает стоять в одном ряду с другими первыми леди: что у них может быть общего? Только с Мишель Обамой она готова разделить успех».

Надо признать, что у Мишель есть все: грация, элегантность, обожание американцев и… такая власть, которой и в помине нет у первой леди Франции. Словом, для Карлы это настоящий вызов, тем более что Николя Саркози тоже хотел закрепиться на американской земле и даже стать первым главой государства, который встретился с вновь избранным президентом США.

* * *

Карла Бруни отнеслась к новой битве серьезно. Да, именно умение поддержать свой статус на мировой арене поможет ей завоевать расположение большинства правых избирателей. Первая леди чувствует себя вполне комфортно, только когда ей есть с кем соревноваться в элегантности. Для бывшей модели зарубежный визит — что-то вроде показа мод, где нужно привлечь к себе взгляды всех фотографов и грациозно обойти коллег по подиуму.

В этом искусстве ей нет равных. В 2008 году английские таблоиды — и весь мир вслед за ними — восхищались царственным реверансом Карлы в мягких туфлях и твидовом платье. А год спустя уже испанская пресса судила «дуэль

элегантности и очарования», сравнивая наряды принцессы Летиции и Карлы Бруни. «Ах, этот парад стройных ножек! — с ухмылкой говорит депутат UMP. — Саркози был просто счастлив — ничто так его не заводит, как женское соперничество. По правде говоря, эта поездка принесла не слишком много пользы государству. Но Саркози был возмущен тем, что „Монд“ не напечатала ни строчки об этом визите, и сообщил об этом лично директору Эрику Фотторино».

Для Карлы Бруни испанский эпизод был всего лишь разминкой перед масштабной схваткой, которая ожидала ее в США, где ей надо будет показать себя лучше, чем Сесилия. Уж Карла-то не станет сомневаться, стоит ли ей приветствовать Барака Обаму в качестве первой леди. Наоборот, она с явным нетерпением ждет этой встречи. В ноябре 2008 года первая леди сопровождала президента в США, куда он отправился на экстренный саммит G20.[166] Через несколько дней после избрания Обамы она пришла на «Вечернее шоу Дэвида Леттермана», немного поговорила о своем новом альбоме и упомянула, что хотела бы познакомиться с новой первой леди, Мишель. За два месяца до этого Карла уже появлялась на первых страницах американских таблоидов, когда приехала в Нью-Йорк и ужинала с Лорой Буш. Увы! Этого было мало для того, чтобы впечатлить новых обитателей Белого дома, которые не выразили никакого желания сразу встретиться с Бруни-Саркози.

Сейчас Мишель Обама на вершине своей славы. Линн Суит,[167] спецкор «Чикаго сан-таймс» в Вашингтоне, наблюдает за этой парой уже двадцать пять лет и подтверждает, что американцы просто боготворят свою новую First Lady.[168] «Нам очень нравится их семейная история и две маленькие дочки, которые подрастают у нас на глазах. Карла Бруни нам тоже интересна, но по другим причинам».

Иными словами, популярность американской первой леди основывается не на противоречиях и спорах. Мишель — прекрасный адвокат, но она предпочла завершить карьеру, чтобы поддержать политические амбиции мужа, и стала идеальной супругой и матерью. Каждый день эта Джеки Кеннеди современности сама отводит детей в школу, расположенную в километре от Белого дома. Ее стиль в одежде безупречен: еще на церемонии инаугурации мужа она появилась в асимметричном белом платье от Джейсона Ву и с тех пор одевается в том же духе. На смену классическим костюмам и длинным юбкам Лоры Буш пришли смелые, яркие наряды авторства современных дизайнеров, от Thakoon до Azzedine Alaïa. «Карла умеет себя подать, а у Мишель есть чувство стиля», — подвел итог Кристоф

Жирар,[169] заместитель мэра Парижа.

Но прежде всего Мишель заботится о людях. Так, например, она возглавляет организацию «Матери нации» и борется с ожирением — в Америке сейчас это одна из основных проблем в сфере здравоохранения. «В нашей стране кадры с испуганным ребенком на плечах у президента, окруженного фотографами, вызвали бы огромный скандал, — объясняет Линн Суит,[170] вспоминая знаменитые снимки из Иордании. — Мишель не одержима вспышками фотокамер: она может от души посмеяться, подурачиться с детьми, покрутить обруч. Да, она обожает моду и красивую одежду, но ведет себя естественно и прекрасно понимает, кто она такая. Если бы Мишель сделала пластическую операцию, об этом тут же бы все узнали!»

* * *

Трудно бороться с самим совершенством.

Знаменитый фотограф Патрик Демаршелье,[171] который сделал официальный портрет первой леди Франции по ее личной просьбе, рассказал, как однажды предложил американскому журналу «Вог» напечатать статью о французской элегантности, а в качестве иллюстраций — фотографии Карлы Бруни в нарядах от знаменитых модельеров. «Речь шла о десяти страницах в середине журнала. Когда я рассказал об этой идее Карле, она ответила: „Ох, Патрик, я бы с удовольствием, но я же теперь первая леди, мне это будет не к лицу“. Словом, этот проект не удался. В итоге „Вог“ написал про Мишель Обаму. И ее фото было на обложке».[172] Ну и пусть. Карла Бруни так легко не сдается: она терпеливо ждала своего часа.

В апреле 2009 года участники саммита G20 и их супруги были приглашены на обед в личных апартаментах премьер-министра Великобритании. Как ни странно, Николя Саркози прибыл не только с большим опозданием, но и без жены. Причем он даже не предупредил, что будет один. Такое происходило уже не впервые: двумя годами ранее глава Французской Республики пришел в резиденцию Бушей на Уолкерс Поинт в одиночестве: Сесилия в последнюю минуту «заболела ангиной». И вот теперь такая неприятная ситуация повторилась вновь. Но Карла не была больна — ей просто не хотелось во время своей первой встречи с Мишель Обамой оказаться в толпе других жен президентов.

* * *

Несколько недель спустя, во время шестидесятого саммита НАТО, в Страсбурге, Карла Бруни наконец-то встретилась один на один с первой леди Америки и провела с ней несколько часов. Пресса тут же принялась обсуждать их наряды: Карла надела маленькое черное платье от Christian Dior, а Мишель — пальто от американского дизайнера Thakoon.

В июне 2009 года две первые леди встретились снова, в Нормандии, по случаю шестьдесят пятой годовщины высадки союзных войск в Европе. Накануне торжественной церемонии супруги Обама отклонили приглашение в Елисейский дворец. Ну и пусть: несмотря на это оскорбление у Карлы наконец появилась возможность по-настоящему познакомиться с американской первой леди… и посоревноваться с ней, так как они обе, как будто нарочно, надели в тот день белые платья с поясом.

С тех пор Карла называет Мишель «подругой». «Обама? Это мой приятель», — в свою очередь заявил Николя Саркози. Увы! Новая подруга Бруни, кажется, совершенно не была настроена поддерживать с ней отношения. В июле того же года Карла появилась на светском рауте саммита «Большой восьмерки» в Италии. Но, к огромному разочарованию журналистов и соотечественников французской первой леди, Мишель Обама общалась только с Сарой Браун, супругой бывшего премьер-министра Великобритании. Очевидно, американская первая леди не желает становиться частью шоу-бизнеса и водить дружбу со скандальной супругой президента Франции. Тем же летом Карла вновь отправилась вслед за мужем в Нью-Йорк, где отыграла концерт в честь Нельсона Манделы. А ведь она заявляла, что не будет больше появляться на сцене, пока ее муж — действующий президент Франции.

В то время как Николя Саркози произносил речь в ООН, Карла ждала приглашения от Мишель Обамы… Напрасно.

* * *

Два месяца спустя супруги Саркози вновь прибыли в Америку. После заседания Генеральной Ассамблеи ООН господин президент присоединился к жене в роскошном «Кэндл Кафе», куда их пригласили супруги Аттиас. Сливки американской элиты собрались там, чтобы поздравить Карлу с тем, что она стала посланницей Глобального фонда по борьбе со СПИДом, который будет сотрудничать с ООН в рамках объединения с другими общественными организациями. Пользуясь возможностью сблизиться с Мишель Обамой, Карла дала понять репортерам, что

первая леди Америки тоже будет на заседании ООН. Напрасный труд: из Белого дома журналистам разослали по электронной почте уведомления о том, что Мишель Обама планирует встречу не с первой леди Франции, а с королевой Иордании Ранией.

Карла и Мишель все же встретились в Питсбурге, во время визита в «Школу художественного творчества и исполнительского искусства» в неблагополучном районе города. Стоя на импровизированной трибуне, сооруженной по такому случаю, Мишель Обама говорила о том, что каждый способен внести свой вклад в культуру страны. Все правильно: она принимает свою роль близко к сердцу. А Бруни однажды сказала Линн Суит, что «французы не могут делать три дела одновременно. Танцевать, петь и играть — для них это непосильная задача».[173] Первой леди не стоит так отзываться о стране, которой управляет ее муж.

К счастью для Карлы, эти ее слова во Франции нигде не упоминались.

Как бы то ни было, в тот момент мадам Саркози думала только об одном: как попасть на прием в Белый дом. А приглашение все не поступает: фривольный имидж Николя и бурное прошлое Карлы не способствуют расположению супругов Обама — те стараются оттянуть момент, когда им все же придется принять у себя чету Саркози. В одном из эпизодов мультсериала «Симпсоны» копия Карлы Бруни даже появилась в образе женщины-вамп, с сигаретой в зубах, и предложила Карлу Карлсону,[174] другу Гомера Симпсона, с ней переспать, когда он был в Париже…

* * *

Наконец в марте 2010 года, через четырнадцать месяцев после вступления в должность президента США, Барак Обама пригласил супругов Саркози к себе, в Вашингтон. Конечно, это был всего лишь обычный официальный визит, не государственной важности, но для президента Франции и его жены этого было вполне достаточно. В тот момент они увязали в слухах о супружеской неверности, поэтому очень рассчитывали на то, что этот визит благотворно скажется на их репутации.

Первым этапом их путешествия стал Нью-Йорк, где они отправились в престижный университет «Колумбия». Сидя в первом ряду, Карла откровенно скучала: очевидно, ее совершенно не занимала насмешливая обличительная речь мужа, направленная против реформы здравоохранения, которую наконец-то одобрил Конгресс США. Первая леди Франции чуть

воспряла духом во время визита в «Джулиард-скул», одну из самых известных музыкальных школ в Америке. Там Карла восхитилась при виде оригинальной партитуры «Волшебной флейты» Моцарта. Несколько французских журналистов, которых пригласили освещать это «событие», с интересом наблюдали за тем, как любительница камер всеми способами старалась обратить внимание операторов на себя. Так, Карла Бруни легко повторила «сегодня дождливо», когда оказалось, что в первый раз камера была слишком далеко и ее не успели снять.

Разумеется, политическим журналистам, которые отправились в США с президентом, пришлось также сопровождать и Карлу во время ее немногочисленных поездок. «Один из сотрудников пресс-службы президента попытался убедить меня, сказав, что Карла наверняка найдет со мной общий язык, — смеется репортер. — Но я сказал: нет, следовать за Карлой — это наказание. Она ничего не говорит, и, кажется, при виде журналистов ее парализует. Оживает она только при виде фотоаппаратов или камер». Другие же, несмотря на аккредитацию, сразу попадали в черный список. Так, юной журналистке «Пуан де Вю» запретили следовать за мадам Саркози. Чем же она провинилась? Ничем, если не считать того, что работала для издания, главный редактор которого — Коломба Прингль — не входит в число друзей первой леди. «У Мишель тоже есть любимчики среди журналистов, — отмечает Линн Суит. [175] — Но если вы получили аккредитацию и имеете право следовать за ней в поездке или в Белом доме, то вы никогда не попадете в черный список. Мишель Обама — человек не властный, она не одержима страстью к фотокамерам. Да и скрывать ей нечего: единственная ее слабость — это два часа спорта в день». И безусловно, ни одно американское издание не публикует снимки только официального фотографа Белого дома. «В США считается, что мы имеем право снимать сами», — продолжает Линн Суит.

В Нью-Йорке, где Карлу теперь ждали уже в другой школе, аккредитованные фотографы вдруг оказались предоставлены самим себе: в разгар визита первая леди внезапно исчезла. «Супруга Николя Саркози полагает, что, способствуя развитию культуры и обучению искусствам, можно преодолеть социальные барьеры», — говорилось в официальном сообщении, объясняющем эти микровизиты. Увы, до сих пор фонд Карлы Бруни-Саркози не отобрал ни одного французского школьника, чтобы отправить его обучаться игре на флейте в Нью-Йорке…

На следующий день Николя Саркози должен был появиться в Конгрессе США ровно в 11 часов. Сенатор Джон Керри прождал

его… сорок пять минут. «У президента возникли трудности в связи с тем, что над Капитолием пошел дождь», — услышали журналисты в ответ на свои вопросы. Наконец, один из охранников шепнул им: «Это нормально, президент часто опаздывает. Может, они там развлекаются вдвоем?» Так это или нет, но для французской службы протокола ожидание становилось невыносимым: члены делегации чувствовали себя очень неловко из-за того, что кандидату в президенты на выборах 2004 года приходилось терять время. Наконец, глава Французской Республики вошел в кабинет быстрым шагом. К огромному удивлению помощников сенатора от Массачусетса, следом за Николя Саркози семенили два мальчика двенадцати лет: сын президента Луи и его одноклассник Анри. Американцы с изумлением смотрели, как Саркози усаживает отпрыска позади себя. Конечно, проявляя такую бесцеремонность, было трудно рассчитывать на уважение. Впрочем, президент США не замедлил с ответом. «Во время пресс-конференции в Белом доме Обама называл Николя Саркози только по имени, — отмечает американская журналистка. — Немного дерзко, не так ли?»

Более того: в Вашингтоне Мишель Обама не запланировала никаких визитов в обществе Карлы Бруни и даже не пригласила ее в Белый дом на чай, «хотя обычно так поступали все первые леди», отметила одна из сопровождающих Карлы. Возможно, Мишель была поражена откровениями первой леди Франции? За несколько месяцев до этого Карла Бруни упомянула при ней, что они с Саркози опоздали на встречу с королевой Великобритании, потому что… занимались любовью. Позже Мишель Обама рассказала об этом в книге американского журналиста.[176] Вечером в Белом доме состоялся долгожданный ужин, на который Карла возлагала большие надежды. Но увы, он завершился меньше чем за два часа.

* * *

Скандальная Карла и скромная Мишель — яркий пример разницы менталитетов.

Одна не стесняется появиться в специальном выпуске «Фигаро Мадам» спустя всего неделю после оглушительного поражения партии ее мужа на выборах. Там она может рассказать о том, как хорошо отдохнуть на личном острове недалеко от Бора-Бора, всего за 20 000 евро в неделю. Или выделит несколько страниц для своих подруг Фариды Кельфа (мадам Сейду) и Марин Дельтерм, которая будет позировать в коридорах

роскошного отеля «Рафаэль» в обтягивающем платье под змеиную кожу и туфлях Louboutin.

Другая же увольняет Дезире Роджерс — «Social Secretary», то есть шефа протокола Белого дома. Эта выпускница Гарварда, первая афроамериканка, получившая такой важный пост, должна была сделать администрацию президента открытой каждому, а вместо этого посмела в наше сложное время позировать для глянцевых журналов («Вог», «Уолл-стрит джорнэл») в шикарных платьях и дорогих украшениях. Кристоф Жирар,[177] ассистент Бертрана Деланоэ, так описал различия между двумя самыми знаменитыми первыми леди в мире: «Гламур теперь живет по другую сторону Атлантики. Когда семья Обама приехала во Францию, они посетили только набережную Бранли. И даже не зашли в Диснейленд! Странно, что президент Франции не нашел другого места, чтобы придать огласке свой роман. Мне горько признавать, что наша страна теряет индивидуальность».

Похоже, двух первых леди разделяет пропасть размером с океан, и даже больше. В США у Мишель Обамы есть официальный статус, за которым закреплен бюджет в миллион долларов. Все счета канцелярии первой леди совершенно прозрачны, а в ее штате числятся двадцать шесть человек, которые работают в восточном крыле Белого дома. Во Франции роль Карлы Бруни четко не определена, поэтому депутат Рене Досьер,[178] специалист по расходам администрации президента, считает ненормальным то, что «средства, которые расходует первая леди, полностью недоступны для учета». Невозможно представить, чтобы счета организации, подобной фонду Бруни-Саркози, были покрыты такой же тайной, если бы дело происходило по другую сторону Атлантики. Определенно, смутное правление Карлы Бруни бесконечно далеко от интересов Мишель Обамы.

Глава 18
Золото Альберто

Тридцать с лишним лет она прожила в роскоши. Тридцать с лишним лет ее окружали дворцы, шоферы, прислуга, яхты и загородные виллы. Ее муж, бывший флагман индустрии, был очень богат — она прекрасно знала об этом, ведь их образ жизни не менялся с тех пор, как они поженились в 1959 году. И все же… Когда в 1996 году Мариза Бруни-Тедески узнала, какое наследство оставил ей покойный Альберто, умерший в возрасте 81 года, она была просто на седьмом небе. «Это же гора золота! — воскликнула она, обращаясь к старому другу, семейному биографу Джанпьетро Бона. — Альберто оставил мне целую гору золота!»[179]

Странно было слышать такое от женщины, которая долгие годы создавала образ любительницы искусств, далекой от материальных благ, о которых ей совершенно не нужно было заботиться. Но не стоит забывать, что Мариза далеко не всегда жила в таком комфорте. Ее мать, Рене Планш, родилась в Сент-Этьене, а отец, Карло Доминико Борини, был мелким предпринимателем из Италии. Когда Мариза познакомилась с Альберто Бруни-Тедески, ей было двадцать восемь, ему — сорок три. Узнав об огромном состоянии будущего зятя, родители Маризы уговорили ее быть терпеливой. Сватовство длилось пять лет: это, конечно, долго, но игра стоила свеч.

Надо сказать, что Альберто — наследник второй после Аньелли промышленной компании в Турине и представитель высшей буржуазии в Пьемонте — был одним из самых завидных женихов в городе. После войны его отец Вирджинио, дальновидный предприниматель, переориентировал свою компанию «СЕАТ», производившую канаты и тросы еще с 1888 года: теперь она стала выпускать пневматическое оборудование для автомобильной промышленности. Таким образом, он провернул одно из самых успешных дел за всю историю полуострова. Меньше века понадобилось его семейству, чтобы скопить значительное состояние и обзавестись огромным количеством недвижимости: роскошный особняк в Монкальери, в Пьемонте, замки Мориондо и Кастаньето По, историческая резиденция неподалеку от замка Рамбуйе, дома в Сен-Поль-де-Ванс, в Риме и Турине, большие квартиры в Париже… Конечно, туринское высшее общество так никогда и не приняло Вирджинио, с его еврейскими корнями и тягой к показной

роскоши. Впрочем, из еврейской общины его тоже исключили и запретили появляться в синагоге, когда он обратился в католическую веру и обвенчался с первой женой, Орсолой Бруни. Тем не менее он остался одним из самых заметных персонажей в истории Турина.

Его сын Альберто принял бразды правления этой небольшой промышленной империей в начале пятидесятых годов прошлого века. Но у нового владельца компании, на которого работают около полусотни заводов и 30 000 человек, есть другая, всепоглощающая страсть: музыка. Свои первые сочинения он написал в двенадцать лет и теперь каждый день по три часа занимается классической музыкой, прежде чем отправиться на работу. «Он сочинял все время, как только находил свободную минуту, — вспоминает знаменитый пианист Риккардо Карамелла, [180] один из его близких друзей. — На работе, в перерывах между встречами, он уходил в соседнюю комнату, где стоял огромный стол, а на нем лежали нотные тетради. Там он и сочинял свои оперы, а иногда даже записывал их стоя». Именно благодаря музыке он встретился с Маризой Борони, юной талантливой пианисткой, которую пригласил выступить у него дома. Еще до свадьбы, которую некоторые члены клана Бруни-Тедески сочли «мезальянсом», Мариза и Альберто решили поселиться в замке Кастеньето По, в двадцати пяти километрах от Турина. Именно там, в этой величественной резиденции в сорок комнат, к которой прилегает парк в 1500 квадратных метров, в 1959 году родился Вирджинио, в 1964-м — Валерия, а в 1967-м — Карла Бруни.

* * *

Тереза Белло,[181] работавшая у них в ту пору гувернанткой, пригласила нас к себе. Интерьер ее дома в небольшой деревне неподалеку от Вероны был больше похож на нью-йоркскую студию с дизайнерской мебелью и паркетом из светлого дерева. Любовно поглаживая пожелтевшие фотографии старинного имения Бруни-Тедески, бывшая гувернантка рассказывала: «Видите этот сад? Раньше на этом месте был огород. Позже все переделали, но замок уже тогда был прекрасен — мраморные фонтаны в парке, хрустальные люстры во всех комнатах, живописные полотна на стенах и очень красивая старинная мебель».

Отец Альберто, Вирджинио, ценил произведения искусства, созданные до XVIII века. Видимо, от него сын унаследовал любовь к красивым и дорогим вещам. Порой слишком дорогим. Один из

друзей семейства Бруни, часто бывавший у них, более сдержанно отзывается об убранстве пьемонтской резиденции: «Все эти буфеты, плотно прижатые друг к другу, диваны, покрытые кружевом, стены, увешанные полотнами мастеров… на самом деле это было больше похоже на дом нуворишей». Альберто Бруни-Тедески часами бродил по антикварным лавкам и не жалел денег на произведения искусства. Пневматическим устройствам этот промышленник предпочитал классическую мебель, картины Лоренцо Лото, Франческо Гварди, Дефенденте Феррари и Каналетто, работы фламандских живописцев или шпалеры гобеленов. Впрочем, Альберто не всегда был таким расточительным. Друг детства[182] Карлы Бруни вспоминает, как однажды обедал в особняке на Черном мысе, куда Бруни-Тедески приезжали отдохнуть: «Когда я положил себе добавки, отец Карлы громко произнес: „Давай же, не стесняйся, опустошай наш холодильник!“» Фамильный атавизм? В биографической книге, посвященной Альберто, «L'Industriel dodécaphonique»[183] («Двенадцатизвучный промышленник»), Джанпьетро Бона рассказывает, как отец его друга, Вирджинио, властный *«padre padrone»* [184]', лишил собственную дочь наследства за одну миску фасолевого супа: «За ужином после похорон второй жены Вирджинио глубоко оскорбился тем, с каким неуместным удовольствием его дочь ела в столь скорбный день». Неужели его сын из того же теста? Джанпьетро Бона, автор либретто ко многим операм Альберто Бруни-Тедески, признается, что и сам становился жертвой излишней экономности друга: «Он никогда не платил наличными. И часто я и вовсе ничего не получал за свои либретто».

Музыка оставалась единственной страстью этого многоликого промышленника. Когда он не писал оперы, то работал художественным директором театра «Реджио» в Турине. Это позволило ему собрать «свиту» из бедных музыкантов, которых он принимал в Кастеньето По, как настоящий монарх.

В 1970-х годах он решил удалиться от дел и полностью посвятить себя музыке, поэтому распродал «CEAT» по частям. Другое поколение, другие нравы: его дед создал предприятие, отец объединил и расширил компанию, а он, Альберто, всегда живший в тени отца, — наследник, который уничтожил семейное дело.

Именно тогда Бруни-Тедески покинули Италию и обосновались во Франции. Шел 1974 год. Позже представители семейства всегда оправдывали свое решение тем, что опасались за жизнь детей, которых могли похитить Красные бригады. «Красные бригады? Это только частично объясняет их переезд, —

уточняет туринский промышленник. — Прежде всего Альберто хотел начать новую жизнь и перевезти все свое имущество во Францию и Швейцарию». Аньелли никогда не пытались сбежать с корабля под предлогом того, что опасаются за свою жизнь — как, впрочем, и все остальные большие семьи, принадлежащие к высшему туринскому обществу. А когда история клана Бруни-Тедески, которую Джанпьетро Бона написал по заказу Маризы, была издана в 2003 году, ни один из крупных бизнесменов не пришел на прием в честь выхода книги, устроенный в главном здании Ассоциации промышленников Турина.

* * *

И все же глава семьи так и не решился продать Кастеньето По. Только после смерти Альберто Мариза и ее дочери избавятся от своего последнего замка в Италии, положив конец семейной империи Бруни-Тедески.

В мае 1996 года, спустя три месяца после смерти отца семейства, Мариза, Валерия и Карла поднимались по Каннской лестнице: фильм «Второй круг» итальянского режиссера Миммо Калопрести вошел в основной конкурс. В этой картине Валерия Бруни-Тедески сыграла роль члена Красной бригады, будто бросая вызов прошлому.

Пианист Риккардо Карамелла,[185] живший во Франции, сопровождал их в тот день: «Карла уже была очень известна, и фотографы выкрикивали ее имя, чтобы она замерла перед их объективами. Мариза была тронута таким приемом. „Ах, если бы мой Альберто был еще жив и мог это увидеть…“ — вздохнула она».

Отец семейства не увидел и то, как в 2007 году часть его драгоценной коллекции мебели и произведений искусства, которая располагалась в Кастеньето По, была продана на аукционе «Сотбис» за 18 миллионов евро. По словам членов семьи, эта сумма была перечислена в фонд Вирджинио Бруни-Тедески, основанный в память об их сыне и брате, скончавшемся в 2006 году. На его похороны, которые проходили на Черном мысе, гости прилетали на частных самолетах, арендованных семейством.

Пьемонтская страница истории клана Бруни-Тедески была окончательно перевернута в 2009 году, когда на продажу выставили имение в Турине, пустовавшее уже долгие годы. Особняк оценили в 9 миллионов, а шесть месяцев спустя бизнесмен аль-Валид, член саудовской королевской семьи,

приобрел эти владения за… 17,5 миллиона евро — по словам специалистов, цена была очень сильно завышена. «Николя Саркози тоже участвовал в торгах», — сообщил нам советник президента. Возможно, это всего лишь совпадение, но в 2010 году король Саудовской Аравии впервые в истории Французской Республики был приглашен на парад 14 июля в честь взятия Бастилии. Впрочем, за два дня до праздника он отменил визит.

* * *

Ясно одно: баснословное состояние супруги зачаровывает президента Франции так же, как и родителей Маризы когда-то. Вступив в брак, Саркози стал совладельцем огромных владений семьи Бруни-Тедески, которыми он очень дорожит. А какие чаяния связывали с ними французы, узнав о предстоящей женитьбе президента!

Впрочем, когда в июле 2009 года Саркози приехал в замок Кастеньето По во время саммита «Большой восьмерки», его визит был организован как встреча на высшем уровне. «Все дороги в деревне были перекрыты, никто не мог понять, что происходит», — вспоминает служащий мэрии этой деревеньки в шесть тысяч душ.

Надо сказать, что этот замок стал частью семейных преданий клана Бруни-Тедески. Как-то раз Мариза поручила Джанпьетро Бона выпустить роскошный буклет, посвященный истории имения. На одной из иллюстраций сама хозяйка позировала в тени царственного каштана, будто наследница знатных особ, живших здесь тысячу лет назад… Хотя ее муж стал владельцем имения только в 1952 году. Как настоящая аристократка, Мариза внесла своему другу-писателю задаток… и, похоже, забыла отдать остальное. В самом деле, щедрость никогда не была в ходу в семействе, которое за всю свою историю не выделило ни единого сантима на нужды деревни. В июле, во время фестиваля классической музыки, когда во всех парках региона выступали артисты, Мариза брала плату за вход в свой сад. «Никто из местных жителей так и не смог попасть внутрь роскошного старинного особняка семейства Бруни-Тедески. А вот их соседи дважды в год гостеприимно распахивают ворота своей виллы Чимена», — досадовал другой служащий мэрии.

Не важно: из окон Елисейского дворца туринский замок видится символом семейства, быстро сумевшего встать в один ряд с великими итальянскими династиями. «Однажды Мариза пригласила меня на ужин в свой замок в Турине. Там на стене я

увидел картину Брейгеля, которую позже обнаружил в личных апартаментах Елисейского дворца»,[186] — воодушевленно рассказывал бывший министр культуры Жак Ланг, поражаясь фамильной гордости Бруни-Тедески.

Глава 19
Проклятие Бруни-Тедески

Никогда не выдавать своих секретов. Не делиться своими переживаниями. Даже с другом, которому вы заплатили за то, чтобы он написал вашу официальную историю. Даже если потом вы щедро отблагодарили его: подарили кругосветное путешествие на легендарном лайнере «Куин Мэри 2». Рано или поздно этот друг испытает непреодолимое желание поделиться теми тайнами, что вы доверили ему в минуту слабости. Так все и вышло, когда Джанпьетро Бона, биограф семейства Бруни-Тедески, допустил бестактность, обнародовав одну пикантную деталь. Бона был знаком с ними уже больше пятидесяти лет и все же очень удивился тому, что при жизни Альберто эта история хранилась в строжайшем секрете. «Предатель», как назвала его Валерия в телефонном разговоре, и предположить не мог, что его бестактность, связанная с тем, что биологический отец Карлы — не муж Маризы, могла оскорбить членов семейства, которые и сами не раз изливали чувства на публику. В своем фильме «Легче верблюду…», вышедшем через семь лет после смерти отца, Валерия сама рассказала о том, что ее младшая сестра — внебрачный ребенок. В этой картине — семейном автопортрете, где Мариза играет саму себя, говорится в том числе и о том, что Альберто Бруни-Тедески лишь на смертном одре рассказал Карле правду. То есть официально Мариза всегда подразумевала, что ее муж вырастил дочь, зная о ее происхождении. На самом же деле у главы семьи всю жизнь было только предчувствие: разумеется, он понимал, что в их свободном браке такое возможно. Возможно — и только.

* * *

Мариза была постоянно окружена музыкантами, и в туринском высшем обществе, конечно, постоянно обсуждали ее образ жизни. «Мариза была совершенно необыкновенной, — объясняет писатель Джанпьетро Бона.[187] — Красивая, высокая, светловолосая, богатая… и очень вольная». Иными словами — слишком французская для достопочтенных жителей этого провинциального городка — франкофилов, но, прежде всего, добропорядочных католиков. Поэтому Бруни-Тедески вскоре стали считать выскочками.

Мариза и Альберто не любили выходить в свет и не устраивали приемов для местной элиты. В свой замок они приглашали только знакомых артистов. В кругу семьи Мариза не делала тайны из своих небольших слабостей. Ее роман с гитаристом Маурицио Реммертом, с которым она познакомилась на концерте, длился шесть лет. Когда в тридцать два года Мариза родила Карлу, никто не сомневался, что настоящий отец ребенка именно Реммерт, которому тогда было всего лет девятнадцать. Музыкант знал об этом, но молчал. «Для него вопрос был решен сразу: Карла — дочь Бруни, и точка. Он считал, что девочке будет лучше в ее замке», — рассказывал нам друг семейства. Еще несколько лет Маурицио Реммерт наблюдал за тем, как растет его дочь, которую он так и не признал. А в 1975 году музыкант навсегда переехал в Бразилию.

По Турину ходили какие-то слухи, но никто ничего не знал наверняка. Даже Риккардо Карамелла,[188] близкий друг родного брата Реммерта, долгие годы оставался в неведении. Одна из подруг Маризы рассказывала: «Когда мы отдыхали на озере Ком, мой ребенок играл с маленькой девочкой по имени Консуэло. Она жила где-то далеко за границей, но каждое лето приезжала в Италию. Спустя много лет мы узнали, что на самом деле это была вторая дочь Реммерта, то есть сводная сестра Карлы. Невероятно!» Вскоре об этой девочке, которая младше Карлы Бруни на шестнадцать лет, узнали и в Турине. «В городе все только и говорили, что об этой истории, — продолжала подруга Маризы. — Однажды жена Реммерта даже заявила, что она — тетя Валерии. Всем было так неловко…»

Если у Альберто Бруни-Тедески и были какие-то сомнения, то он их не показывал. В отличие от своего отца, известного ловеласа, не слишком заботившегося о том, что про него скажут, Альберто не любил лишнего шума. Он всегда закрывал глаза на тот образ жизни, который вела его супруга, но после одной истории все же призвал ее к порядку. «Между Маризой и знаменитым пианистом Бенедетти Микеланжели вспыхнула настоящая страсть, — рассказывал близкий знакомый промышленника. — Когда через два года их роман закончился, Мариза рыдала в голос на весь дом. И тут впервые Альберто прикрикнул на нее: „Хватит! Прекрати немедленно, а то выставлю вон“».

* * *

Историю про Микеланджели семейный биограф Джанпьетро

преподнес в завуалированном виде в той книге, которую Мариза попросила его написать спустя десять лет после смерти мужа. Когда недоверчивый и властный Альберто умер, у многих наконец развязались языки, и они рассказали все то, о чем до сих пор были вынуждены молчать. Даже Маурицио Реммерт только в январе 2008 году впервые подтвердил, что он — биологический отец Карлы. В 2003 году Валерия впервые коснулась этой темы в своем фильме «Легче верблюду…». «Мы очень удивились тому, что в этой картине вся жизнь семейства была выставлена напоказ, все его тайны и секреты, — рассказывает близкая подруга. — Мы хорошо знали Бруни-Тедески, поэтому увидели на экране столько знакомых эпизодов…»

Впрочем, в самом клане реакция на фильм была неоднозначна. «Жижи, сестра Маризы, назвала его вредным», — вспоминает один из знакомых. Через несколько лет она же потребует изъять несколько фрагментов из рукописи биографии Альберто, которую Джанпьетро Бона дал прочитать перед публикацией всем членам семьи. «Мариза была очень довольна тем, что я упомянул ее роман с Микеланджели — он же известный пианист!» Возможно, сестра Маризы, которая, по словам некоторых, иногда сопровождала Альберто в поездках за границу, опасается, что об этом узнают лишнее? Официально «Жижи не захотела, чтобы в книге ее вывели такой преданной и близкой к Альберто».

Жижи — старшая сестра. В отличие от Маризы, у которой есть две дочери, эта «своеобразная дама», по словам Риккардо Карамелла, так и не вышла замуж: всю жизнь провела среди окружения Бруни-Тедески. «Она была незаменима, — подчеркивал Карамелла, — вела хозяйство, покупала племянникам вещи». И так незаметно вклинилась между сестрой и ее мужем?

Эти запутанные отношения явно перекликаются с историей клана Бруни-Тедески. Так, например, можно вспомнить властного Вирджинио, отца Альберто. Он изменял всем трем своим женам, отчего последняя из них, Федерика, впала в глубокую депрессию и алкогольную зависимость.[189] Отчаявшись, она даже попыталась соблазнить Альберто, сына мужа от первого брака…

* * *

Значит, история повторяется, только теперь женщины третьего поколения Бруни-Тедески проходят путь, свойственный мужчинам клана. А представительница четвертого поколения,

выросшая в атмосфере свободы нравов, кажется, впитала ее с молоком матери.

Ароматом скандала и провокации, долгие годы витавшим над семейством, пропитаны и фотографии, которые в начале 1990-х сделал Хельмут Ньютон. Это серия портретов Карлы и ее близких в их имении на Черном мысе. На одном из таких снимков модель и ее брат Вирджинио стоят рядом посреди парка: она — с обнаженной грудью, в брюках с высокой талией, а он — в купальнике. В этой же серии фотографий Ньютон запечатлел Карлу вместе с родителями: юная двадцатичетырехлетняя девушка с горящим взглядом подобно Лолите восседает без нижнего белья на коленях у почтенного седовласого Альберто, а утомленная Мариза стоит позади них, облаченная только в раздельный облегающий купальник телесного цвета. Мать — единственная из троих — почти обнажена, и при этом будто отделена от пары, которую образуют дочь и ее неродной отец. Этот в высшей степени провокационный снимок («слишком извращенный для матери», как удивленно заметил фотограф Марк Испар) может многое рассказать о том, как мать и дочь относятся к теме соблазна.

Карла, как и Мариза, — любительница «ввернуть имя» знаменитого любовника. Она тоже никогда не стеснялась публично заявлять о своих победах. Однажды Бруни-младшая смело заявила журналисту: «Если у мужчины было двести пятьдесят любовниц — он чертов донжуан. А если я себе позволила пятьдесят парней — со мной все ясно. Ну разумеется, я просто бесплатная шлюха». И все же первая леди доказала, что тоже умеет играть с огнем. По словам близкого друга семьи, однажды ее отчитала даже мать. «Когда Карла стала встречаться сначала с Жан-Полем, а потом с Рафаэлем Энтховеном, Мариза посчитала, что ее дочь зашла слишком далеко. — рассказывает близкий друг семьи. — „Да кто бы говорил“, — возмутилась в ответ Карла». Джанпьетро Бона считает, что «порой в отношениях Маризе не хватает чувствительности». Возможно, ее дочь сделана на ту же колодку, плюс контроль над своим образом, который, среди прочего, развился во время регулярных визитов к психоаналитику: в течение пятнадцати лет она посещала его в надежде избавиться от родового атавизма.

Как и Мариза, Карла захотела переписать эту историю, которую она сама кропотливо создавала при поддержке журналов. Но поздно: вряд ли уже кто-то этому поверит.

Глава 20
Одинокое детство

Карла была внебрачным ребенком, нелюбимым, закомплексованным. Она до шести лет спала с няней, а на каникулах мама будила ее, играя на фортепьяно «Турецкий марш» Моцарта. А мы-то думали, что у Карлы было золотое детство, она целыми днями носилась по огромному парку при замке в Турине, а каникулы проводила под ласковым солнцем на Лазурном Берегу. Загадка в том, что эта богатая девочка, которую воспитывали няни, была очень одинока. Сейчас первая леди, запершись в своих апартаментах в квартале Порт д'Отей, вдали от городской суеты, говорит, что любит одиночество. Но на самом деле она упорно продолжает с ним бороться. Знаменитый журналист Жак Сегела,[190] близкий друг Карлы, признается: «Она ненавидит одиночество». Все эти годы она ищет убежища, будь то колени заботливой нянюшки, объятия звезды или кокон из верных друзей — таких, как ее свидетели на свадьбе: композитор Жюльен Сиванж и актриса Фарида Кельфа, или бессменный Франк Демюль, который долгие годы работает личным секретарем Карлы.

* * *

«Она была одиноким ребенком», — вспоминает Тереза Белло,[191] одна из ее первых нянь. «Тере», как ее называла маленькая Карла, была выпускницей очень известной школы патронажных медсестер в Тренто. «rata» — гувернантка на итальянском — поступила на службу во дворец, когда девочке было три года. «Старшенькие уже ходили в школу, поэтому я занималась в основном Карлой, — вспоминает Тереза Белло. — По ночам я спала у нее в комнате». Для детей Бруни-Тедески, которые с самого раннего возраста были предоставлены сами себе и жили вольной жизнью богатых наследников, Тереза Белло была больше чем просто няней: она была матерью на замену. Именно она одевала их, играла и ела с ними, и ей они говорили «спокойной ночи», прежде чем поцеловать маму на ночь.

«Родители обедали отдельно, — поясняет эта рыжеволосая дама со светлыми глазами. — Утром „Dottore“ Бруни уходил на работу в половине восьмого утра. Синьора Бруни играла на рояле до полудня — в этот час ее муж возвращался к обеду. В половине

третьего он уходил, и она вновь принималась за свои гаммы».

Иными словами, родители редко общались с детьми. «Месье был очень отстранен, а мадам — очень мила, но полностью погружена в музыку», — тактично замечает гувернантка. По ее словам, Мариза совершенно не занималась бытовыми вопросами, доверяя, например, старшей сестре Жижи покупать одежду и себе, и детям. «Мадам не была любительницей нарядов. Даже еда не имела для нее никакого значения. А вот месье был гурманом, обожал изысканные кушанья и всегда ждал меня, чтобы открыть пакеты с цукатами и миндальными печеньями, которые получал на праздники. Когда я поехала с ним в Париж, — вспоминает Тереза Белло с ностальгией, — мы пошли в шикарный ресторан, и он сделал заказ за меня».

* * *

В семейной жизни, которая не касалась кулинарии, довольно замкнутый Альберто Бруни-Тедески принимал мало участия. Отец редко брал детей на руки, а когда они мешали ему сочинять музыку, он тут же прогонял их.

Мариза была с ними более нежна, но она не могла уделять им много времени, потому что часто уезжала на гастроли и постоянно была окружена музыкантами, которых иногда приглашала и в Кастеньето По. Пианисту Риккардо Карамелла[192] было всего семнадцать, когда он впервые встретился с Маризой Бруни-Тедески: она была старше его на двадцать два года.

Они брали уроки музыки у одного преподавателя, Марии Голиа. «Мы быстро подружились, — рассказывает он. — Мариза познакомила меня с мужем, Альберто, — человеком суровым, молчаливым, но щедрым и талантливым». Мужчин объединяла общая страсть к музыке. Позже Риккардо часто исполнял «Фантазию для фортепьяно» Альберто на своих концертах по всему миру. «Забавно, я играл ее раз тридцать, а он так и не пришел послушать. Однажды он отправил мне факс из Турина в Прагу, — вспоминал пианист, показывая распечатку: — „Удачи вам сегодня вечером. К сожалению, я не смогу прийти“. Но он интересовался моим творчеством. Однажды я признался ему, что не могу сыграть одну партию, потому что не чувствую ее. Альберто ответил: „Эта музыка резкая, не мелодичная, поэтому сначала избавься от всего, что мешает тебе играть“».

А Мариза? Она много путешествовала, поэтому отдалялась от детей. «У нас с ней было столько совместных концертов», —

продолжал Карамелла. Немало прекрасных воспоминаний, как, например, тот памятный день в Бухаресте в 1973 году: «Мы поселились в потрясающем отеле. Меню в ресторане было просто невероятным, но всякий раз, когда мы пытались что-то заказать, нам отвечали, что этого блюда нет: у них была только икра! Через двадцать четыре часа мы уже не могли ее видеть. Тогда Мариза пригласила меня к себе в номер, чтобы поужинать тем, что она захватила с собой из Италии. И вот мы сидели за импровизированным столом, переделанным из кровати, ели сосиски и смеялись. Славные были времена».

Даже по выходным, когда семья обычно собирается за одним столом, Мариза и Альберто были заняты своими делами. «Они редко выбирались в свет, но постоянно приглашали к себе артистов и почти каждую субботу ходили вечером в кино», — рассказывает няня Тереза. Бруни-Тедески обожали читать и скупали книги в невероятном количестве: «К концу недели по всему дому их скапливались горы». В начале лета супруги отправляли детей с гувернанткой в имение на Черном мысе, а сами приезжали туда позже, когда дети уже возвращались в Турин. Единственным членом семьи, который занимался воспитанием наследников, была властная бабушка Рене, мать Маризы, — женщина строгая, привыкшая к тому, что все ей подчиняются. Когда дети выводили ее из себя, она бранилась на них по-французски. «Ничего общего с типичной итальянской бабушкой! — улыбается Тереза, вспоминая один ужин в Лаванду. — Однажды на Валерию и ее подругу Сильвию внезапно напал смех. Рене строгим тоном велела им тут же прекратить, но от этого засмеялись и остальные дети. Бабушка не смогла их утихомирить и очень рассердилась».

* * *

И все же родители тщательно следили за тем, чтобы у их детей развивался хороший музыкальный вкус. Подростком Вирджинио обожал итальянскую и британскую эстраду. Его первый диск? «Карлос Сантана, как сейчас помню», — улыбается Тереза Белло. Во время сиесты Вирджинио запирался в комнате с няней, и они вместе смотрели музыкальные передачи по телевизору. «Мы во весь голос горланили песни Луиджи Баттисти. Однажды месье Бруни застал нас за этим и отчитал меня: „Что это за ужасная музыка? Чему вы учите моих детей?“ А Валерия часто просила няню спеть для нее. „Она уже тогда разыгрывала целые спектакли!“ Вот маленькую Карлу родители могли бы

похвалить: больше всего ее занимали ноты Моцарта на мамином рояле — она любила их трепать. „Да уж, классическая музыка точно не для вас…“ — вздыхала гувернантка».

* * *

«Карла была необычной, — говорит Белло. — Очень худой и высокой для своего возраста». Довольно нелюдимая, она часто оставалась сидеть в своем углу. Джанпьетро Бона, друг семьи,[193] вспоминает, что в детстве она бывала «очень жесткой» по отношению к отцу. Приятельницами Карлы были подруги ее старшей сестры, Валерии, — девочки беспокойной, «немного странной», которая могла «сменить пять комнат за одну ночь». Уже тогда в ней чувствовались задатки будущей актрисы. Например, она устраивала импровизированные спектакли вокруг бассейна в имении на Черном мысе.

Карла, наоборот, всегда была сдержанной. Эта девочка с пшеничными волосами была на особом положении в семье. Вирджинио — наследник, которого так ждал дед, его тезка. Валерия — первая дочь и старшая сестра. А Карла — плод супружеской измены. В отличие от брата и сестры, ее назвали в честь бабушки по линии матери, а не отца. Это очень задело ее второго деда по папиной линии, который требовал, чтобы девочку назвали Федерикой в честь его супруги. Но тщетно: Альберто был категорически против, будто уже тогда предполагал, что в его младшей дочери больше от Борони, чем от Бруни.

Карла была самой маленькой и поэтому труднее всего переживала разлуку с «няней Тере». Ей исполнилось всего шесть, когда родители решили переехать в Париж, «Нью-Йорк того времени, символ современной страны», по словам Белло. Впрочем, девочки очень радовались переезду. Только Вирджинио не хотел покидать Италию. «Чтобы уговорить его, родителям пришлось пообещать, что он теперь сможет ездить в школу на велосипеде». Велосипед! Давняя мечта мальчика, который всегда везде ездил только на машине с шофером. Вирджинио первым переехал в Париж, пока только с гувернанткой. «Бруни-Тедески еще не выбрали квартиру, — рассказывает она, — и мы пока жили в отеле „Ритц“. Это было невероятно!» Когда родители, наконец, подобрали подходящие апартаменты на улице Ла Касс в 7-м округе, Вирджинио и гувернантка перебрались туда. Девочки должны были скоро приехать.

* * *

«Мне тогда было чуть больше двадцати, — говорит нам Тереза Белло. — Я подумала, что если перееду во Францию, то никогда не обзаведусь семьей и буду как Романа, няня „Dottore“ Бруни, которая в восемьдесят лет все еще жила с ним». Поэтому гувернантка уехала в свою родную деревню на севере Италии. Ей было очень больно расставаться с детьми, которые уже стали для нее почти родными. Они писали ей несколько раз. В одной из таких трогательных записок, которую Тереза бережно достала из обувной коробки, на линованном листочке было старательно выведено детской рукой «Надеюсь, что ты скоро вернешься» — и подпись «Карла».

Гувернантка так и не ответила на эти письма. «Я начала жизнь заново, вышла замуж, родила дочь, открыла галантерейный магазин… но я их не забыла», — заверяет «tata», которая следила за успехами своей маленькой Карлы, читая журналы. Тереза Белло была шокирована, когда в 2003 году, через тринадцать лет после того, как она уехала от Бруни-Тедески, на экраны вышел автобиографический фильм Валерии: «Я никогда и подумать не могла, что такое возможно: „Dottore“ Бруни — не настоящий отец Карлы!»

В 2005 году Тереза[194] написала длинное письмо своей бывшей хозяйке. Та сразу ей позвонила и назначила встречу в Турине, на которую приехала со своей дочерью, Валерией. «Мариза рассказала мне о своем внуке Орельене, сыне Карлы, и о том, что ей хочется, чтобы Валерия тоже стала мамой». Но больше всего Маризу беспокоила болезнь ее сына Вирджинио. Он проходил новый курс лечения, и она лелеяла безумную надежду. «Я даже не представляла, что его дни уже сочтены», — вздыхает гувернантка, больше всего сожалея о том, что еще тогда, много лет назад, не ответила на детские письма.

* * *

Вирджинио, драгоценный ребенок… «Он был единственной большой любовью Маризы», — рассказывал нам писатель Джанпьетро Бона.[195] Всю жизнь Карла и Валерия боролись за то, чтобы выйти из тени старшего брата, который был так любим, но, увы, ушел так рано. Валерия давала волю своему чудному, сумасбродному нраву, а Карла — «полукошечка-получертовка», по словам друга семьи, — оттачивала мастерство соблазнения, пытаясь завоевать внимание отца.

Отношения между сестрами никогда не были гладкими. «Валерия — человек, которого я больше всех люблю и

ненавижу», — призналась Карла в 2002 году в одном из интервью. Как бы то ни было, им обеим пришлось превзойти себя, чтобы занять свое место в семье, где все крутилось вокруг блудного сына. Тереза Белло вспоминает, что в детстве Вирджинио был «замкнутым, задумчивым мальчиком, обожавшим смотреть на звезды». Долгие годы он даже изучал небо в телескоп, который ему подарила мама. Наследник Бруни-Тедески так и не смог найти свое место на предприятиях отца и стал матросом дальнего плавания, мечтая о далеких берегах. И первые симптомы болезни он почувствовал в море. Ему было всего тридцать, но целый мир уже отделял его от сестер.

Мариза мечтала о том, чтобы ее дочери нашли себе достойную партию и их судьба сложилась прекрасно. Она даже лелеяла надежду породниться с принцами Гримальди из соседнего Монако. Но ничего не вышло. Карла уже в четырнадцать стала сбегать из дома, чтобы потанцевать на дискотеках в Лаванду, и увлекалась она рок-музыкантами. А Валерия встречалась только с актерами, чаще всего итальянскими. И, будто назло семье, выбирала тех, кто рьяно отстаивал левые взгляды. Так что все надежды Мариза Бруни-Тедески связывала с сыном.

Вирджинио умер 4 июля 2006 года в возрасте сорока шести лет. С тех пор Мариза не прикасалась к фортепьяно. Спустя два года, когда убранство замка Кастеньето По было выставлено на аукцион «Сотбис», безутешная мать попросила своего друга отвести небольшое место в буклете под хвалебную статью о ее единственном сыне. «Ей попытались объяснить, что некролог будет несколько странно смотреться в каталоге аукциона», — вспоминает один из друзей семьи. В итоге Мариза отказалась от этой идеи.

Но тень покойного продолжала витать над кланом Бруни-Тедески. Когда произошла трагедия, Карле было почти сорок, а Валерии почти сорок три. Семья сплотилась, объединенная памятью о любимом сыне и брате. Сестры забыли о своем давнем соперничестве, чтобы поддержать опечаленную мать. В 2007 году все женщины клана Бруни-Тедески пришли на прием, организованный ЮНЕСКО в поддержку фонда Вирджинио Бруни-Тедески для создания лекарства против СПИДа. В тот день Тереза Белло наконец-то встретилась со своей маленькой Карлой, которую не видела уже тридцать пять лет: «Поначалу я даже не решалась с ней заговорить, стеснялась. В прессе писали, что она немного… холодна и высокомерна». Но, к огромному удивлению Терезы, Карла Бруни сама поспешила к ней: «Нянюшка Тере! Как у тебя дела?» Со слезами на глазах бывшая гувернантка

прошептала: «А я думала, ты меня забыла…» Взяв няню за руку, Карла ответила с улыбкой: «Ну что ты, как я могу тебя забыть?»

Как могла Карла Бруни забыть первого человека, который так любил ее, сидел на краешке кровати, ожидая, пока она заснет, и утешал по ночам, если она просыпалась от кошмара? В аэропорту Тереза Белло отправила Карле эсэмэску с номером своего мобильного. Карла тут же ей перезвонила, и они разговаривали целый час.

* * *

Год спустя Карла Бруни, уже первая леди Франции, сделала все возможное и невозможное, чтобы помочь матери организовать выставку с фотографиями из путешествий Вирджинио. Сама Мариза обратилась к итальянскому послу, чтобы заручиться поддержкой Итальянского культурного центра. Россана Руммо, [196] директор центра, призналась нам, что ее сразу покорили эти «прекрасные черно-белые снимки». Она вспомнила, какое впечатление на нее произвела Мариза в день их первой встречи, на которую мадам Бруни-Тедески пришла вместе с Изабель, супругой покойного: «Пьемонтская дама, сильная, крепкая, точно скала. У нее была единственная слабость: ее сын».

Россана Руммо дала карт-бланш семье Бруни-Тедески, и те все организовали сами, от расклейки афиш до банкета в день открытия. Накануне церемонии Мариза решила проверить, все ли готово: «Вместе с женой Вирджинио они обошли весь зал, подолгу задерживаясь перед каждой фотографией, — рассказывает директор центра. — Это было словно крестный путь. Пока длилась выставка, Мариза приходила каждый день, спрашивала, сколько было посетителей, и внимательно читала отзывы в книге».

Чтобы отблагодарить Россану Руммо за помощь, мадам Бруни-Тедески пригласила ее к себе. «В тот вечер Мариза вновь играла на рояле. Она сказала, что не прикасалась к нему со дня смерти Вирджинио».

Ни одна из дочерей Маризы не могла бороться против всепоглощающей любви матери к сыну. Возможно, выйдя замуж за президента, Карла хотела получить от нее чуть больше внимания и стать в семье незаменимой? Тогда ей это удалось: мать с удовольствием появляется в обществе младшей дочери.

Карла Бруни — звезда, которая так хотела засиять в сердцах своих родителей, — нашла в Саркози родственную душу. Как и она, Николя был младшим из трех детей. Родня не любила его, а

отец почти никогда не общался с ним. Когда эти два одиночества встретились, они сразу распознали друг в друге ту самую жажду признания. И любви.

Глава 21
Безумные слухи

Карла Бруни была вне себя от гнева. Даже если она не подавала вида. Даже если, как это часто бывает, настаивала на прямо противоположном, даже если пресса еще не пронюхала. Вот что заметили некоторые ее близкие весной 2010 года.

Ее недолгая семейная жизнь переживала одни из самых худших времен. Все началось в середине марта. В субботу, 7-го числа, певец Бенжамен Бьоле был награжден престижной премией «Музыкальные победы». И уже на следующий день в одном из блогов на сайте еженедельника «Журналь дю диманш» появилось сообщение, которое к тому времени уже несколько недель курсировало в Twitter: по слухам, пока Николя Саркози увлекся министром экологии Шанталь Жуанно,[197] первая леди вовсю наслаждается идиллией с новым королем французского шансона. Не успели даже мышкой кликнуть, как невероятные сплетни, подхваченные журналистами, разлетелись из коридоров редакций по всему миру. Если французские газеты не осмелились даже упоминать об этой истории, то иностранная пресса, от Швейцарии до США и Англии, оттянулась по полной. В результате вся страна только и обсуждала так называемые президентские шалости. Карла Бруни, которая потратила столько сил, чтобы создать благоразумный образ, никак не могла прийти в себя. После истории с той злосчастной СМС ее имя было снова у всех на слуху, причем не без повода.

* * *

Слухов в жизни бывшей модели всегда было предостаточно. За двадцать лет сражений на любовном фронте газетчики всего мира приписывали ей любые мыслимые и немыслимые победы, но Карлу это совершенно не смущало. «Пусть лучше меня считают соблазнительницей, чем вялой селедкой»,[198] — с вызовом сказала она однажды в интервью. Но в этот раз все совсем иначе: кризис в семье президента стал достоянием публики, и это могло кончиться плохо. Со времен дела Марковича[199] в 1968 году слухи о личной жизни политика не потрясали так устои Пятой республики.

У Карлы Бруни уже был огромный опыт борьбы со сплетнями, поэтому она применила излюбленную тактику: стала хранить

молчание. Хотя, конечно, любезно сообщила нескольким журналистам о своем «удивлении» тем, что люди могут верить подобным россказням. А 10 марта она заверила репортеров британского телеканала Sky news в том, что полностью доверяет мужу: «Брак должен длиться вечно, но кто знает, что может произойти? Надеюсь, что это навсегда, я этого очень хочу, но ведь мы можем умереть завтра». Тем не менее первая леди Франции произносила общие фразы и комментировала только информацию о многочисленных любовных связях мужа, которые якобы имели место в прошлом.

По словам одного журналиста, «эти слухи не причиняли вреда никому, кроме Саркози». На самом деле супруга президента тоже была оскорблена — ее возмущали намеки на то, что даже она может оказаться «обманутой женой». И все же, отвечая на вопросы коварных англичан, Карла была вынуждена публично подтвердить: нет, муж ей не изменял. И тут же перешла в атаку: «А у вас есть фотографии, на которых мой муж с другой?» Какая ирония судьбы, ведь еще несколько лет назад певица заявляла с апломбом: «Мужа нельзя украсть: его можно удержать при себе или упустить». Теперь же ей пришлось примерить на себя роль обманутой супруги, которая вынуждена всем говорить, что живет с мужем душа в душу.

Что касается президента, он предпочел не отвечать на подобный вопрос, который ему задал журналист «Монд» на пресс-конференции в Лондоне. Чувствуя на себе растерянный взгляд премьер-министра Великобритании Гордона Брауна, Саркози тогда сказал, что не может терять «ни секунды» на «пустые домыслы». Надо отметить, что, выдав экспромтом свой вопрос, французский журналист опередил британских коллег, которые тоже собирались затронуть эту тему.

* * *

Словом, на первый взгляд все будто бы под контролем. Но под маской невозмутимости Карла Бруни вся кипела гневом. «Да как она посмела! Как я хочу, чтобы ее выкинули с работы! С…», — взорвалась первая леди, едва оказавшись дома, вне пристальных взглядов. «Она» — это бывший министр юстиции Рашида Дати. Именно ее имя всплыло в ходе расследования, проведенного секретной службой Елисейского дворца, чтобы установить источник позорных слухов. А потом советники президента, и в их числе Пьер Шарон, окончательно убедили первую леди, что во всем виновата Дати.

Когда Карла Бруни узнала об этом, она чуть не задохнулась от ярости. Их отношения с Рашидой Дати, старинной подругой Сесилии, никогда не были радужными, но тут чаша терпения переполнилась. Карла заявила, что никогда больше не встретится и не заговорит с бывшим министром юстиции, если выяснится, что слухи шли из ее окружения. Сдержанная первая леди, которую так хвалили за умение успокоить вспыльчивого мужа, вдруг превратилась в грозную фурию, требовавшую немедленных действий. Так всего за несколько дней Рашида Дати стала главным врагом администрации президента.

14 марта, в день первого тура региональных выборов, которые теперь отошли на второй план для главы государства, оскорбленного слухами, Рашида Дати узнала, что министр внутренних дел лишил ее служебного автомобиля и полицейского сопровождения.[200] Официально — по соображениям экономии бюджетных средств. Но Елисейскому дворцу этого было мало — травля депутата Европарламента только начиналась. Через несколько дней госсекретарь Клод Геан в интервью сатирическому еженедельнику «Канар аншене» сообщил, что «президент больше не желает видеть Рашиду Дати». «Пусть теперь она боится», — заявил в свою очередь Пьер Шарон. Более того, некоторые журналисты заговорили о возможном прослушивании телефонных разговоров Дати. Разумеется, скандал в прессе разгорелся от этого с новой силой, превратив пустые сплетни в дело государственной важности. Что касается Бенжамена Бьоле, 3 апреля он подал в суд на телеканал France 24, где обсуждалась эта тема, хотя первая леди якобы советовала ему этого не делать.

* * *

Спустя месяц после возникновения слухов скандал не только не утих, но и набирал обороты. Так, утром 7 апреля Рашида Дати, до этого момента хранившая молчание, пришла на самую популярную радиостанцию страны, RTL. Она рассказала о том, что ее обвиняют в распространении слухов о супругах Саркози и преследуют за это, но она «ничего не боится», и всей этой истории «нужно положить конец». Бывший министр юстиции твердо заявила, что она «никогда не реагировала» на все те «ужасные вещи», которые о ней говорили, но теперь с нее хватит. Рашида Дати также подчеркнула, что существует «разница между окружением президента и самим президентом». В Елисейском дворце прекрасно поняли эти завуалированные угрозы: накануне между Рашидой Дати и Николя Саркози состоялся жесткий

разговор.

Карле Бруни пришлось забыть об осторожности, чтобы помочь мужу. План был таков: прежде всего — потушить пожар. С этой целью госсекретарь Клод Геан позвонил владельцу радио Europe 1 и журналисту Клоду Асколовичу — близкому другу четы Саркози и главному редактору политического отдела еженедельника «Журналь дю диманш», который также сотрудничает с медиагруппой «Лагардер». Об интервью на Europe 1 удалось договориться: оно будет записано напрямую, без монтажа, и выйдет в эфир в выпуске новостей в 18 часов. У Карлы Бруни была дополнительная просьба: чтобы журналисты пришли записывать материал к ней домой. Ответ был отрицательным — ей придется самой приехать на улицу Франциска I. Так как первая леди не хотела ни с кем общаться, она приехала к 16 часам в сопровождении одного охранника. В руках у нее была записная книжка с примерным текстом выступления.

Расследование? «Исключено», — сразу заявила она, едва оказавшись в студии Europe 1. Первая леди говорила сдержанно, хорошо поставленным голосом, изображая само спокойствие. Дома Карла Бруни могла сколько угодно ругаться на «шутов гороховых», окружающих ее мужа, но сюда она пришла с официальной миссией, чтобы сделать заявление: нет, эти слухи «ничего не значат» для нее и супруга. «Мы уже давно забыли об этом». Пьер Шарон? «В нем говорила обида за друзей». Нет, они с Николя не считают себя «жертвами заговора». Нет, ими не руководит «жажда мести». И да, «Рашида Дати по-прежнему наша подруга». Этой фразы не было в первоначальном варианте речи — Карла произнесла ее в ответ на вопрос ведущего журналиста радиостанции, Патрика Коэна.

Как ни странно, даже в ближайшем окружении президента ничего не знали о заявлении Карлы Бруни. В 17 часов, то есть за час до выхода в эфир этого интервью, политический обозреватель Europe 1 позвонил Франку Луврье, пресс-секретарю Саркози, чтобы обсудить с ним разговор с Карлой Бруни, которая ушла от них полчаса назад. Луврье был поражен: «Что? Она была у вас? Я ничего не знал».

* * *

Но заявление Карлы не помогло остановить лавину. Правые проиграли региональные выборы. Стало известно, что расследование все-таки было, причем проводилось по всем правилам операций по предотвращению угрозы государственной

безопасности. А главное — доверие к семье президента серьезно пострадало. Блестящий полемист Жан-Франсуа Кан[201] полагает, что «слухи возникли потому, что французы так до конца и не поверили в эту пару» и подозревают, что президент просто «купил себе звезду». И действительно, когда было объявлено о свадьбе, многие готовы были поручиться, что этот брак долго не протянет. И старые интервью Карлы Бруни, в которых та говорила, что моногамия кажется ей «скучной», лишь укрепляли людей в их убеждении.

Проблема этих слухов в том, что народ в них поверил. Настолько, что в начале весны папарацци заполонили все окрестности квартала Вилла Монморенси, в котором живет президентская чета. А некоторые фотографы даже дежурили возле дома Пьера Берже, в квартире которого, уже по новым слухам, якобы встречались любовники…

А уж когда Карла Бруни вдруг, не объясняя причин, отказалась прийти на прием 11 марта в честь открытия выставки Ива Сен-Лорана в Малом павильоне, куда ее пригласил Пьер Берже, волна слухов хлынула с новой силой.

Бедный Бьоле… Этому донжуану с бархатным голосом, талантливому певцу, которого долго считали «плохим мальчиком» французской эстрады, достаточно было однажды встретиться с Карлой Бруни два года назад — и все, остальное уже додумали журналисты. Ага, выпуском их альбомов занимается одна и та же компания, «Naive». А еще Бенжамен писал аранжировки к песням Бруни. И Карла публично поздравила его с премией «Музыкальные победы»… К тому же в мире шоу-бизнеса все знают, что Бруни и Бьоле записываются в одной студии, «Studios Labomatic»… в двух шагах от Елисейского дворца. «Наверняка кто-то увидел, как они разговаривают, — вот вам и слухи, — подытожил фотограф Паскаль Ростен,[202] друг Карлы Бруни. — Журналисты со всей Франции и Европы сразу бросились мне звонить и расспрашивать, есть ли у меня фотографии или какая-то информация. Глупо же, правда?»

«Я был совершенно сбит с толку», — позже признался Бьоле в интервью «Пари-матч»,[203] два месяца спустя после того, как получил премию. Поначалу артист утешал себя тем, что это ненадолго. «В Бенжамене есть что-то от Казановы, — с улыбкой поясняет музыкальный журналист Кристоф Конт.[204] — Поэтому когда в его донжуанский список внесли красавицу Карлу, он, конечно, был польщен. Но вскоре начался настоящий ад: он пятнадцать лет выстраивал карьеру, чтобы теперь пожинать плоды успеха… а с ним говорят только про Карлу!» Напрасно? Журналист в этом убежден: «В феврале прошлого года я был на

его концерте в „Казино де Пари“, а потом остался на банкете. Тогда некоторые говорили, что первая леди была там, но я лично ее не видел». В том же интервью «Пари-матч» бывший возлюбленный Кьяры Мастроянни подтвердил, что уже два года не общался с Карлой, и пространно высказался по поводу «утомительных» слухов: «Эта история плохо сказалась и на моем окружении. (…) Я даже оказался на обложке английского журнала — как любовник первой леди Франции… Это тяжелое испытание для меня, моей дочери и любимой женщины».

* * *

Карла Бруни была просто в бешенстве. То, что ей приписали интрижку с популярным певцом, — это еще ладно. Плохо другое: вопреки обыкновению, на этот раз ее застали врасплох, и она потеряла контроль над ситуацией. И хуже всего, что, по другим слухам, она теперь была «обманутой женой». Все началось с того, что один журналист якобы увидел Николя Саркози и госсекретаря вместе в саду Елисейского дворца. Потом к распространению этой «новости» приложили руку очень многие, в том числе и не рядовые граждане. Так, депутат Социалистической партии, отправившись за границу, узнала, что президент Франции несколько недель назад был там с официальным визитом и сопровождала его молодая женщина, похожая на госсекретаря. Когда депутат вернулась в Париж, поползли слухи…

Читая длинный список мужчин, которым Карла разбила сердце, мы как-то забываем при этом о ее средиземноморском темпераменте. Первая леди немного ревнива и поэтому плохо воспринимает обходительность и галантность, которые президент проявляет по отношению к красивым дамам. Многие помнят, как Николя Саркози с явным восторгом любовался выдающимися формами модели Бар Рафаэли на приеме в честь Шимона Переса в Елисейском дворце. Поэтому Карле пришлось научиться распознавать угрозу. Так, например, на торжественном ужине в Нью-Йорке в поддержку фонда Эли Визеля 28 сентября 2008 года первую леди Франции посадили напротив Кэтрин Зета-Джонс. По словам очевидца, Карла Бруни долго рассматривала лицо актрисы, потом бросила быстрый взгляд на ее умопомрачительное декольте — и после этого весь вечер демонстративно игнорировала американку. Немного другая, но тоже опасная ситуация сложилась на дне рождения Венсана Переса: один из приглашенных заметил, как первая леди гневно посмотрела на Саркози, когда тот загляделся на ноги жены певца

Каложеро. Карла насмешливо сказала мужу: «В следующий раз я тоже надену короткие шортики — кажется, тебе это нравится».

* * *

Вполне объяснимо и то, почему первая леди постоянно пыталась удалить от президента всех друзей своей бывшей соперницы Сесилии, и первым делом — цепкую Рашиду Дати. Карлу всегда раздражали теплые отношения Саркози и бывшего министра юстиции, которая казалась ей чересчур назойливой.

Надо признать, что Дати даже не пыталась как-то сгладить углы. «Она не сделала никаких выводов из того, что Саркози теперь был женат», — полагает политический обозреватель. Дати продолжала названивать президенту по двадцать раз на дню и отстаивать свое привилегированное место в его окружении. Французский журналист, который работает в Нью-Йорке, рассказал нам о том, что однажды во время официального визита Рашида Дати сделала двусмысленное признание: «У нас с президентом совершенно особые отношения». И бесцеремонное поведение Николя Саркози все еще больше усложняло. Так, например, Мишель Комбуль,[205] бывший генеральный директор медиагруппы «Нис Матэн», вспомнил об одном разговоре с Саркози, за несколько дней до президентских выборов. «Он мне сказал, глядя на Дати: „Это единственная арабка, которую я знаю. Она красива, тебе не кажется?“» Но дальше намеков дело не пошло. Другой парижский журналист рассказал нам по секрету, что однажды спросил Саркози, было ли у него что-нибудь с министром юстиции. Ответ был вполне ясным: «Я, возможно, слегка сумасшедший, но не дурак».

Так что Карле с первых дней в браке пришлось принять во внимание подобные предположения. И ни на минуту не ослаблять защиту. В 2008 году, показывая Рашиде Дати личные апартаменты в Елисейском дворце, первая леди даже указала кивком головы на свою спальню и прошептала: «Ты хотела бы занять ее, правда?»[206]

* * *

Это сильнее ее: в Рашиде Карла видит интриганку, чья любовь к шумихе в массмедиа, шикарным мероприятиям и показной роскоши не делает ей чести.

Ведь в частной жизни бывшая модель — полная

противоположность этому: она не слишком любит светские развлечения, предпочитая пафосным приемам вечера в кругу друзей. Первая леди порой прогуливается инкогнито по городу, надев парик, чтобы к ней не приставали. Когда Карле не нужно присутствовать на официальных мероприятиях, она больше всего любит отдохнуть у себя дома в Париже или в семейных владениях на Черном мысе. Особенно с тех пор, как она снова взялась за перо.

Да, ей удалось пробиться в безжалостном мире моды, но теперь супруга президента с удивлением и ужасом открывает для себя еще более жестокий мир политики. И без того подверженная тревоге, теперь она поневоле ступила на зыбкую почву и, вновь и вновь мысленно возвращаясь к той истории про слухи, чувствует себя глубоко уязвленной тем, что, впервые в жизни, потеряла контроль над ситуацией.

Эпилог

«У тебя есть все. Ты даже стала женой президента. Чего же ты хочешь еще?» — спросил однажды у Карлы Бруни Кристиан Лакруа.[207] Шел 2008 год. В ответ модельеру досталась лишь одна из самых загадочных улыбок первой леди.

Тот же вопрос задают себе миллионы. Неужели любительница амурных приключений наконец нашла мужчину всей жизни? Журналист Жак Сегела,[208] познакомивший бывшую модель с президентом, как-то раз описал ее чувства так: «У Карлы было три любви. Первая — мимолетные увлечения, всего на пару дней, которые она не скрывала, не выставляла напоказ и не отрицала. Вторая — большая, но беспокойная любовь к Рафаэлю Энтховену, которому она родила сына. И сейчас — третья, к президенту Республики, любовь спокойная и зрелая».

Безусловно. Но история со слухами, вероятно, не пройдет бесследно. А недавние выступления президента, отразившие его позицию по разным политическим вопросам? Не вынудят ли они ее высказать свое мнение? Сможет ли она, свободная женщина, артистка-бунтарка, с душой скорее итальянской, чем французской, протестовавшая вместе с друзьями против тестов ДНК, промолчать в ответ на резкие заявления правых и самого президента о проблемах безопасности и иммиграции? Те, кто знаком с ней давно, задаются вопросом: сколько лет она вытерпит в этой золотой клетке? Или только когда президент откажется идти на новый срок — ведь он сам говорил, что есть жизнь после власти — самая знаменитая пара Франции наконец заживет спокойно и счастливо?

Благодарности

Не могу не поблагодарить друзей, коллег и многих людей, которые помогали мне вести это расследование. Без них книга была бы уже не та.

Спасибо издательству Flammarion и лично Тьерри Билляру за доверие и терпение. А Санди — за хорошее настроение.

Спасибо Коломбе П., Анн-Лоре К., Марчелло В., Эрику С. за помощь и постоянную поддержку.

Спасибо Анн за то, что ввязалась вместе со мной и в эту авантюру.

Спасибо Жюли, Лорансу, Жилю, Полин, Вероник, Франсуаз, Тьерри, Анн, Латифе, Элен Х. Л., Карин, Марион, Махо, Сильвии, Жан-Клоду… за то, что окружают меня своей верной дружбой.

Моим коллегам во Франции и за рубежом, которые нашли для меня время и помогали мне от начала и до конца.

Спасибо моим родителям, Хишему и Дунья, за неизменное воодушевление.

notes

Примечания

1

Пер. Н. Немчиновой, А. Худадовой. — *Примеч. пер.*

2

Она не пожелала с нами встретиться, т. к. Карла Бруни посоветовала ей этого не делать.

3

Беседа с автором, 16 ноября 2009 г., Париж.

4

16-й округ — самый большой и один из самых престижных округов Парижа, расположен на правом берегу реки Сены. — *Примеч. пер.*

5

Беседа с автором, 10 июня 2009 г., Сюрен.

Autobiographie non autorisée, 2009 г., Plon.

7

Cécilia, la face cachée de l'ex-première dame, Denis Demonpion et Laurent Léger, 2008, Pygmalion.

8

Беседа с автором, 21 января 2010 г., Париж.

9

Он занимал этот пост с 18 мая 2007-го по 17 марта 2008 г.

10

HADOPI — Французское правительственное агентство по борьбе с пиратством. — *Примеч. пер.*

11

Les Inrockuptibles, журнал о культурной жизни Парижа. — *Примеч. пер.*

См., в частности, *Le Point*, 5 июня 2008 г.

13

Беседа с автором, 10 марта 2010 г., Париж.

14

Беседа с автором, 27 августа 2009 г., Париж.

15

Тетушка Ивонна, прозвище супруги президента Шарля де Голля. — *Примеч. пер.*

16

Беседа с автором, 27 августа 2009 г., Париж.

17

Беседа с автором, 2 марта 2010 г., Париж.

18

Беседа с автором, 27 апреля 2010 г., Париж.

19

Беседа с автором, 15 февраля 2010 г., Париж.

Девичья фамилия Сесилии. — *Примеч. пер.*

21

Ришар Аттиас. — *Примеч. пер.*

22

Беседа с автором 18 мая 2010 г., Леваллуа-Перре.

23

UMP (фр. *Union pour un mouvement populaire)* — «Союз за народное движение», правящая либерально-консервативная партия во Франции. — *Примеч. пер.*

24

Беседа с автором, 21 апреля 2010 г., Париж.

25

Беседа с автором, 21 апреля 2010 г., Париж.

26

Беседа с автором, 24 марта 2010 г., Париж.

27

Нёйи-сюр-Сен — город в департаменте О-де-Сен, мэром которого Николя Саркози был с 1983 по 2002 г. — *Примеч. пер.*

28

Darty — магазин электроники и бытовой техники. — *Примеч. пер.*

29

Беседа с автором, 18 мая 2010 г., Леваллуа-Перре.

30

Беседа с автором, 16 марта 2010 г., Париж.

31

Беседа с автором, 10 марта 2010 г., Париж.

32

Беседа с автором, ноябрь 2009 г., Париж.

Чересчур *(англ.)*. — *Примеч. пер.*

34

«Guignols de l’info» («Куклы из новостей») — сатирическая телевизионная передача, участниками которой являются куклы, похожие на знаменитостей и политических деятелей. — *Примеч. пер.*

35

Беседа с автором 27 августа 2009 г., Париж.

36

Сесилия Аттиас, с которой мы связались через ее секретаря в ноябре 2009 г., не пожелала встретиться с нами для беседы.

37

Беседа с автором, 24 ноября 2009 г., Нью-Йорк.

38

Беседа с автором, 28 ноября 2009 г., Нью-Йорк.

39

Беседа с автором, 28 апреля 2009 г., Париж.

Беседа с автором, 28 июня 2009 г., Париж.

41

Беседа с автором, 15 июня 2009 г., Париж.

42

Беседа с автором, 4 марта 2010 г., Манделье.

43

Беседа с автором, 28 апреля 2010 г., Париж.

Беседа с автором, 20 января 2010 г., Париж.

45

Беседа с автором, 20 апреля 2010 г., Париж.

Беседа с автором, 4 декабря 2009 г., Нью-Йорк.

47

Инес де ля Фрессанж (11.08.1953) — французская модель, в 1980 г. заключившая первый эксклюзивный контракт с домом моды «Chanel». — *Примеч. пер.*

Беседа с автором, 10 марта 2010 г., Париж.

49

Беседа с автором, 7 декабря 2009 г., Париж.

Добрый день, я — Карла (ит.). — *Примеч. пер.*

51

Беседа с автором, 15 июня 2009 г., Париж.

52

Туке-Пари-Пляж *(фр.* Le Touquet-Paris-Plage) — коммуна в департаменте Па-де-Кале, на севере Франции. — *Примеч. пер.*

53

Беседа с автором, 24 апреля 2009 г., Париж.

Беседа с автором, 19 октября 2009 г., Париж.

Беседа с автором, 3 июля 2009 г., Париж.

Беседа с автором, 20 апреля 2010 г., Париж.

Беседа с автором, 10 июня 2010 г., Париж.

Детское лицо *(англ.)*.

Беседа с автором, 7 сентября 2009 г., Париж.

Она не делает из этого тайны: даже оставила ему автограф на фото.

Paris Match, 17–23 июля 2008 г.

Беседа с автором, 13 октября 2009 г., Париж.

Беседа с автором, 15 июня 2009 г., Париж.

Беседа с автором, 11 сентября 2009 г., Париж — Нью-Йорк.

Беседа с автором, 30 марта 2010 г., Париж.

Беседа с автором, 16 июня 2009 г., Париж.

Беседа с автором, 8 июля 2009 г., Париж.

VSD, 30 октября 1994 г.

Беседа с автором, 14 апреля 2010 г., Париж.

Беседа с автором, 28 апреля 2010 г., Париж.

71

Беседа с автором, 11 сентября 2009 г., Париж.

Упоминание имен (англ.). — *Примеч. пер.*

73

Привет, это Мик, могу я поговорить с Карлой? (англ.). — *Примеч. пер.*

Беседа с автором, 30 марта 2010 г., Париж.

Беседа с автором, 20 января 2010 г.

Autobiographie non autorisée, Жак Сегела, op. cit.

77

Беседа с автором, 27 августа 2009 г., Париж.

Беседа с автором, 28 апреля 2009 г., Париж.

Carla Bruni, itinéraire sentimental, Christine Richard et Edouard Boulon-Cluz, 2008, Éditions Privé.

Space cake — выпечка (в основном шоколадные кексы) с добавлением марихуаны. — *Примеч. пер.*

81

Беседа с автором, 2 сентября 2009 г., Париж.

Беседа с автором, 15 февраля 2010 г., Париж.

83

Madame Figaro, 19 августа 2008 г.

Министр образования во Франции в 2002–2004 гг. — *Примеч. пер.*

Беседа с автором, 24 ноября 2009 г., Нью-Йорк.

Беседа с автором, 20 мая 2010 г., Верона, Италия.

Беседа с автором, 18 августа 2009 г., Лаванду.

Беседа с автором, 13 мая 2010 г., Париж.

89

Беседа с автором, 5 декабря 2009 г., Париж.

Кто-то мне сказал *(фр.)*. — *Примеч. пер.*

91

Беседа с автором, 13 мая 2010 г., Париж.

Le Figaro, 21 декабря 2007 г.

93

«Les Enfoirés» («Глупцы») — ежегодные сборные концерты с участием звезд эстрады. Вся выручка от концертов поступает в благотворительную организацию «Les Restos du Coeur». — *Примеч. пер.*

«Restos du Coeur», «Рестораны от сердца», были созданы в 1985 г. комедийным актером Колюшем. В них работают добровольцы, нуждающиеся получают еду бесплатно. — *Примеч. пер.*

«Если бы я был ею». — *Примеч. пер.*

Les Inrockuptibles, 16 января 2007 г.

Сам певец всегда опровергал эти слухи.

Paris Match, 4 марта 2004 г.

Беседа с автором, 27 августа 2009 г., Париж.

100

Беседа с автором, 27 июля 2010 г., Париж.

101

Беседа с автором, 28 июля 2010 г., Париж.

102

Les Inrockuptibles, 27 ноября 2002 г.

103

Les Inrockuptibles, 16 апреля 2003 г.

104

Les Inrockuptibles, 30 марта 2005 г.

То, чего ты хочешь. — *Примеч. пер.*

Как ни в чем не бывало. — *Примеч. пер.*

107

Le Parisien, 15 июля 2008 г.

108

Les experts *(фр.)*. В оригинале «CSI: Crime Scene Investigation», в русской версии — «C.S.I.: Место преступления». — *Примеч. пер.*

L'Express,14 февраля 2008 г.

Le Figaro Magazine, 11 juillet 2008 г.

111

Marie Claire, 1 сентября 2008 г.

112

Elle, 12 июля 2008 г.

113

Беседа с автором, 28 июля 2010 г., Париж.

Беседа с автором, 27 августа 2009 г., Париж.

115

Беседа с автором, 10 марта 2010 г., Париж.

Беседа с автором, 28 мая 2010 г., Париж.

«Для вас». — *Примеч. пер.*

118

Букер — сотрудник агентства, занимающийся организацией кастингов, фотосессий модели, созданием ее портфолио, а также сопровождает ее в рабочих поездках. — *Примеч. пер.*

119

Беседа с автором, 27 августа 2009 г., Париж.

120

Беседа с автором.

121

Un petit tour en enfer, Franck Demules et Ludovic Perrin, 2009, Éditions du Moments.

Беседа с автором, 13 мая 2010 г., Париж.

123

Уголовное дело, которое было возбуждено на основании анонимного письма, содержавшего обвинения в финансовых махинациях с участием видных французских политиков, в том числе Николя Саркози. — *Примеч. пер.*

Беседа с автором, 28 апреля 2010 г., Париж.

125

Беседа с автором, 24 августа 2009 г., Париж.

Цитата с официального сайта www.carlabrunisarkozy.org

127

Беседа с автором, 27 августа 2009 г., Париж.

128

Вероник Рампаццо, пресс-секретарь первой леди, не пожелала ответить ни на один наш вопрос.

129

Дело о незаконном финансировании предвыборной кампании Николя Саркози, которого якобы спонсировала владелица «L’Oréal» Лилиан Бетанкур. — *Примеч. пер.*

Беседа с автором, 6 мая 2010 г., Париж.

www.frenchmorning.com, 30 марта 2010 г.

132

«Traiteur du Marais» — компания, занимающаяся организацией роскошных приемов и банкетов. — *Примеч. пер.*

133

Беседа с автором, 10 июня 2010 г., Париж.

Беседа с автором, 16 июня 2010 г., Париж.

«Полночное разрешение». — *Примеч. пер.*

Беседа с автором, 24 июля 2010 г., Париж.

137

EPAD — Совет по обустройству делового района Дефанс. С подачи Николя Саркози его сын Жан решил претендовать на пост главы Совета, что вызвало резкие протесты в обществе. — *Примеч. пер.*

Беседа с автором, 2 июля 2010 г., Париж.

«Помощь». — *Примеч. пер.*

Беседа с автором, 13 мая 2010 г., Париж.

141

«Эммаус» — международная благотворительная организация, созданная аббатом Пьером. — *Примеч. пер.*

Casse-toi, Oh! Éditions, 2010, Paris.

143

Беседа с автором, 14 апреля 2010 г., Paris.

Убежище. — *Примеч. пер.*

145

Беседа с автором, 9 июня 2010 г., Черный мыс.

Беседа с автором, 9 июня 2010 г., Черный мыс.

Беседа с автором, 27 августа 2010 г., Париж.

Беседа с автором, 18 мая 2010 г., Левалуа-Перре.

149

Беседа с автором, 2 июля 2010 г., Париж.

Военная база в США. — *Примеч. пер.*

Piaggio & C. SpA — итальянская компания, производящая мотороллеры и мотоциклы. — *Примеч. пер.*

Беседа с автором, 18 августа 2010 г., Париж.

153

Беседа с автором, 13 ноября 2009 г., Париж.

Беседа с автором, 27 августа 2009 г., Париж.

155

Беседа с автором, 22 апреля 2010 г., Париж.

Беседа с автором, 16 июня 2010 г., Париж.

157

Беседа с автором, 13 мая 2010 г., Париж.

Беседа с автором, 13 мая 2010 г., Париж.

159

Основатель сети кинотеатров МК2.

Беседа с автором, 2 сентября 2009 г., Париж.

161

Беседа с автором, 19 мая 2010 г., Париж.

Беседа с автором, 1 марта 2009 г., Париж.

163

AP, La France succombe á l’obamania, 25 июля 2008 г.

Беседа с автором, 20 апреля 2010 г., Париж.

«Нью-Йорк с тобой». — *Примеч. пер.*

G20 — Группа двадцати — формат международных совещаний министров финансов и глав центральных банков, представляющих 20 экономик. — *Примеч. пер.*

Беседа с автором, 29 марта 2010 г., Вашингтон.

Первая леди *(англ.). — Примеч. пер.*

169

Беседа с автором, 3 июля 2009 г., Париж.

Беседа с автором, 25 марта 2010, Вашингтон.

Беседа с автором, 4 декабря 2009, Нью-Йорк.

Vogue US, март 2009.

http://www.politicsdaily.com/2009/09/26/quel-fromageit-alian-born-mrs-sarkozy-tuts-to-michelle-that-am/3

174

Серия была показана в США 15 ноября 2009 г. Она называлась «Дьявол носит nada *(ничего (исп.))»* — отсылка к фильму «Дьявол носит Прада».

Беседа с автором, 31 марта 2010 г., Вашингтон.

Jonathan Alter, *The Promise: President Obama, Year One*, 2010, Simon & Schuster Adult.

177

Беседа с автором, 3 июля 2009 г., Париж.

178

Беседа с автором, 18 марта, Париж.

179

Беседа с автором, 29 июня, Турин.

Беседа с автором, 4 марта 2010 г., Манделье.

181

Беседа с автором, 20 мая 2010 г., Тренто.

Беседа с автором, 28 сентября 2009 г., Париж.

L’Industriale Dodecafonico, Éditions Marsilio, 2003.

«Отец-хозяин» *(ит.). — Примеч. пер.*

Беседа с автором, 4 мая 2010 г., Манделье.

Беседа с автором, 2 сентября 2009 г., Париж.

Беседа с автором, 28 июня 2010 г., Турин.

Беседа с автором, 4 марта 2010 г., Манделье.

Le Point, 7 февраля 2008 г.

Беседа с автором, 10 июня 2010 г.

191

Беседа с автором, 20 мая 2010 г., Тренто.

Беседа с автором, 4 марта 2010 г., Манделье.

Беседа с автором, 28 июня 2010 г., Турин.

Беседа с автором, 20 мая 2010 г., Тренто.

Беседа с автором, 28 июня 2010 г., Турин.

Беседа с автором, 14 мая 2010 г., Париж.

Позже в интервью «Le Figaro» госсекретарь назвала эту информацию «гнусными слухами».

Téléstar, февраль 2007 г.

199

В 1968 г. тело Марковича, охранника Алена Делона, было найдено на свалке в пригороде Парижа. Вскоре стали сплетничать о вечеринках, которые устраивали парижские знаменитости, — он был там частым гостем. Затем волна слухов перекинулась на премьер-министра Жоржа Помпиду и его жену Клод — они были известны своими связями с шоу-бизнесом, и поговаривали, что они участвовали в тех, очень смелых, вечеринках. Ни пресс-служба Елисейского дворца, ни администрация премьер-министра не предупредили Жоржа Помпиду об этих слухах. Когда он наконец узнал об этом, то пришел в ярость. Еще несколько лет у него был особый список лиц, которых он считал распространителями этой клеветы.

200

Le Canard enchaîné, 31 марта 2010 г.

201

Беседа с автором, 22 апреля 2010 г., Париж.

Беседа с автором, 10 марта 2010 г., Париж.

Paris Match, 19 mai 2010.

Беседа с автором, 29 июля 2010 г., Париж.

205

Беседа с автором, 21 января 2010 г., Париж.

Valérie BénaÏm et Yves Azeroual, *Carla et Nicolas, La véritable histoire, op. cit.*

207

Беседа с автором, 10 июня 2010 г., Париж.

Беседа с автором, 10 июня 2009 г., Сюрен.